

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019 Том 2 № 5

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

Главный редактор
К.П. Курьлев, доктор
исторических наук, профессор,
РУДН, Российская
Федерация,
kuryljov@narod.ru

Заместитель главного редактора
Н.П. Пархитко кандидат
исторических наук, доцент,
РУДН, Российская Федерация,
scharmchorst@mail.ru

Ответственный секретарь
Н.Г. Смолик,
старший преподаватель,
РУДН, Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Республика Азербайджан

Агрян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Республика Беларусь

Юрчак Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Республика Беларусь

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Грузия

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Республика Индия

Дешпанде Санджай, кандидат исторических наук, директор Центра евразийских исследований Университета Мумбаи, Республика Индия

Губайдулина Мара Шаукатовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Республика Казахстан

Жолдасбекова Акбота Ниязовна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, декан факультета экономики и права Международной Образовательной Корпорации, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Кыргызская Республика

Сыкульски Лешек, кандидат политических наук, научный сотрудник Университета им. Яна Длугоша в Ченстохове, президент Польского геополитического товарищества, Республика Польша

Бредихин Антон Викторович, кандидат исторических наук, президент АНО социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований», Российская Федерация

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья РГГУ, Российская Федерация

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация

Мавлонова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, Российская Федерация

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО (Университета), Российская Федерация

Сидоров Дмитрий Алексеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, Российская Федерация

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, РУДН, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, Российская Федерация

Мансуров Умед Абдуфаттохович, кандидат юридических наук, проректор по международным связям Российско-Таджикского (Славянского) университета, Республика Таджикистан

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Республика Узбекистан

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)

08.00.14 – Мировая Экономика (экономические науки)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривосточных процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2019 г. следующий:

№ 6 2019	Энергетическая дипломатия на постсоветском пространстве	До 30 сентября 2019 г.
№ 8 2019	Беларусь в мировой политике	До 15 декабря 2019 г.
№ 7 2019	Номер не тематический	До 11 ноября 2019 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Адрес редакции

117513, Москва, Россия, ул. Академика Бакулева, д. 6

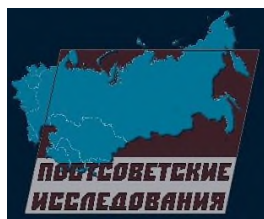
e-mail: article@postussr.org

Почтовый адрес редакции

117513, Москва, Россия, ул. Академика Бакулева, д. 6

e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курьлев, 2019

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2019 VOLUME 2 No. 5

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФЦ 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITOR-IN-CHIEF	DEPUTY EDITOR	EXECUTIVE SECRETARY
Professor Dr. Konstantin Kurylev RUDN University, Russia kuryljov@narod.ru	PhD Nikolay Parkhitko RUDN University, Russia scharnchorst@mail.ru	PhD Nadejda Smolik RUDN University, Russia, nadian@list.ru

Scientific Editors: PhD E.N. Grachikov (Politics), PhD E.F. Chernenko (Economics), PhD O.S. Chikrizova (History)

EDITORIAL BOARD

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Republic of Belarus

Yurchak Denis Valeryevich, PhD in History, Associate Professor of the History Department, Vitebsk State University of P.M. Makarov, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia (Tbilisi), Georgia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in political sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, Republic of India

Deshpande Sandjay, PhD in History, Director of the Center for Eurasian Studies in the University of Mumbai, Republic of India

Gubaydulina Mara Shaukatovna, Doctor of History, Professor of the Faculty of International Relations and World Economy of the Kazakh Al-Farabi National University, Republic of Kazakhstan

Zholdasbekova Akbota Niyazovna, PhD in Politics, Dean of the Faculty of International Relations of the L. N. Gumileva Eurasian National University, Professor, Republic of Kazakhstan

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Dean of the Faculty of Economy and Law, International Educational Corporation, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbybyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyz Republic

Sykulski Leszek, PhD in political sciences, lecturer at the Jan Dlugosz University, the president of the Polish Geopolitical Society, Republic of Poland

Bredikhin Anton Viktorovich, PhD in History, President of the Independent Non-Profit Organization of the Socio-Economic and Political Consulting Center for Ethnic and International Studies, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Russian Federation

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Russian Federation

Mavlonova Anna Sergeevna, PhD in History, Senior Lecturer, School of Oriental Studies, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

Markedonov Sergey Mirosлавovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Russian Federation

Sidorov Dmitry Alekseevich, PhD in Politics, Senior Researcher, Associate Professor at the Department of International Relations, Diplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Russian Federation

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Russian Federation

Mansurov Umed Abdufattohovich, Doctor of Law, Vice-Rector for International Relations of the Russian-Tajik (Slavic) University, Republic of Tajikistan

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Republic of Uzbekistan

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

07.00.02 - National History (Historical sciences)

08.00.14 - World Economy (Economics)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar.

Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2019 will deal with the following issues:

№ 2019	6	Energy diplomacy in the post-Soviet space	Till 30 September 2019.
№ 2019	8	Belarus in global politics	Till 15 December 2019.
№ 2019	7	Non-themed issue	Till 11 November 2019.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Address of the Editorial Board:

6 Academic Bakulev str., 117513, Moscow, Russia

e-mail: article@postussr.org

Postal Address of the Editorial Board:

6 Academic Bakulev str., 117513, Moscow, Russia

e-mail: article@postussr.org

Содержание

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Центральная Азия: конкуренция или сотрудничество

- Зайцева Е.А.** Вопросы безопасности Центрально-азиатского региона на современном этапе.....1241
- Shoaib Khan.** Challenges for India in Central Asia (*Шоаиб Хан. Интересы Индии в Центральной Азии*).....1249
- Халлыев М.М.** Религиозный фактор в политических процессах Центральной Азии.....1258
- Саримсоков З.С.** Инструменты “мягкой силы” России и их применение в Центральной Азии.....1267
- Гаспарян К.** Участие Казахстана в инициативе Китая «Один пояс – Один путь».....1280

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Гикашвили Г.** Терроризм на Южном Кавказе.....1292

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Курылев К.П., Станис Д.В.** К вопросу об украинско-китайских отношениях.....1305
- Палациос Кабреро Э.** Отношения Республики Корея и Российской Федерации на современном этапе.....1313
- Хуррамов Ж.Р.** Концептуальные основания отношений Узбекистана и России....1328

ПРОБА ПЕРА

- Пуртова А.В.** Украинский кризис в оценках экспертно-аналитических центров США и ЕС.....1340

Contents

THEMATIC DOSSIER:

Central Asia: Cooperation or Competition

<i>Zaitseva E.A.</i> . Security Issues of the Central Asian Region on the Modern Stage of Regional Cooperation Implementation.....	1241
<i>Shoaib Khan</i> . Challenges for India in Central Asia.....	1249
<i>Khallyev M.M.</i> . Religious Factor in the Political Processes of Central Asia.....	1258
<i>Sarimsokov Z.S.</i> . Instruments of "Soft Ppower" of Russia and their Application in Central Asia.....	1267
<i>Gasparyan K.</i> . Participation of Kazakhstan in the Initiative of China "One Belt – One Way".....	1280

REGIONAL SECURITY

<i>Gikashvili G.</i> . Terrorism in South Caucasus.....	1292
---	------

BILATERAL RELATIONS

<i>Kurylev K.P., Stanis D.V.</i> . On the Ukrainian-Chinese Relations.....	1305
<i>Palacios Cabrera Э.</i> . Relations of the Republic of Korea and the Russian Federation on the Modern Stage.....	1313
<i>Khurramov J.R.</i> . Conceptual Bases of Relations Between Uzbekistan and Russia.....	1328

FIRST STEPS

Пырова A.V. . Ukrainian Crisis in the Estimates of Think-Tanks of the US and EU.....	1340
---	------

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Центральная Азия: конкуренция или сотрудничество

Вопросы безопасности Центрально-азиатского региона на современном этапе осуществления регионального сотрудничества

Е.А. Зайцева

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Данная статья является попыткой провести обзор внутри и внешнеполитической активности центрально-азиатских республик в целях обеспечения и поддержания безопасности в регионе, осветить наличие проблем и вызовов региональной безопасности на современном этапе, определить место Центральной Азии в геополитическом курсе крупных держав, а также проследить динамику сотрудничества и вовлеченности центрально-азиатских республик в процесс интеграции для будущего устойчивого развития региона на мировой арене.

Ключевые слова: безопасность, Центральная Азия, национальные интересы, регион, интеграция, межрегиональные связи, сотрудничество.

Security Issues of the Central Asian Region on the Modern Stage of Regional Cooperation Implementation

E.A. Zaitseva

Jusup Balasagyn Kyrgyz State University, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract: This article is an attempt to review the internal and foreign policy activity of the Central Asian republics for the ensuring and maintaining security in the region. It highlights the current regional security problems and challenges, determine the place of Central Asia in the geopolitical course of major powers, and trace the dynamics of cooperation and the involvement of the Central Asian republics in the integration process for the future sustainable development of the region on the world arena.

Keywords: security, Central Asia, national interests, region, integration, interregional relations, cooperation.

Безопасность является предметом заботы любого государства и общества, какими бы они не были – большими или маленькими, высокоразвитыми или развивающимися, имеющими многовековую историю или совсем недавно получившими независимость. Безопасность должна обеспечиваться постоянно и по всем направлениям, отложить ее обеспечение на какое-то время нельзя, так как воздействие различных угроз на состояние безопасности сохраняется в течение долгого периода, характеристики некоторых из них во времени и в пространстве динамично изменяются, появляются новые, но в целом все они действуют непрерывно. Если своевременно не реагировать на них, то это будет иметь разрушительные последствия для государства

и общества, а также каждой отдельной личности.

Так, для центрально-азиатского региона основополагающим принципом политики безопасности является ее постоянство и преемственность. С другой стороны, он обусловлен также тем, что национальные интересы стран Центральной Азии, на защиту которых в целом направлена политика безопасности остаются неизменными в течение длительного времени, которое может охватывать десятки лет. Например, одним из таковых является сохранение территориальной целостности, актуальность которой сохранится в течение еще многих лет. Взаимные территориальные претензии государств региона унаследованы еще от СССР и в этом отношении государства региона являются априорно заложниками

этой проблемы. Неразрешенность приграничных вопросов является причиной проблем административно-хозяйственного типа. Некоторые аграрные и промышленные объекты, оказавшиеся на границе государств, вызывают споры по поводу их принадлежности, как, например, водохозяйственные объекты и нефтегазоконденсатное месторождение Кокдумалак на границе между Узбекистаном и Туркменистаном.

Отсутствие четкой демаркации границ между центрально-азиатскими государствами, наличие анклавов искусственно усиливает напряженность в отношениях между государствами региона. Эта проблема затрагивает все государства региона, хотя из всех государств Центральной Азии только Туркменистан в настоящее время завершил процесс определения государственных сухопутных границ с соседями по СНГ.

Данная проблема продолжает существовать во всем своем потенциале и, пожалуй, еще долго будет нагнетать межгосударственные отношения стран Центральной Азии¹. Подобная приграничная ситуация является детонатором в межгосударственных отношениях и чревата дестабилизацией обстановки в регионе.

Хотя в последнее время наблюдается некоторая положительная динамика в этом вопросе. По итогам 2017 г., процесс демаркации кыргызско-казахской границы полностью завершен, вы уже ратифицировали данное соглашение. Подписано соглашение по 1 170 из общих 1378 км границы с Узбекистаном, идут переговоры о демаркации и делимитации оставшихся 15% государственных рубежей. Определено 60% (585 км) границы с Таджикистаном². В 2018 г. между Кыргызстаном и Узбекистаном все работы по уточнению спорных участков были завершены, но процесс делимитации и демаркации продолжается до сих пор. Рабочие группы обеих республик постоянно проводят встречи и переговоры.

Однако, в каждый значимый период национальные интересы должны рассматриваться под новым ракурсом с уточнением и расширением отдельных положений, усилением отдельных акцентов в связи с изменениями во внешней и внутренней обстановке.

Это также относится к различным внешним и внутренним угрозам, часть из которых может потерять свою актуальность в силу различных причин, в то же время могут появиться новые, вызванные современными факторами и условиями, которых не было в предыдущие периоды, действие же других остается долгосрочным и необходимость реагирования на них сохраняется в новых условиях. На современном этапе таковыми для центрально-азиатских государств являются, например, контрабанда и наркотрафик, неконтролируемая нелегальная внешняя и внутренняя миграция, угроза терроризма, религиозный исламистский экстремизм, усиление сепаратистских тенденций, межэтнических противоречий, фактора этнорегионализма, недостаточная эффективность системы управления, а также кризисное состояние экономики, частично энергетическая безопасность, конфликт в Афганистане, а также в последнее время все чаще выделяют угрозу политической дестабилизации региона в результате смены руководящих элит в Узбекистане, Казахстане и Кыргызстане.

Но в целом на данный момент мы видим, что в регионе обошлось без нестабильности и неожиданностей. Курс Узбекистана по вопросам безопасности остался прежним, как и политический курс страны в целом нашел свое продолжение при новом президенте Ш. Мирзиёеве³. Его политика способствовала разрешению давних споров между странами и заключению соглашений о дальнейшем сотрудничестве. Кроме того, после многолетнего жесткого контроля за курсом валюты Узбекистана, новое правительство добилось существенных успехов в

¹ The Central Asian politics in the spear of defense. / Ed. by Alexson H. New York, 2008. P. 26.

² Об итогах заседания Жогорку Кенеша КР. <https://ru.sputnik.kg/politics/20180614/1039670185/granica-delimitiaciya-demarkaciya.html>

³ Мирзиёев видит своей главной задачей продолжение курса Ислама Каримова. Sputnik Узбекистан, 9 сентября 2016г. <https://ru.sputniknews-uz.com/politics/20160909/3679294.html>

валютной реформе, что потенциально открывает двери для новых иностранных инвестиций.

Хотя проблемы перехода власти и восстановления национальной экономики все еще имеют некоторые сложности. Таджикистан, похоже, сворачивает на все более ограничительную политику, в то время как в Туркменистане происходят медленные и сдержанные общественные изменения при нарастании экономических трудностей, при том, что государственный бюджет пытается функционировать практически в отсутствие доходов от экспорта газа.

В некоторых странах региона прошедший год ознаменован началом нового электрального цикла. Это обстоятельство дает старт процессу подготовки заинтересованных политических сил к выборам.

В Казахстане в 2020 г. должны были пройти президентские, парламентские выборы. Однако, летом 2019 г. внутривнутриполитическая стабильность страны пошатнулась в связи с недавней сдачей своих полномочий и отставкой президента Н. Назарбаева. Общественность, недовольная подобного рода сменой власти, на данном этапе внимательно следит за происходящим в стране.

В Кыргызстане в 2020 г. ожидаются выборы в законодательный орган – Жогорку Кеңеш. Соответственно, выборы будут главным политическим событием республики. Активизируются межпартийные диалоги, партии усилят свою работу в общественно-политическом пространстве.

В Таджикистане в начале 2020 г. должны пройти парламентские выборы, и начиная с середины 2019 г., можно предполагать, что политические партии начнут активную подготовку к этому событию.

В Узбекистане в 2019 г. ожидаются выборы в Олий Мажлис обеих уровней – в законодательную палату и в сенат. До недавнего времени в стране были официально зарегистрированы четыре политические партии. В начале 2019 г. к ним присоединилась новая Экологическая партия Узбекистана. Предстоящие выборы в парламент Узбекистана примечательны тем, что в стране идет

внедрение Единого электронного списка избирателей и управлению избирательным процессом.

Также в июле 2019 г. пройдут выборы президента Афганистана. Президентские выборы в этой стране будут формально значимым событием для центрально-азиатского региона в более широком понимании, на фоне попыток внешних игроков найти компромисс с талибами. Традиционно, в этот период ожидается активизация террористических групп, нацеленных на срыв этих выборов. Соответственно, страны региона будут уделять особое внимание вопросам обеспечения безопасности в Центральной Азии.

Вопрос Афганистана продолжает оставаться основным вызовом для центрально-азиатских республик, так сказать вызовом регионального масштаба в области обеспечения безопасности. Основные угрозы исходят из Северного Афганистана, где формируются очаги из боевиков ИГИЛ, покинувших Сирию и Ирак. В отличие от талибов, они могут с большей решительностью попытаться проникнуть через границу и атаковать объекты в Таджикистане. В самой республике также по-прежнему много сторонников «псевдохалифата». Здесь сохраняется высокий риск новых терактов. Тем не менее, вопросы безопасности будут находиться под контролем правительства, силовые и военные структуры которого заметно укрепились в последнее время¹.

Есть очень серьезные подвижки во внутри-афганском диалоге, и если этот диалог будет продолжаться в тех формах и той динамике, которая была в 2018 г., то по мнению экспертов серьезных угроз оттуда ожидать не придется. Есть серьезная возможность того, что группировка ИГИЛ и ее ячейки в Афганистане попробуют спровоцировать ситуацию в регионе с террористическими актами и диверсиями. Но опять же, эти угрозы отслеживаются, уже сформирована система мер по противодействию этим вылазкам со стороны Афганистана. Как страны региона, так и соседи – Россия, Китай работают в этом направлении, поэтому

¹ Дмитрий Попов для Central Asian Analytical Network. <https://caa-network.org/archives/11060>

серьезных угроз, которые могут сотрясти всю Центральную Азию опасаться не стоит.

В области обеспечения безопасности в 2018 г. оформилась Ташкентская диалоговая площадка по урегулированию ситуации в Афганистане, которая будет иметь определенные перспективы. Афганистан являлся постоянным источником определенных угроз: наркотрафик, опасность террористических актов и прочее. Есть убежденность в том, что ситуация в Афганистане имеет тенденцию к нормализации, и идет поиск внутри-афганского консенсуса между противоборствующими силами. По мнению экспертов, тренд на усиление взаимодействия стран Центральной Азии с Афганистаном теперь уже с большим упором на экономическую составляющую, будет продолжен¹.

Характерной особенностью современной геополитической ситуации в центрально-азиатском регионе является повышенная концентрация здесь разнонаправленных интересов внешних международных акторов.

Очевидно, что центрально-азиатский регион сегодня остается ареной столкновения геополитических интересов глобальных и региональных держав. Существующий статус-кво региона заключается в том, что центрально-азиатские государства в связи с тем, что они недостаточно крупны на геополитической арене, вынуждены маневрировать во внешней политике между такими крупными державами, как Россия, Китай, США и ЕС для обеспечения своей безопасности².

Наблюдается растущее присутствие в регионе западных государств – США, стран Евросоюза, а также НАТО, причем для Североатлантического Альянса Центральная Азия стала неформальной зоной ответственности за пределами евроатлантического мира.

Китай продолжает развивать свою стратегию «Шелкового пути». Предположительно в ближайшей перспективе проект не будет иметь значительного трансформационного воздействия. Влияние Китая на экономику и общество региона останется примерно таким же, как и сейчас.

Россия будет продолжать привлекать мигрантов из Центральной Азии, роль которых в происходящих в регионе социальных преобразованиях, в частности в отношении ислама, остается критической. В контексте безопасности и сотрудничества Москва по-прежнему считает Центральную Азию сравнительно «стабильной» сферой своего влияния и поэтому ей не будет уделяться особого внимания³.

По мнению экспертов, в центрально-азиатском регионе в настоящее время наблюдается так называемый тренд интенсификации межрегиональных связей, что внушает долю оптимизма⁴. Согласно статистике по всем странам Центральной Азии, отмечается довольно резкий рост взаимной торговли, то есть внутри-региональная торговля между странами региона, которая с 1991 г. упала, очень сильно в последние годы начала восстанавливаться, что является хорошим трендом.

Для региона скорее возможны локальные риски и проблемы негативного характера. По мнению экспертов, самую большую угрозу страны Центральной Азии представляют для себя сами. Это, прежде всего, внутренняя слабость, отсутствие сильных политических институтов, политических традиций, слабый диалог с гражданским обществом. Традиционно сложная ситуация в регионе в социальной, религиозной, энергетической, банковской и валютно-финансовой сферах. Именно здесь самые острые риски⁵.

Однако 2018 г. стал показателем хороших предпосылок для начала реализации конкретных проектов по взаимодействию

¹ Дмитрий Попов для Central Asian Analytical Network. <https://caa-network.org/archives/11060>

² Баранов А.Ю. Треугольник США-РФ-КНР и ШОС // Азия и Африка сегодня. 2009г. №9. с.21.

³ Central Asian Analytical Network. Декабрь 21, 2017 <https://caa-network.org/archives/11060>

⁴ Прогнозы и риски в ЦА. Материалы круглого стола. <http://www.stanradar.com/news/full.html>

⁵ Экспертная комиссия Central Asian Analytical Network. <https://caa-network.org/archives/11060>

между собой стран Центральной Азии. Неформальный саммит стран глав государств Центральной Азии в Ташкенте, а затем в Астане – это показатель того, что страны готовы к реализации готовых проектов по усилению межгосударственных связей внутри региона¹.

Прошедший 2018 г. для центрально-азиатских стран был отмечен важными интеграционными мероприятиями и внутриполитическими событиями в каждой из пяти стран. Об этом свидетельствует проведение традиционных встреч президентов в рамках международных интеграционных проектов, как ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и СНГ.

Сегодня вклад в развитие регионального сотрудничества вносят все страны Центральной Азии, инициируя реализацию совместных проектов и решение актуальных проблем². По мере того, как страны систематизировано решают свои самые острые региональные проблемы, а именно, безопасность, демаркация границ и водопользование, сотрудничество в Центральной Азии усиливается во всех областях. Усиление регионального взаимодействия – это объективная, устойчивая и необратимая тенденция. Она основана на твердой политической воле всех стран региона и имеет глубокие исторические предпосылки. Так, например, инициированные президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым усилия по устранению изоляционистских политических стратегий и политических барьеров укрепили региональное сотрудничество и рассматриваются аналитиками как важный прорыв в отношениях между государствами Центральной Азии³.

По мнению экспертов, одним из самых важных событий 2019 г. для региона стала вторая консультативная встреча глав центрально-азиатских государств в марте 2019 г. в Ташкенте. Данное мероприятие позволит продолжить начавшийся в прошлом году процесс нормализации взаимоотношений между странами Центральной Азии с

выходом на качественно новый уровень многостороннего взаимодействия.

Также в 2019 г. прошел традиционный саммит ШОС, председательство в котором перешло к Кыргызстану. Ведущие политики говорили о терроризме и других вещах, важных с точки зрения функционирования этой организации. Для президента С. Жээнбекова это дебют в качестве президента, принимающего у себя высоких гостей и, конечно, власти Кыргызстана постарались организовать саммит на высоком уровне.

В 2019 г. в Таджикистане намечается запуск второго агрегата Рогунской ГЭС, а также начало реконструкции других крупных ГЭС, в первую очередь Нурекской, Кайраккумской ГЭС. Это позволит Таджикистану существенно увеличить поставки дешевой электроэнергии во внешние рынки, в первую очередь, в Узбекистан и Афганистан. Вдобавок, в Таджикистане в этом году пройдет крупное политическое мероприятие – Саммит глав государств Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), в котором примут участие главы государств Форума.

Одним из значимых событий интеграционного характера для региона стал запуск в феврале 2019 г. проекта «Шелковой визы» между Узбекистаном и Казахстаном. Предполагается, что данный центрально-азиатский аналог шенгенской визы Евросоюза, поможет увеличению потока зарубежных туристов в регион. «Шелковая виза» позволяет иностранным гражданам посетить обе страны по одной визе, полученной в любой из этих стран. К данному проекту с интересом присматриваются Кыргызстан и Таджикистан.

За последние пару лет появился относительно позитивный тон отношений между всеми странами региона. Лидеры центрально-азиатских республик будут продолжать также поддерживать свои позитивные отношения со внешним миром, даже

¹ Информационный портал Sputnik-Узбекистан. <https://uz.sputniknews.ru/politics/20180315/7726365/Glavy-gosudarstv-vstrecha-Tashkent-2019.html>

² Министр иностранных дел Узбекистана А. Камиллов во вступительном обращении на мероприятии в Ташкенте 19 февраля. <https://www.Kun.uz>

³ Новости Центральной Азии. http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/02/22/feature-01

при сложностях взаимоотношений между большими игроками.

Ключевые вопросы Центральной Азии на 2019 г. – это также сохранение социально-политической стабильности в условиях падающей экономики в Российской Федерации, поиск своих торгово-логистических ниш на рынках ЕАЭС, Китая, ЕС, а вместе с ними геополитических стратегий и векторов своей внешней политики.

По мнению экспертов, в ближайшей перспективе страны Центральной Азии будут продолжать находиться в зоне тройного влияния России, Китая и стран Запада. В информационном пространстве стран Центральной Азии будет нарастать информационные войны между глобальными державами с использованием как национальных СМИ, так и региональных медиа¹.

У центрально-азиатских государств есть исторические, культурные и родственные связи. Страны идеально подходят для формирования мощного интеграционного объединения, способного стать сильнейшим региональным игроком, который будет способен разговаривать с державами на равных.

Развитие региональных связей дает возможность объединяться и решать общие проблемы; помогать друг другу, быть друзьями, партнерами; возможность создавать для граждан центрально-азиатских республик рабочие места, предприятия регионального уровня². Это еще и основательная платформа для реализации совместной деятельности по укреплению взаимопонимания и достижения значимых результатов в

вопросах обеспечения безопасности всех пяти центрально-азиатских республик на настоящем этапе развития, а также на последующие годы.

В течение последних нескольких лет страны Центральной Азии фактически заново выстраивали связи в регионе в новых условиях. Развивали, восстанавливали экономические и политические коммуникации. Были разблокированы границы и открыты контрольно-пропускные пункты. И этот процесс будет продолжаться. Поэтому можно ожидать новых шагов в направлении к большей интеграции.

В итоге хочется отметить, что у стран региона схожие проблемы – политические, экономические, управленческие. Но с каждым годом характер развития стран все больше становится разноплановым. Узбекистан и Кыргызстан, а в прошлом десятилетии и Туркменистан, каждый по-своему, решили проблему передачи власти новому поколению руководителей. Но последствия для стран могут быть разными, многое зависит от степени устойчивости власти. Совершенно разная степень открытости обществ и национальных экономик пяти центрально-азиатских стран. При этом и открытые Казахстан и Кыргызстан, и закрытый Туркменистан сталкиваются с серьезными экономическими вызовами. Поэтому от того, насколько эффективными окажутся власти стран регионов в будущем, от того, какие решения они примут во внутренней и внешней политике, будет зависеть дальнейшая судьба и региона в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов А.Ю. Треугольник США-РФ-КНР и ШОС // Азия и Африка сегодня. 2009 г. №9.
2. Винокуров Е.Ю. От постсоветской к евразийской интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2010 г. №3.
3. Ерекешева Л.Г. Идентичность и интеграция в Центральной Азии в постиндустриальный период (постановка проблемы)// Интеграционные процессы в Евразии: политико-правовой аспект. - Алматы: Типография «Искандер». - 2003. 96с.
4. Искандаров А.И. Безопасность и Интеграция в Центральной: Роль ОДКБ и ШОС // Журнал Центральная Азия и Кавказ. Том 16. Выпуск 2, 2013.
5. Кушкумбаев С.К. Постсоветская Центральная Азия: геополитические и цивилизационные факторы регионообразования // Саясат - Policy №10, 2005.

¹ Кабар новости. <https://analytics.cabar.asia/ru/tsentralnaya-aziya-2019-tendentsii-i-vyzovy/>

² Д. Бекешев, депутат Жогорку Кенеша (парламента Кыргызстана) в Бишкеке. <http://central.asia->

news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/02/22/feature-01

6. Маслов В.И. Политические реформы в республиках Центральной Азии: история основных этапов развития // Социальные и гуманитарные науки. 2000г. №3-4
7. Николаев С.А. Центральная Азия в системе международных отношений на современном этапе: диссертация кандидата политических наук: 23.00.04 / Николаев Сергей Анатольевич; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ].- Москва, 2011.- 168 с.: ил. РГБ ОД, 61 11-23/185
8. Омаров Н.М. Будущее интеграционных процессов в Центральной Азии: проблемы и перспективы// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А. Князева. Бишкек. 2007. 296с.
9. Прогнозы и риски в Центральной Азии <http://www.stanradar.com/news/full.html>
10. Пядухов Г.А. Государства Центральной Азии: диалог, сближение, интеграция. Бишкек, 1997.
11. Саруханян Ю. Новый этап Центральноазиатского сотрудничества: чем опасен top-down approach? Материал проекта «Giving Voice, Driving Change – from the Borderland to the Steppes Project» Министерства иностранных дел Норвегии. <https://analytics.cabar.asia/ru/novyj-etap-tsentralnoaziatskogo-sotrudnichestva-chem-opasen-top-down-approach/>
12. Суюмбаев М. Центральная Азия в поисках утраченной идентичности // Центральная Азия и культура мира. Бишкек, 2003. - № 1-2.
13. Шайхутдинов М. Центральная Азия на пути становления в качестве самостоятельного субъекта геополитики: повестка дня для ученых и политиков / Безопасность и региональное сотрудничество. Алматы. КИСИ, 2004.
14. Alexson H. The Central Asian politics in the spear of defense. New York, 2008.

Сведения об авторе: Зайцева Евгения Анатольевна – старший преподаватель факультета Международных отношений и востоковедения КНУ им. Ж. Баласагына (e-mail: evgeniia.a.z@gmail.com).

REFERENCES

1. Baranov A.YU. Treugol'nik SSHA-RF-KNR i SHOS // Aziya i Afrika segodnya. 2009 g. №9.
2. Vinokurov E.YU. Ot postsovetskoj k evrazijskoj integracii // Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya. 2010 g. №3.
3. Yerekesheva L.G. Identichnost' i inte-gratsiya v Tsentral'noy Azii v postin-dustrial'nyy period (postanovka problemy)// Integratsionnyye protses-sy v Yevrazii: politiko-pravovoy as-pekt. - Almaty: Tipografiya «Iskan-der». - 2003. 96s.
4. Iskandarov A. I. Bezopasnost' i Integraciya v Central'noj: Rol' ODKB i SHOS // Zhurnal Central'naya Aziya i Kavkaz. Tom 16. Vypusk 2, 2013.
5. Kushkumbayev S. K. Postsovetskaya Tsen-tral'naya Aziya: geopoliticheskiye i tsi-vilizatsionnyye faktory regionoobra-zovaniya // Sayasat - Policy №10, 2005.
6. Maslov V. I. Politicheskiye reformy v respublikakh Tsentral'noy Azii: osnovnyye etapy razvitiya // Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. 2000g. №3-4.
7. Nikolayev S. A. Tsentral'naya Aziya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy na sovremennom etape: dissertatsiya kan-didata politicheskikh nauk: 23.00.04 / Nikolayev Sergey Anatol'yevich; [Mesto zashchity: Diplom. akad. MID RF].- Moskva, 2011.- 168 s.: il. RGB OD, 61 11-23/185
8. Omarov N.M. Budushcheye integratsion-nykh protsessov v Tsentral'noy Azii: problemy i perspektivy// Proyektly sotrudnichestva i integratsii dlya Tsen-tral'noy Azii: sravnitel'nyy analiz, vozmozhnosti i perspektivy / Pod red. A.A.Knyazeva. Bishkek. 2007. 296s.
9. Prognozy i riski v Tsentral'noi Azii. <http://www.stanradar.com/news/full.html>
10. Pyadukhov G.A. Gosudarstva Tsentral'-noy Azii: dialog, sblizheniye, inte-gratsiya. Bishkek, 1997.
11. Sarukhanyan Yu. Novyy etap Tsentral'-noaziatskogo sotrudnichestva: chem opa-sen top-down approach? Materi-al proyekta «Giving Voice, Driving Change – from the Borderland to the Steppes Project» Ministerstva inostrannykh del Norvegii. <https://analytics.cabar.asia/ru/novyj-etap-tsentralnoaziatskogo-sotrudnichestva-chem-opasen-top-down-approach/>

12. Suyunbayev M. Tsentral'naya Aziya v po-iskakh utrachennoy identichnosti // Tsentral'naya Aziya i kul'tura mira. Bishkek, 2003. - № 1-2.
13. Shaykhutdinov M. Tsentral'naya Aziya na puti stanovleniya v kachestve samostoya-tel'nogo sub"yekta geopolitiki: po-vestka dnya dlya uchenykh i politikov / Bezopasnost' i regional'noye so-trudnichestvo. Almaty. KISI, 2004.

About the author: Evgeniia Anatolievna Zaitseva – senior teacher at the Faculty of International Relations and Oriental studies of J.Balasagyn Kyrgyz National University (e-mail: evgeniia.a.z@gmail.com).

Challenges for India in Central Asia

Shoab Khan

Centre for Central Eurasian Studies, University of Mumbai, Mumbai, Republic of India

Abstract. Central Asia emerged as an important economic linkage between continents. Rich with deposits of natural mineral resources like uranium ore, hydrocarbon deposits, vast hydropower potentials that made the region of great significance and prime attention of big and regional powers. India as one of the players took keen interests in the region. New Delhi's major concerns with the Central Asian Republics trade, investment, infrastructure development, energy security and fight against Wahabi radicalisation.

Keywords: Afghanistan, India, Pakistan, China, Central Asia, Energy.

Интересы Индии в Центральной Азии

Шоаб Хан

Центра евроазиатских исследований, Университет Мумбаи, Мумбаи, Республика Индия

Аннотация. Центральная Азия стала важной экономической связью между континентами. Богатый залежами природных ресурсов, таких как урановая руда, углеводороды, огромный гидроэнергетический потенциал, сделали регион очень важным и привлекающим внимание крупных и региональных держав. Индия, как один из игроков, также проявила большой интерес к региону. Основные интересы Дели сосредоточены в сферах торговли, инвестиций, развития инфраструктуры, а также в вопросах обеспечения энергетической безопасности и борьбе с радикальным ваххабизмом.

Ключевые слова: Афганистан, Индия, Пакистан, Китай, Центральная Азия, энергетика.

The Afghan Factor

Afghanistan remained important especially for connectivity and security. The landlocked country facilitates Indian objectives in Central Asia. The re-emergence of extremist forces in Afghanistan and their spill over effect to both South and Central Asia that compelled India to focus its policy towards the region.

With its geo-strategic location, Afghanistan has remained a focus of India's regional foreign policy, despite the emergence of several events that led India's diplomatic isolation in Afghanistan like the coming of Mujahideen, disintegration of USSR, ousting of Rabbani government considered to be pro-Indian. The support of non-Pushtun groups by India which were opposing the Taliban regime and formed the Northern Alliance that controlled areas in the north of Afghanistan. India also provided technical support, high altitude warfare equipment, and medical facilities in the borders of Tajikistan by establishing a hospital in Farkhor on the Afghan-Tajik border and provided medical assistance to soldiers¹.

Since 2001, India has already pledged more than \$2 billion on various projects, emerging as the fifth largest bilateral donor to

Afghanistan. The Indian assistance was largely directed towards education, health and infrastructure related activities. This civilian centric policy helped in augmenting mutual trust. Despite periodic attacks on Border Roads Organisation (BRO) personnel, India has till now successfully constructed the 218-Km long highway linking the town of Zaranj near the Iranian border to Delaram in the northeast Afghanistan.

India has also played a significant and commendable role in constructing roads which have improved Afghan connectivity with strategic ports thereby reducing Kabul's dependence on Pakistan. India has so far been able to increase Afghan connectivity with the Iranian port of Chabahar which has led to an indirect decrease in Afghanistan's dependence on Pakistani ports of Gwadar and Karachi².

Indian endeavour in construction of the Chabahar Port in Iran is also based on the fact that it provides India with the most viable option of gaining access to Afghanistan since Pakistan's refusal to provide transit route to Indian goods bound for Afghanistan through its territory. In 2012 the port was used by India to deliver humanitarian aid to Afghanistan

demonstrating that the sea-route access to Afghanistan through Pakistan is not the only option available to India in the long run³.

India has successfully renovated the damaged Indira Gandhi Institute of Child Health and has regularly dispatched teams of doctors to Herat, Mazar-e-Sharif and Kandahar to attend to the massive medical needs of Afghanistan. On December 25, 2015, Prime Minister Narendra Modi inaugurated the Afghan parliament building that was constructed by India at a cost of USD 90 million⁴.

The Kazakh and Indian armies engaged in a joint exercise earlier to strengthen bilateral defence ties and exchange information and skills. In India-Central Asia security cooperation, Afghan issue remains an important aspect. Tajikistan and India signed an agreement on terror financing and money laundering in December 2006. There have been talks with the Tajik government by Prime Minister Modi for the lease of a former Soviet airbase. There has been progress on the Chabahar project along with shipment of Indian wheat to Afghanistan, considered an important facilitator of trade to and from Central Asia through the landlocked country.

In various fields in the last few decades there have been strong relations between Central Asian countries and India such as textiles, metallurgy, chemicals, mining, hydrocarbon, mineral processing, construction, and industrial production. Under the Indian Technical and Economic Cooperation (ITEC) program one of the largest beneficiaries has been the Central Asian countries. Their cooperation with India has also been in other sectors including information technology, food processing, and courses in English.

There have been significant gains by India in exploration and investing in the region, there continue to be issues relating to the transportation of oil to India due to lack of regional connectivity. It is said by Shahid Khaqan Abbasi the then Pakistani Prime Minister that the transnational gas pipeline, Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India (TAPI), critical for connecting India with the Central Asian region, would start operation in five years there was continuation of security and its related problems of security attached to it. Analysts hope that the problems related to the project

will be addressed in the meeting of the steering committee⁵.

Ignorance and Neglect of the Region

India's current trade figure of about USD 100 billion with the SCO members is asymmetric – about 90 billion is with China, with Russia it is 8 Billion and 1.5 billion with the Central Asia states in which Kazakhstan accounts for 1 billion.

Central Asian countries, along with Uzbekistan, may not be key export markets or investment destinations for Indian companies yet, but they are fast getting accessed to the supplies of raw materials, global market production and services. They are also increasingly getting integrated into the East-West Trans-Eurasian transit economic corridors⁶.

In Afghanistan the Indian investments are intended to strengthen that state and reduce the terrorist threat. To promote Indian economic growth as indicated by the TAPI pipeline which is also their aim. Even if the energy is a crucial one it is not the sole factor. The proclaimed Silk Road by the US even though not much is being done to promote it, is largely intended to promote ties between Central Asia, and Europe and India.

If Afghanistan is destabilized and Pakistan hostile or if Central Asia itself becomes convulsed with violence, India's commercial exposure abroad as well as its access to Turkmen gas will be seriously negatively affected. Since 1997 the idea of TAPI pipeline cannot gain traction amid increasing violence as that will scare off investors and any company that thinks about actually managing the project.

India will forcibly turn to Iran for energy and to other actors like China and Russia for support in Central Asia. Iran whose nuclear issues are by no means resolved is at best a questionable partner. Iran in the earlier negotiations had constantly raised the price for tariffs and changed the conditions it was prepared to accept. Therefore, for its repeated action there is not guarantee. In other words, the impending allied withdrawal from Afghanistan places India in a situation where it risks isolation in Central Asia⁷.

There had been long traditions of socio-cultural, religious, political and economic connections throughout the recorded history

between Central Asia and India. The British Empire in the mid-nineteenth century along with Czarist suzerainty over the Central Asian region, which was continued till the 1990's ties between both regions on historical and civilizational front had weakened. The emergence of the Central Asian Republics which has been out of the result of disintegration of Soviet Union. The New Great Game of which the Central Asian states soon became part of it in which the United States, Russia, China, and the European Union have been playing a strategic role in the region.

The geo-cultural and economic relations have bonded the connections of both regions. Their external and internal dynamics has not been due to these ties. Central Asia and India in the past two centuries had been separated by colonization and later the great power politics. Trade and cultural ties have been cut off.

During the colonial period there have been shift by the Indian side toward the Western countries. Central Asia on the contrary had lost its independent identity under the Soviet empire. Both the regions drifted from each other according to the interests of their colonial master which had contrasted with each other. Even after the independence, under Nehru's vision of the world, Central Asia had remained in oblivion⁸.

Even though with abundance of rich mineral sources and geographical proximity, new great game and strategic interests, scholars have strongly argued that India has remained disengaged and passive towards Central Asia since their independent notwithstanding diplomatic ties. There were no sincere efforts from the Indian side to prioritize and include this region in its foreign policy and consequently lags external and regional actors in Central Asian Republics⁹. It is for this attitude of India many factors have been responsible for not extending relationship with these countries on account of various factors, and one of them was deteriorating its economy.

On account of its weak economy India at that time was not in a position to capitalise the investment opportunities in these countries. India with its look east policy has been one of the factors of moving away from this region. This policy which focused on the development of extensive and comprehensive relations with

Southeast and East Asia has been concentrated by its economic and diplomatic resources¹⁰.

Central Asia has been ignored by India in spirit despite of its high strategic importance. The end of the bipolar world coinciding with the disintegration of the former Soviet Union had left indelible imprints on the Indian foreign policy. The dramatic shift in the foundations and framework, India's Central Asian policy has been entrapped in the dilemmas of conceptual tensions, strategic uncertainty, and geopolitical constraints¹¹.

The Indian foreign policy against this backdrop in the absence of a well-defined and well-articulation had displayed a sense of the incoherence and indistinctiveness towards the region has argued that despite historical belonging to India's strategic neighbourhood, it has not been giving enough attention to Central Asia¹².

India's total trade turnover with Central Asia has grown from US\$108m in 2000 to US\$1.5bn in 2017, according to the IMF's Direction of Trade Statistics. The bulk of this trade consists of imports of crude oil and chemical products from Kazakhstan. There is potential for the relationship to develop further, primarily through Indian importation of additional mineral resources from Central Asian countries. Economic links have remained constrained, however, as there is no shared border. The shortest route from India to Central Asia passes through a hostile Pakistan and an unstable Afghanistan. Therefore, trade between the two regions is presently conducted through China.

India's economic links with Central Asia are minuscule in comparison to those enjoyed by China. In 2000-17 Central Asia's merchandise trade with China grew from US\$1.8bn to US\$36.3bn, partly driven by an increase in oil and gas exports through the Central Asia-China Gas Pipeline (CAGP) and the Kazakhstan-China oil pipeline. China has become the biggest investor in the region through its BRI, superseding Russia, which had historically enjoyed a position of relative economic dominance. India unlike China did not have any significance energy deal with these countries. Beijing received 37bn cu m of natural gas through the CAGP in 2017; it plans to increase this amount in 2019.

The International North–South Transport Corridor (INSTC)—a proposed 7,200-km land-and-sea route connecting Russia, Central Asia, Iran and India—could be one solution to this problem. The project, first discussed in 2000, aims to strengthen economic ties through upgraded transport links. However, progress on building trade and transit infrastructure along this corridor has been very slow. Unlike the BRI, the project suffers from the lack of a single co-ordinating authority¹³.

India itself was never really part of any competition for regional influence. Some scholars accused India of indulging in wishful thinking toward the region rather than develop a coherent strategy. With no direct road transportation access and difficult market conditions, Central Asia has not attracted many private Indian companies, and its economic significance for India declined considerably in the 1990s.

Politically, Indian officials were comfortable dealing with the region's authoritarian leaders, who were part of the former Soviet elite and with whom New Delhi had worked for decades. They also appeared to provide stability and were committed to fighting Wahabi extremism and terrorism. Many multilateral organizations other than US and European Union seeking to spread democracy and free-market economics to the region, India has focused primarily on ensuring political stability there, viewing any turbulence as a serious threat. India obviously would have welcomed a more democratic Central Asia, but it preferred to allow democratization to happen at its own pace¹⁴.

Challenges for Indian Foreign Policy in the Region

Unlike Russia, China, and the United States, India starts from a lower base of engagement with the region since the collapse of the Soviet Union. This is despite India's relatively substantial economic presence in Afghanistan, where Pakistan's involvement has long defined India's policies that are only now starting to be proactive, go beyond India's obsession with Pakistan, and reflect Delhi's appreciation of Afghanistan's role as an interregional integrator.

It also faces major economic and social development constraints that keep its energies

focused on internal rather than regional challenges and opportunities, which are both restricting and facilitating its expansion as a great power. Moreover, India does not have as much cash as China to throw around and has a lot to do at home first. Partnering with other actors on a strategic level could open doors to financial, diplomatic, and military support India needs to achieve its objectives¹⁵.

With India's progress on the Chabahar Port in Iran, it is now required to strategize an effective regional approach which involves Iran and Central Asian countries, in addition to Russia. Along with a close alignment to the US this will be helpful for India to safeguard its interests in Eurasia. Russians too are interested in creating one such inventory in this context where it can bring Afghanistan, China, Iran, Pakistan, US, Central Asian countries and India on the same table.

The Great Game over Eurasia unfolded between Russia and Britain, and later the US in the 20th century; the 21st century Great Game is now finally unfolding in Eurasia, with multi-alignment approach projected by all nations projecting multi-alignment approach tested India's Eurasian strategy constantly.

It is for the development of India that the Eurasian region is important. With energy resources being the primary trade commodities, India is keen to connect with the region, stimulated by fast tracked infrastructure installation and policy implementations. India, as such does recognize its position in the geopolitical arena and is working towards proposing an alternative to China's OBOR¹⁶.

The fundamental requirements which drive India's Central Asian policy. Particularly the area which is full of natural resources. From Kazakh and Turkmen oil and gas, to Uzbek uranium, India sees a lucrative source for its energy procurement, which it has been seeking to diversify for some time now.

The ever-volatile Middle Eastern region, the Western and now US sanctions against Iran, the steadily rising price of oil, with India's ever-increasing energy demands depending mostly on imported products for which Central Asia turns to be important for India. In fact, ONGC Videsh Ltd., the overseas investment arm of India's state-owned Oil and Natural Gas Corp had entered Kazakhstan's hydro-

carbon sector in 2011 through the purchase of the Satpavev oil block, though it has not met with any luck till now.

The second requirement is connectivity. All the Central Asian States are landlocked states, and though it once was a contiguous neighbourhood for India. This has hampered trade and the movement of goods and people. The much touted TAPI (Turkmenistan Afghanistan Pakistan India) gas pipeline project for instance, has still not been implemented despite being floated way back in the 1990s precisely for this reason; Pakistan-India rivalry has hampered overland trade routes to and from India to Eurasia.

Therefore, India has engaged in the construction of the multi-modal International North South Trade and Transport Corridor which ambitiously seeks to connect India's Mumbai port with St. Petersburg in Russia. To that end India has invested majorly in developing Iran's Chabahar port through which the corridor will run. The Central Asian countries form a major component of the INSTC¹⁷.

India does not look at Central Asian countries the way powerful countries around the world look at the Central Asian resources. With the high growth in Indian economy, the increase in consumption and imports of oil and gas has been rising very fast. In its efforts to diversify the sources of oil imports, India has been looking at the Central Asian countries¹⁸.

Since 1991, Central Asian countries and India have established bilateral trade and economic relations in several fields like pharmaceutical sector, textiles, metallurgy, chemicals, hydrocarbons, mining, mineral processing, construction and industrial production. Central Asian countries have been one of the largest beneficiaries under ITEC programme and New Delhi has been offering human resource development training.

Though there had been ancient linkages with Central Asia, India's economic, strategic, security relations with the region remains unsatisfactory. India's strategic relations with the five Central Asian countries got a fresh momentum in the twenty first century more specifically from 2012. During the past few years, New Delhi has stepped up its engagement with the Central Asian Republics with an aim of

building long-term partnership, both bilaterally and collectively¹⁹.

Strategy Adopted by India towards Central Asia

India currently sources almost three-quarters of its oil consumption from abroad, much of it from the volatile Middle East region. In India's national security and foreign policy energy security has been its central component. With India projected to become ever more reliant on imported energy, reducing dependence on the Middle East and cultivating alternative sources of energy has become a vital concern. Central Asia contains vast hydrocarbon fields both on-shore and off-shore in the Caspian Sea. These are home to an estimated 4 per cent of the world's natural gas reserves, and approximately 3 per cent of oil reserves²⁰.

Kazakhstan, Turkmenistan, and Uzbekistan have large concentration of these resources, although Tajikistan and Kyrgyzstan also have potential for generating hydro-electric power. In addition, Central Asia has reserves of uranium ore plus the potential for its enrichment; so, the region could be tapped as a source of uranium for India's civilian nuclear programme, which would in the long-term help diversify its energy base²¹. In India's energy security policy Central Asia holds a place of prime importance. India's state-owned Oil and Natural Gas Corporation (ONGC) in the past decade has sought to invest in Kazakhstan, which has three of the world's richest oilfields. ONGC acquired sizeable stakes in the Alibekmola and Kurmangazy oilfields in Kazakh owned areas of the Caspian Sea²².

More recently ONGC attempted to buy a share of US company Conoco Phillip's holding in the Kashagan oilfield. The Indian Government though has begun investing in oil fields in Central Asia, its policy on how to transport this oil to the Indian market or work out oil swap deals is still evolving. There have been engagements by the Indian government in its negotiations regarding the 1680 km-long Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India (TAPI) pipeline, estimated to cost US\$7.6 billion to construct. The TAPI project is intended to transport 30 billion cubic meters (bcm) of gas from natural gas fields in Turkmenistan via Afghanistan and Pakistan to India²³.

It was for various reasons that the construction of the pipeline has been stalled, including prior commitment of Turkmen gas reserves to Russia, difficulties of engaging with the regime in Ashgabat, and the security risks associated with a pipeline that will run through southern Afghanistan. As a result, despite the hype around the TAPI project, there are doubts as to whether international companies will be willing to finance it²⁴. Therefore, practical implementation of the project is still at an early stage²⁵. Furthermore, following Chinese Premier Xi Jinping's visit to Turkmenistan in September 2013, there was speculation that the TAPI project may be derailed altogether but the construction on it has begun²⁶.

In Central Asia's security matrix India is keen to play a bigger role and to prevent real and perceived threats to its national security. New Delhi in the past decade has sought to enhance its security assets in the region, notably through the acquisition of a first foreign military outpost in Tajikistan. Since only a narrow 20 km stretch of Afghan territory separates India from Pakistan-administered Kashmir. In 2004 the airbase at Ayni was refurbished by India, reportedly spending \$70 million as part of its aid to Tajikistan. Though the intentions of New Delhi were never open to public there was speculation in the media that a squadron of MiG 29 bombers would be stationed at the airbase²⁷. The Ayni airbase was seen by some as emblematic of India's growing strategic aspirations and an attempt to project Indian military power in Central Asia²⁸.

In terms of trade with Central Asia, India is also far behind the first- and second-rank players although its commercial relations with the region are growing steadily and rapidly. The total figure from its bilateral commerce with the Central Asian States was estimated at \$200 million in 2008, a far cry from China's \$15 billion though a dramatic increase from the paltry \$95,000 recorded in 2000²⁹. It was listed as the 16th most important trading partner for Uzbekistan and the 22nd most important for Tajikistan. The next two years showed a further increase, with the total figure for India-Central Asia trade reaching \$ 467.7 million. Kazakhstan made up two-thirds of this figure at \$ 305.72 million and Uzbekistan followed in far second place at \$ 71.82 million³⁰.

A significant minority—30%—of India's export to the Central Asia belongs to pharmaceuticals, and pharmaceutical plants also make up a share of its investments in the region. Other export commodities are tea, medical equipment, machinery, tobacco, and consumer items. Major items of import for India beyond the energy field are asbestos, wheat, steel, aluminium, wool, and raw hides. India's FDI in the region is meanwhile too low to figure in reports. The only Indian company that has established itself in Central Asia so far is ArcelorMittal—Indian only in origin but based in Rotterdam—which specializes in metallurgy in Kazakhstan³¹.

While India's commerce with Central Asia has met with considerable difficulties, its gradual growth nonetheless stands testimony to the fact that both the inventory and the scope of the commodities exported to the region can be further expanded. One underexplored area is information technology, in which India has already made strides by opening centres in all the Central Asian States. In 2011, Kazakhstan and India signed an MoU for establishing a joint IT centre at the University of Astana. While this is a beginning, there are more opportunities for higher levels of collaboration here, such as a reinvigorated set of cooperation initiatives between the Indian technology sector and the innovation city in Kazakhstan's Alatau, called Park of Information Technologies (PIT) Alatau, which was established in the wake of a 2002 agreement³².

As Indian bilateral ties with its five Central Asian partners show, despite the best of intentions, the Indian relationship with Central Asia has been rife with slow-starters, dead ends, and missed opportunities, due to the combined force of circumstances and lack of imaginative thinking. There are arguments that India should engage more actively in the region's economic development—a holding strategy as it awaits better access to Central Asia's energy resources. To succeed in this strategy, however, India should team up with another power with whom it already has a strong relationship and from whose experience in the region it can learn.

To protect and preserve its interests in the region, India has no alternative but to closely consult and cooperate with the other major

powers who have an interest and a presence in Central Asia³³. It is now time that the Indian government took this advice since it patently cannot act alone successfully in the Central Asian States and requires a strategic partner which is also invested in securing better access to Central Asian resources and the geopolitical influence they bring namely, Russia³⁴.

The Russian and Indian governments have long discussed their intention to sign an FTA (Free Trade Agreement) or a CEPA (Comprehensive Economic Partnership Agreement) that will draw the economies of Russia and India closer together and work to increase their trade turnover, if not in the immediate future, then some years down the line. Another measure being considered by India's Ministry of External Affairs as having even greater potential is a trilateral trade treaty joining Russia, Kazakhstan and India³⁵.

Conclusion

In India's extended neighbourhood policy, the important players are Central Asia and Afghanistan. Under this policy, India had started to strengthen strategic outreach, develop economic and cultural interactions, and build regional collaborations. Nevertheless, both Central Asia and India have encountered challenges such as issues of connectivity, terrorism, socio-economic development, instability in Afghanistan and religious extremism. Bringing to fruition the existing projects on establishing physical connectivity with Afghanistan as well as to Central Asian region is essential for India to become a critical actor in the region.

China shares long borders with three Central Asian states of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan which is not in the case of India. Due to its growing military, economic, and defence cooperation with Central Asia, China has become a threat to India's ambitions in the region. In its efforts to build its own new silk road China has made much advancement, India is still struggling to capitalize on its potential role in Central Asia. In terms of trade and security cooperation it is still behind both Russia and China.

India's inclusion in the SCO was seen as positive news for India, which hopes to have a greater say in pushing for effective action in combating terrorism and on issues relating to

security. The development on the grounds that India might find itself isolated in a perceived strategic triangle of China-Pakistan-Russia, who might have a common position on certain issues there has been scepticism on the part of some analysts.

There has been opposition to terrorism for good reason from Russia, China and India. Russian and Chinese records indicate that they do not support the other key goals of Indian policy in Central Asia and without any interests in the improvement in the region's governance. Due to internal factors in Central Asia the volatility or a possibility of a regime change, India's interests will suffer if it cannot play an independent role there along with the Central Asian Government's interests.

The internal crises in Central Asia which is not directly challenged towards India, however, if they occur in conjunction with a breakdown of the Afghan situation then both Central Asian and Indian vital interests will be at stake. To cooperate effectively against those challenges the means available to both sides will have been seriously reduced along with the chances for an effective resolution of such crises. India is being forced to confront the question of its ability to develop the policy resources necessary to secure its interests in this volatile period as both Afghanistan and Central Asia are being faced by strategic challenge and transformation.

Most Indian policymakers and analysts consider the region important because of its strategic location, cultural and civilizational linkages with India, energy resources, and trade opportunities, among other factors. Focusing on the region's location, oil and gas reserves, and competition for pipeline routes, many analysts advanced the narrative of a new Great Game in the 1990s, akin to the international struggle for supremacy in Central Asia in the nineteenth century. With time, competition for military bases in the region as well as regime change through colour revolutions added another dimension to this rivalry.

As a potential power, India is losing out to all other great powers in the region, including Russia, China, the EEU, and the United States. It also finds itself struggling to compete with actors as middle and small-ranked as Turkey, the United Arab Emirates, Pakistan, and Iran.

Perceptions of its potential emergence as a great power notwithstanding, India remains a middle-ranked power confronting a whole range of internal challenges that will likely preoccupy it for at least the next couple of decades before it can turn itself into a major global power. To make this transition faster, India needs partners to help it enhance its presence in Central Asia and beyond. Otherwise, its expansion as a great power will proceed primarily along the rimlands of Eurasia.

Whether India is willing and able to invest the considerable amounts of economic, military, and diplomatic capital required to turn the Connect Central Asia policy into practice is still not clear. In Indian foreign and security policy Central Asia has been proclaimed a priority, India is not at present among the major influential powers in the region. The priority New Delhi gives to Central Asia and efforts to

cut a major figure there are more aspirational than actual and its discursive activity by far exceeds the reality of bilateral relationships.

The presence of US in Afghanistan diminishes, the more established regional players notably China and Russia will continue to constrain India's ability to project meaningful economic or military power in Central Asia. Notwithstanding the recent bilateral talks between Chinese and Indian officials regarding cooperation in Central Asia, the risk is that India will continue to face challenges on energy issues by China and militarily by Russia.

India may have missed out on the first round of foreign investment distribution in Central Asia. Yet, with the help of Russia, its budding projects in the Central Asian States in such areas as IT, infrastructure development, and education will gain greater reach and significance.

REFERENCES

1. Dwivedi Neha, Can India 'Connect' With Central Asia? *The Diplomat*, November 30, 2017.
2. Stobdan P., India's Economic Opportunities in Central Asia, IDSA Institute for Defense Studies and Analysis, September 17, 2018.
3. Blank Stephen, India's Challenges in Central Asia, 08/01/2014 issue of the CACI Analyst.
4. Singh Bawa, India's Central Asia Policy: An Overview of the Challenges and Options, *Journal of Eurasian Affairs*, 18 January 2018.
5. At the periphery: India in Central Asia, *The Economist Intelligence Unit*, January 4th, 2019.
6. Muzalevsky Roman, Unlocking India's Strategic Potential in Central Asia, U.S. Army War College, SSI Strategic Studies Institute, <https://publications.armywarcollege.edu/pubs/2364.pdf>.
7. Pandey Apurvaa, India's Foreign Policy In New Eurasian Discourse: Re-Connecting Central Asia – Analysis, March 21, 2018.
8. Bahadur Aditi, First India-Central Asia Dialogue: Resetting Ties, IPP International Public Policy Preview, March 06, 2019.
9. Kiesow, I & Norling, N (2007) *The Rise of India: Problems and Opportunities*, (Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program) www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/2007/0701India.pdf
10. Center for Strategic and International Studies (2007), India's 'Look West' Policy: Why Central Asia Matters, *South Asia Monitor*, Volume 110. 5.
11. Export Import Data Bank, Ministry of Commerce and Industry, Department of Commerce, Government of India.
12. Ramachandran Sudha, "India Air Base Grounded in Tajikistan," *Asia Times*, 1 December 2010.
13. Sikri Rajiv, "Beyond Oil and Gas: India's Interests in Central Asia," *Global Envision*, 29 June 2007.
14. Bryanski Gleb, "Russia's Putin Says Wants to Build Eurasian Union," *Reuters*, 3 October 2011; "Putin's Dream of Eurasian Union Could Control World's Energy," *Forbes*, 11 November 2011; "Vladimir Putin's 'Eurasian Union' Raise Fears of Return to Cold War Days," *Daily Mail Foreign Service*, 5 October 2011.
15. Sibal Kanwal, "Devoid of Excitement, India-Russia Ties Have Remained Consistently Resilient," *Force*, January 2012, p. 6.

About the author: Shoaib Khan – Centre for Central Eurasian Studies University of Mumbai (y-mail: shoaibk_92in@yahoo.com).

Сведения об авторе: Шоаиб Хан, Центр евроазиатских исследований Университета Мумбаи (y-mail: shoaibk_92in@yahoo.com).

Религиозный фактор в политических процессах Центральной Азии

М.М. Халлыев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению роли и места религиозного фактора в развитии политических процессов в странах Центральной Азии. Автором проведен анализ основных событий, связанных со становлением светских государств в Центральноазиатском регионе. Показано, что высокий уровень религиозности населения привел к затруднительному конфликту между религией и государством. Также рассматривается деятельность христианских течений, которые действуют на территории пяти центральноазиатских государств. Подобно мусульманским организациям, они также принимали участие в политических конфликтах.

Ключевые слова: христианство, ислам, Центральная Азия, религиозные организации, конфликты.

Religious Factor in the Political Processes of Central Asia

M.M. Khallyev

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the role and place of the religious factor in the development of political processes in the countries of Central Asia. The author has analyzed the main events related to the formation of secular states in the Central Asian region. It is shown that a high level of religiosity of the population led to a difficult conflict between religion and the state. It also considers the activities of Christian movements that operate in the territory of the five Central Asian states. Like Muslim organizations, they also participated in political conflicts.

Keywords: Christianity, Islam, Central Asia, religious organizations, conflicts.

Религия в странах Центральной Азии занимает важное место в жизни населения. Высокий уровень религиозности позволяет сохранять и развивать национальную культуру и традиции. Благодаря деятельности религиозных институтов, Центральная Азия в прошлом славилась высоким уровнем просвещения. Вхождение этих стран в СССР ускорило и расширило научное и экономическое развитие региона. Плоды долгих работ советской власти страны региона используются до сих пор. После распада СССР, 5 стран региона стали независимыми государствами. В отличие от кавказского региона, здесь религиозные организации больше столкнулись в политических конфликтах с государством. Политический конфликт с этническими и религиозными компонентами происходил лишь в ходе гражданской войны в Таджикистане. Во всех остальных случаях, религиозные организации пытались отстаивать свои идеи ценности в политической борьбе с государством, которое избрало путь светскости.

Проблемы взаимодействия государства и религии в странах региона.

В государствах Центральной Азии абсолютное большинство населения исповедует Ислам. Ислам появился и распространился по региону в VII-VIII вв. Транзит мусульманского влияния осуществили вначале арабы, а после персы. В средние века появились у государств Центральной Азии собственные исламские учебные заведения, которые составили основу национальным мусульманским институтам. В XIX в. произошло окончательное вхождение региона в состав Российской Империи. Имперский период в истории религии в Центральной Азии не значит насыщенный фактами. Следует отметить лишь тот факт, что национальные мусульманские институты активно поддерживали сопротивление российской оккупации. Это сопротивление происходило во время установления советской власти в 1920-х гг. Идеологами национальной и религиозной борьбы центральноазиатских народов против советской власти были военные

офицеры бывшей Османской Империи. Движение басмачества быстро было подавлено советской армией, и был установлен мир. В Советский период религиозные течения подвергались различным репрессиям со стороны государства. Ислам сохранился и продолжал свою деятельность благодаря отдаленности от центра. Центральным властям СССР было трудно осуществлять контроль над религиозными течениями в столь отдаленных районах, однако и религиозные течения не проявляли излишней активности, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. В 1943 г. было создано Духовное управление мусульман Центральной Азии и Казахстана. Эта организация объединяла в единую систему мусульманские организации пяти стран региона. С распадом СССР организация распалась на национальные духовные управления. После распада СССР в 1991 г., в регионе начался идеологический религиозный подъем населения, однако все государства региона были провозглашены светскими государствами.

В 1989 г. на юге Узбекской ССР произошли погромы в Ферганской долине. Конфликт признан межэтническим. ДУМ активно участвовала в урегулировании конфликта, а также помогала в гуманитарных миссиях государств. Благодаря деятельности ДУМ, беженцы с обеих сторон, благополучно были эвакуированы в безопасные районы, а обеспечения их пропитанием и медикаментами также было со стороны этой религиозной организации.

Первая страна, в которой произошел конфликт между государством и религией является Узбекистан. Особенностью узбекского законодательства является то, что статус светского государства не закреплен в Конституции. Однако, статьи и положения носят светский характер, и гарантируют все права и свободы. С распадом СССР отмечался рост религиозности среди узбекского населения. С обретением независимости в Узбекистане стали появляться политические партии с исламской идеологией, которые представляли костяк оппозиции режиму И. Каримова. Политические репрессии оппозиционных партий

затронули и эти религиозные партии. Репрессии привели к массовой эмиграции оппозиции. Эти эмигранты в 1996 г. создали организацию «Исламское движение Узбекистана»¹, впоследствии она признана террористической большинством стран мира. Эта организация активизировалась по всему региону, участвуя в гражданской войне Таджикистана, в беспорядках в Киргизии, в Афганских локальных боях, а также и в самом Узбекистане. Узбекские власти обвиняли членов ИДУ практически во всех терактах в стране, как совершенных, так и готовящихся, очень сложно оценить, к чему именно ИДУ действительно имело отношение. Независимые эксперты критически относятся к информации, исходящей от спецслужб Узбекистана, особенно учитывая личную ненависть И. Каримова к лидеру ИДУ Т. Юлдашеву и гонения на всех исламистов в Узбекистане. В 1999 г., произошла серия взрывов в столице Узбекистана. Этот теракт дал зеленый свет государству для репрессий мусульманских организаций. Управление мусульман Узбекистана, несмотря на свой светский характер деятельности и лояльность государству, также подверглось определенным гонениям.

Управление мусульман Узбекистана является главной мусульманской организацией в стране. Деятельность этой организацией ограничивается миссионерской и гуманитарной сферами. В 2005 г. произошли политические волнения и беспорядки. Это послужило новому конфликту между государством и Управлением мусульман. До этих событий существовал негласный запрет на ношение бороды. После 2005 г., ношение бороды автоматически стало поводом для преследования со стороны государства. Этот негласный запрет существует и до сих пор. Также с 2005 г., всем телеканалам и СМИ было дано указание о не упоминании слова «Аллах». Первое имя Бога у мусульман подверглось необоснованной цензуре. Это выглядит весьма нелогично, так как более 90% узбекского населения исповедуют Ислам. Запрет произношения первого имени Бога объясняется

¹ Организация, запрещенная на территории России.

государством тем, что СМИ не являются религиозными институтами. Также в Узбекистане женщинам запрещено надевать хиджаб, а мужчинам надевать предметы традиционного мусульманского гардероба. Также во время поста в месяц Рамадан, мечетям запрещено устраивать традицию ифтара для местных жителей. Любые собрания в мечети, за исключением пятничных проповедей вызывают повышенное и незамедлительное проявление влияния органов государственной безопасности. Подводя итоги, можно сформулировать вывод. Узбекистан находится на шатком балансе между светскостью и духовной составляющей. Большинство населения исповедует Ислам, но государство максимально ограничивает роль и влияние религиозного фактора на все сферы узбекского общества.

Более устойчивая ситуация сложилась в Казахстане. Религиозные организации функционируют в рамках Конституции и Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». Казахстан является светским государством. Центральной религиозной организацией считается Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК). Также в стране функционируют ряд мусульманских организаций, которые не входят в ДУМК. Представители других религиозных течений представлены своими организациями, чаще всего входящими в другие более крупные организации. Например, православие исповедуют большинство христиан Казахстана, православные организации являются епархиями Русской Православной Церкви. Ряд католических и протестантских церквей также функционируют как епархии своих основных институтов, метрополия которых находится за пределами страны.

ДУМК придерживается традиционного Ислама, и лояльно взаимодействует с государством, что приводит к частой критике этой организации. Несмотря на ряд проблем во взаимоотношениях, государство активно поддерживает данную организацию. Также в Казахстане до 2011 г. действовали более 100 мелких религиозных

организаций, которые выходили из идеологического поля ДУМК.

В 2011 г. были совершены несколько террористических актов. Причиной некоторых из них, являются религиозные мотивы. Такое положение дел и характер атак, заставил государство пересмотреть свою религиозную политику. Уже на следующий день после первого теракта было сформировано Агентство Республики Казахстан по делам религий, а через полгода вступил в силу Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». Предыдущий Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» утратил силу, и начался процесс перерегистрации религиозных объединений. Дальнейшее развитие событий показывает высокую озабоченность религиозной проблемы в Республике. Начались репрессии на религиозные меньшинства. Первыми под удар попали мусульманские религиозные организации нетрадиционного толка, в которые входили люди, исповедующие салафизм, суфизм и коранизм. Были произведены аресты некоторых лидеров этих религиозных организаций. Еще до терактов, многие мусульманские организации не могли получить регистрацию или получить аренду, так как не входили в ДУМК. Такая позиция показывает, что Казахстан с помощью ДУМК желает контролировать все мусульманские организации в стране. Такая политика имеет право на существование, так как рост международной террористической активности с использованием религиозных догм, создает угрозу для безопасности любого мусульманского государства. Преследованиям также подверглись организации других религий. Финансируемые правительством НПО начали пропагандистскую войну в информационной сфере против представителей нетрадиционных течений Христианства, а также не авраамических религий. Под проверки органов государственной безопасности, а также под негативную окраску в СМИ попали такие религиозные организации как «Свидетели Иеговы»², «Сознание Кришны», «Церковь новой жизни», «Грэйс».

² Организация признана экстремистской в России.

В период с 2013 по 2016 год сохранялось стабильное состояние в религиозной политике Казахстана. Религиозные организации проходили процесс перерегистрации. Летом 2016 г. произошел террористический акт в Актобе, что привело к очередным проверкам религиозных организаций мусульман. Завершением политического конфликта между религией и государством стало создание Министерства по делам религий и гражданского общества Республики Казахстан, которое начало свою работу 13 сентября 2016 г. Это министерство входит в систему органов исполнительной власти, и в его ведении входят все вопросы и проблемы религиозной политики государства, а также взаимодействия с религиозными организациями.

Более упрощенная политика взаимодействия религии и государства происходит в Туркменистане. Большинство населения исповедуют Ислам, но в стране отсутствует какой-либо независимый централизованный орган. В 1994 г. был создан Совет по делам религии, в который вошел муфтият Туркмении. Этот орган подчинялся президенту. Политические конфликты в Туркменистане за годы независимости отсутствовали, так как в стране низкий уровень оппозиционного настроения. Особенно Ислама в Туркмении является то, что он функционирует как часть национальной культуры, а не как догматическое установление. Важно также отметить, что все имамы Туркменистана входят в муфтият, а он в свою очередь в президентский совет. Такое положение дел, ставит фактически их в статус государственных служащих, получающих жалование от государства. Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях», принятый в 2016 г., ужесточил контроль над деятельностью религиозных организаций, и подвел черту в становлении светского государства. По этому закону некоторые религиозные организации не прошли процедуру перерегистрации, а некоторые вообще не получили ее. Из 124 религиозных организаций Туркменистана, 101 принадлежит муфтияту, 13 Русской Православной Церкви, 1 Римской Католической Церкви, и остальные прочим религиозным течениям.

В Киргизии также большинство населения исповедует Ислам, который представляет Духовное управление мусульман Киргизии. Также в Республике действуют религиозные организации других течений. Конфликтов, в которых участвовали религиозные организации, почти не было. Во время двух революций 2005 и 2010 гг., религиозные лидеры призывали к прекращению насилия. В 2010 г., ДУМ Киргизии призвал Бакиева к переговорам с оппозицией и оставлению власти. Кого послушал лидер, ДУМ или своих союзников из-за рубежа, стоит только гадать. Тем не менее, с каждым годом ДУМ набирал влияние среди населения Киргизии. Основной задачей поставлено просвещение и развитие благосостояния. Также ДУМ организовал заключение сделки между Киргизией и международным Исламским банком развития, которые инвестировал средства в экономику страны.

В Таджикистане ситуация сложнее чем в других странах региона. Религиозные различия определяли в прошлом социальную и государственную иерархию. Нынешнее положение религиозной ситуации стабилизировалось и нет никаких оснований для его изменения. Более подробно о деятельности религиозных организаций в Таджикистане описывается в следующем параграфе.

Подводя итоги важно заметить, что странам Центральной Азии сложно идти по пути светского государства, так как сложно изъять у народа религиозное мышление, уходящее веками в прошлое. Тем не менее, ужесточение религиозной политики может спровоцировать новую волну насилия. Нынешние меры обеспечивают сегодняшний уровень безопасности и стабильности, но радикализм и экстремизм не отстают от времени, и по его истечению эволюционируют. В конечном итоге это приведет к плачевным событиям.

Религиозный фактор в гражданской войне в Таджикистане. Исмаилитское движение и его роль в урегулировании конфликта.

В современной политической науке и теории международных отношений, принято считать основной причиной гражданской войны клановое противостояние

политических элит Таджикистана. Но важно отметить и не учитывать того факта, что клановое различия ведут свои корни с религиозного противостояния. Начало межрелигиозного противостояния берет свое начало далеко за пределами Таджикистана. Уникальность данного конфликта от прочих конфликтов на территории бывшего советского пространства объясняется рядом факторов. Гражданская война являла собой целый набор проблем, связанных с общим государственным устройством, межрелигиозными и межэтническими различиями, клановой узурпацией власти, конфликту между центром и окраинами.

В VII в. началось распространение Ислама по миру. Арабское завоевание достигло восточного края в землях современного Таджикистана. Уже в VIII в. единый Арабский Халифат столкнулся с рядом проблем, связанных с государственным устройством. В самом Исламе появились первые различные движения и течения. В это же время, произошел раскол в мусульманском обществе на два крупнейших движения – суннитов и шиитов. К концу IX в., от Арабского Халифата начали отделяться окраины. Первые попытки отделения Восточного Ирана, в который входила территория современного Таджикистана, произошли в IX в., но потерпели неудачу. Уже спустя некоторое время, появилось первое независимое государство – Самандиский эмират. Распад эмирата разделил территорию современного Таджикистана на анклавные нескольких религиозных групп. Одна группа объединилась в общее суннитское движение, другая группа образовала свои малые государственные образования под влиянием шиизма. Гонения на шиитов в арабских странах спровоцировало их эмиграции далеко за пределы Ближнего Востока. Одним из центров, куда стекались шииты, стала территория Горного Бадахшана. Народы, проживающие на этих территориях, жили обособлено от жителей равнины. Раздел территории Памира между Российской и Британской империями привел к тому, что единый памирский народ оказался в двух разных государствах. Часть современной Горно-Бадахшанской автономной области оказалась в составе

Российской империи, и в последующем как часть Таджикской ССР. Другая часть осталась в составе Афганистана. Ко времени перестройки в Таджикской ССР уже были сформированы основные игроки будущего конфликта.

Данный конфликт является внутрисоциальным противостоятелем, с последующим участием соседних государств, поддерживающих отдельные стороны данного конфликта.

После распада СССР, власть в Таджикистане принадлежала бывшей советской элите, которая провозгласила курс по сохранению коммунистического строя. Однако, она встретила ожесточенное сопротивление со стороны либералов, элит малых народов и религиозных групп. Массовые беспорядки начались в центральных районах Таджикистана. В результате этих беспорядков, были проведены выборы президента, на которых победил Набиев, представитель коммунистов. Оппозиция обвинила власти в фальсификации выборов. В первое время после выборов в стране поддерживался шаткий баланс. Главным представителям оппозиции была гарантирована неприкосновенность в обмен на согласие придерживаться политическому консенсусу.

В результате неформального договора между властями и оппозицией был установлен недолгий мир. Власти начали преследование некоторых лидеров оппозиционных движений, что переросло в массовые беспорядки по всей стране. Эти беспорядки стали началом Гражданской войны. Гражданская война шла с 5 мая 1992 по 27 июня 1997 гг.

В этом конфликте участвовали религиозные организации. Духовное управление мусульман Таджикистана, которое было реорганизовано в муфтият, а также Исламский центр, активно взаимодействовали со всеми сторонами конфликта, для его урегулирования. Сложность вызывает тот факт, что обе стороны конфликта отличались высокой степенью религиозности. Так в Объединенную таджикскую оппозицию входила партия исламского возрождения Таджикистана. Это единственная исламская партия, которая официально функционирует в Центральной Азии. Исламский центр

и муфтият поддерживали Народный фронт. Взаимодействие этих двух религиозных организаций с государством носил сугубо пропагандистский характер. Государству нужна была поддержка со стороны религиозных организаций, чтобы оправдать свои действия и получить поддержку набожного населения. После войны, эти две организации продолжали функционировать как правительственные организации. Такую характеристику они получили за чрезмерное покрытие ошибок правительства Таджикистана, и за призывы не противиться каким-либо реформам и действиям со стороны государства. Также, особую критику получили заявления этих религиозных организаций о том, что критиковать власть является страшным грехом. Такое положение дел не входит в общую исламскую догматику. Подводя итог, важно отметить, что Исламский центр и муфтият действуют в рамках законодательства, и получают полную поддержку государства.

Важное значение в этом политическом конфликте сыграло исмаилитское движение. В отличие от других религиозных организаций, именно это движение активно проявляло инициативу по урегулированию конфликта. Особенность исмаилитской общины заключается в том, что она рассеяна по разным странам мира и составляет конфессиональное меньшинство в любом государстве, в котором проживает. Именно поэтому миссия Ага Хан заключается не только в духовном развитии своей паствы, но и в содействии выстраиванию гармоничных и комфортных отношений между исмаилитами и остальной частью населения. В этом плане в Таджикистане сложилась совершенно уникальная ситуация. Это, пожалуй, единственный регион мира, где исмаилитами являются не переселенцы, а коренной народ. В то же время религиозные противоречия между суннитами и шиитами, а также сохраняющиеся местническо-клановые интересы региональных элит все еще не позволяют таджикам сформироваться в единую нацию.

Исмаилизм – одна из ветвей шиитского направления в исламе, возникшая в VIII в. В настоящее время в мире насчитывается около 20 млн исмаилитов. Они проживают

на территории Индии, Пакистана, Афганистана, Таджикистана, Ирана, стран Ближнего Востока и Африки, а также в США, Канаде, Великобритании, Франции и России. В странах компактного проживания исмаилитов деятельность их местных общин регулируется Основным законом – своего рода исмаилитской Конституцией. Он представляет собой документ для «внутреннего пользования» и не противоречит Конституции государства проживания. Согласно этому закону, исмаилитские общины во всем мире подчиняются единой системе управления, основанной на структуре Национальных советов в странах, где проживают исмаилиты. В Таджикистане несколько лет назад также был создан Национальный совет исмаилитов. Исмаилитская община Таджикистана – одна из наиболее крупных в мире, она насчитывает около 250 тыс. человек. Последователи исмаилизма – это, в основном, выходцы из Горно-Бадахшанской автономной области.

В годы войны, исмаилитское движение представлял духовный лидер Ага-Хан IV. О влиянии на конфликт свидетельствует тот факт, что в 1993 г. военные действия достигли Дарвазского района ГБАО, именно Ага Хан призвал Совет сил самообороны Памира сложить оружие. Памирские полевые командиры, противостоявшие правительственному Народному фронту, отступили, благодаря чему бои не переместились вглубь Бадахшана. Продовольственная гуманитарная помощь, оказанная Ага Ханом населению ГБАО в годы гражданской войны 1992-1997 гг, спасла людей от массового голода. Тогда Горный Бадахшан оказался в экономической блокаде. Организованные Ага Ханом IV поставки продуктов со стороны киргизского Оша стали для памирцев единственным шансом выжить. Прodelывая экстремальный путь по памирским дорогам, караваны доставляли в каждый населенный пункт Горного Бадахшана десятки тысяч тонн муки, масла, сахара, сухого молока, риса и других продуктов первой необходимости. Организация Ага Хана по развитию (ОАХР) работает в Таджикистане с 1992 г. Сегодня структурные подразделения ОАХР действуют во всех регионах республики. Они реализуют

программы по развитию инфраструктуры, энергетики, здравоохранения, образования и культуры. Фонд Ага Хана разработал специальную «Программу поддержки развития горных регионов» для исмаилитской общины Горного Бадахшана, которая включает в проекты по снижению риска от стихийных бедствий (программа «Фокус»), развитию сельского хозяйства, а также микрофинансированию малого бизнеса. С этой целью в Таджикистане создан Микрофинансовый банк, который занимается выдачей гражданам микрокредитов под очень низкий процент. Среди других крупных проектов Фонда – реабилитации энергетической компании «Памирэнерго», возведение пяти мостов через реку Пяндж на границе между Таджикистаном и Афганистаном, строительство участка автодороги Мургаб-Кульма с выходом в Китай и Пакистан.

Безусловно, наибольшее влияние Ага Хан имеет в Таджикистане, где компактно проживает многочисленная община его последователей. Его визиты имеют для страны не только культурное или экономическое, но и политическое значение. Сотрудничество Ага Хана с действующей властью является неким залогом стабильности. В отличие от других иностранных организаций, Ага Хан не пытается перестроить общество по своему образцу, он никому не навязывает свои правила. Тем не менее, существует определенное недоверие власти к Фонду Ага Хана, определенная ревность у некоторых чиновников, которым не по нраву то, что имам пользуется высоким авторитетом у жителей Бадахшана. Поэтому в официальных выступлениях эти чиновники часто игнорируют вклад Фонда в развитие экономики края, говоря о том, что это все заслуга власти. Фонд Ага Хана имеет большие ресурсы, но его потенциал действующая власть не использует в должной мере. Например, строительство Университета Центральной Азии в Хороге должно было начаться еще в 2001 г. Но воз и ныне там. В Кыргызстане, например, аналогичное строительство идет более динамично. Мне не известны причины такого затягивания, но можно предположить, что одним из факторов является стремление чиновников на

всем «нагреть руки». Например, я знаю, что многие подобные проекты тормозились из-за того, что власть сама хотела их реализовать и требовала, чтобы средства донор давал им. Но в реализации своих проектов Ага Хан предпочитает напрямую работать с местными общинами, а не с официальными органами. Благодаря такому подходу выделяемые им средства расходуются более целесообразно. У Ага Хана были очень хорошие отношения с президентом Таджикистана Э. Рахмоном. Он был одним из первых влиятельных зарубежных лиц, которые посетили Таджикистан в годы гражданской войны. Ага Хан одним из первых поздравлял Рахмона после его победы на президентских выборах 1999 и 2006 гг. Сейчас, исмаилитское движение в Таджикистане представляют две религиозные организации – Исмаилитский центр и Национальный совет исмаилитов.

Подводя итоги, важно отметить роль исмаилитского движения. Единственное религиозное движение, которое не имело какого-либо формального и официального статуса, но в то же время активно проявляли миротворческую деятельность, в отличие от официальных религиозных организаций. В конечном итоге, после окончательно урегулирования конфликта в Бадахшане, исмаилиты получили свой официальный статус, зарегистрировав свои институты как религиозные организации.

Деятельность христианских течений в Центральной Азии.

Христианство появилось в регионе с приходом Российской Империи. Далее, при СССР, в Среднюю Азию и Казахстан были депортированы немцы, венгры, греки, болгары и другие представители народов, исповедующих христианство. Уже в 1980-х гг. наблюдалась тенденция к репатриации этих народов. Часть населения осталась в регионе. Они образовали свои национальные диаспоры, и уже в последствии стали создавать свои религиозные организации. Большая часть христиан в Центральной Азии принадлежат к Русской Православной Церкви. Также в регионе большое количество протестантских и католических религиозных организаций.

Проблемой изучения деятельности христианских организаций является то, что отсутствует научная литература, раскрывающая в полной мере данную тематику. Однако, благодаря различным публицистическим статьям и отчетам, удается понять и проанализировать эту деятельность.

В Казахстане действует около 1000 религиозных объединений христианского толка. Крупнейшей религиозной организацией является Казахстанский митрополичий округ РПЦ. Эта религиозная организация включает в себя более 300 объединений, действующих на всей территории Казахстана. Стабильное развитие Казахстана снижает конфликтную ситуацию в стране. Те политические конфликты, которые проявлялись в Казахстане, почти не коснулись христианских организаций. Исключением являются проблемы их регистрации. Например, Пресвитерианство, представленное такими религиозными организациями как «Грейс», «Надежда», «Эммануил» и другие, объединяли 229 общин. Ужесточение процесса регистрации затронуло эти религиозные организации. Число общин сократилось до 109. Пятидесятничество представленное организациями «Новая жизнь» и «Жатва» также потеряли часть представительств. Религиозная политика Казахстана, выраженная в перерегистрации религиозных организаций в 2011 г., подвергается критике. Однако до политических конфликтов дело не дошло. Деятельность христианских организаций заключена не в политическом взаимодействии с кем либо, а в культурно-просветительских и духовных миссиях своих Церквей.

В остальных странах региона, христианские организации оказывали гуманитарную помощь своим прихожанам. Конфликт между узбеками, таджиками и киргизами, спровоцировал волну насилия на протяжении 1990-х гг. Христианские организации давали убежище немусульманскому населению, а также помогало доставлять гуманитарную помощь в отдаленные христианские анклавы. Волна национализма в определенных районах ставила под угрозу

жизнь христиан в этих местах. Благодаря поддержке со стороны государств, а также международных религиозных организаций, христианское население не пострадало, а большая их часть эмигрировала в другие страны.

Подводя итоги, важно отметить, что отсутствие и нежелание вести диалог между христианскими организациями в Украине подрывает стабильность государства. Религиозные организации стали инструментом разных политических сил.

Выводами данной главы являются следующие факты. Первое, религиозные организации в указанных странах отделены от государства, что ограничивает их деятельность в политических конфликтах. Положительной особенностью данного факта является то, что другие организации вне этих стран не могут оказать существенного влияния на политику этих стран. Второе, Центральная Азия является духовным регионом, где большинство населения проявляет высокий уровень набожности. Однако противодействие со стороны властей, привело к тому, что национальные идеи стали выше религиозных. С помощью религиозных организаций, страны проводят пропаганду своих национальных идей, чаще всего противоречащих религиозным нормам. Важно отметить, что деятели религиозных организаций и сами религиозные организации, которые противились данному процессу, были либо репрессированы, либо их деятельность была свернута. Третье, деятельность религиозных организаций оказала значительное влияние на снижение негативных последствий в конфликтах. Выражая поддержку государству, эти организации снижают протестный или революционный потенциал населения, которое не желает идти в разрез со своими религиозными догмами. Четвертое, вмешательство государств в деятельность религиозных организаций провоцирует волну критики в остальном мире, так как такое вмешательство нарушает международные нормы и договоры, которые гарантируют свободу совести и вероисповедания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богатов Н.В. Развитие потенциала Русской Православной Церкви как эффективного медиатора в межэтнических конфликтах // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 8 (110). С. 63-72.
2. Кунц Е.В. Роль государства и церкви в предупреждении межнациональных и религиозных конфликтов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 4 (219). С. 68-70.
3. Смирнов Д. Возможная роль церкви при осуществлении гуманитарных акций в чрезвычайных ситуациях и в вооруженных конфликтах // В сборнике: Гуманитарные операции при чрезвычайных ситуациях и в вооруженных конфликтах Седьмая всероссийская научно-практическая конференция: Доклады и выступления. Центр стратегических исследований гражданской защиты МЧС России. 2002. С. 40-41.
4. Фильченкова А.С., Власова Н.В. Статус Русской Православной Церкви в урегулировании политических конфликтов // В сборнике: социально - политическая трансформация в России: проблемы и перспективы Материалы Всероссийской конференции. Сост. и отв. ред. – к.филос.н., доцент Краева А.Г., к.псх.н., доцент Михайлова И.В. 2017. С. 78-80.

Сведения об авторе: Халлыев Марат Меретмэметович – магистр в области международных отношений (e-mail: 1032135114@rudn.ru).

REFERENCES

1. Bogatov N.V. Razvitie potenciala Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi kak ehffektivnogo mediatora v mezhehtnicheskikh konfliktah // Ehtnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2017. № 8 (110). S. 63-72.
2. Kunc E.V. Rol' gosudarstva i cerkvi v preduprezhdenii mezhnacional'nyh i religioznyh konfliktov // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2011. № 4 (219). S. 68-70.
3. Smirnov D. Vozmozhnaya rol' cerkvi pri osushchestvlenii gumanitarnyh akcij v chrezvychajnyh situacijah i v vooruzhennyh konfliktah // V sbornike: Gumanitarnye operacii pri chrezvychajnyh situacijah i v vooruzhennyh konfliktah Sed'maya vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: Doklady i vystupleniya. Centr strategicheskikh issledovanij grazhdanskoj zashchity MCHS Rossii. 2002. S. 40-41.
4. Fil'chenkova A.S., Vlasova N.V. Status Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v uregulirovanii politicheskikh konfliktov // V sbornike: social'no - politicheskaya transformaciya v Rossii: problemy i perspektivy Materialy Vserossijskoj konferencii. Sost. i отв. red. – k.filos.n., docent Kraeva A.G., k.pskh.n., docent Mihajlova I.V. 2017. S. 78-80.

About the author: Khallyev Marat Meretmemetovich - Master in International Relations (e-mail: 1032111702@rudn.ru).

Инструменты “мягкой силы” России и их применение в Центральной Азии

З.С. Саримсоков

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В последние годы понятия «мягкая сила» и «внешнеполитический имидж», введённые в политическую терминологию американским учёным и теоретиком Дж. Наем, очень прочно вошли в российский политологический дискурс и стали объектом обсуждений в экспертных кругах. В современном мире, где международные отношения обрели более интенсивный характер, в мире, который переживает эпоху масштабных перемен, государства из всех сил пытаются использовать все доступные им средства для удержания и укрепления своих позиций на мировой арене. В этом процессе Россия пока остаётся далеко позади своих партнёров и традиционных геополитических соперников. Учитывая то, что за последнее десятилетие в мировой политике произошли ряд событий, в эпицентре которых оказалась и Россия, её имидж нуждается в серьёзной корректировке. Потому что произошедшие события поспособствовали возрождению стереотипов времён «холодной войны» и росту русофобских настроений. Именно в таких условиях сегодняшней мировой политики создание позитивного имиджа Российской Федерации и ее положительного восприятия со стороны не только традиционных геополитических конкурентов и партнеров, но и таких стратегических партнеров, как страны Содружества Независимых Государств, является актуальной задачей для внешнеполитического ведомства и высшего руководства страны. Как воспринимается и понимается феномен «мягкой силы» в российском экспертном сообществе, как на это смотрит высшее руководство страны и какими же ресурсами реализации «мягкой силы» она располагает, как и за счёт чего России удастся совершенствовать свой «внешнеполитический имидж»?

Ключевые слова: мягкая сила, политика, международные отношения, геополитика, имидж.

Instruments of "Soft Power" of Russia and their Application in Central Asia

Z.S. Sarimsokov

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. In recent years, the concepts of “soft power” and “foreign policy image”, introduced into political terminology by the American scientist and theorist J. Nay, have become very strongly included in the Russian political science discourse and have become the subject of discussion in expert circles. In the modern world, where international relations have become more intense, in a world that is experiencing an era of massive change, states are struggling to use all means available to them to hold and strengthen their positions on the world stage. In this process, Russia is still far behind its partners and traditional geopolitical rivals. Considering the fact that over the past decade a number of events have taken place in world politics, at the epicenter of which Russia has been, its image needs to be seriously adjusted. Because the events that took place contributed to the revival of stereotypes of the Cold War and the rise of Russophobia sentiment. It is in such conditions of today's world politics that creating a positive image of the Russian Federation and its positive perception from not only traditional geopolitical competitors and partners, but also such strategic partners as countries of the Commonwealth of Independent States, is an urgent task for the foreign ministry and top leadership of the country. How is the phenomenon of “soft power” perceived and understood in the Russian expert community, how does the country's top leadership look at it and what resources does it have in order to implement “soft power”, and how will Russia manage to improve its “foreign policy image”?

Keywords: soft power, policy, international relations, geopolitics, image.

Основы для осуществления деятельности организаций, которые играют важную роль в реализации «мягкой силы», закладываются документами, которые фиксируют

основные направления внешней политики страны, и в которых отражены главные задачи этих организаций. В число организаций, осуществляющих государственную

политику в области эффективного использования “мягкой силы”, входят государственные и негосударственные институты: министерства, ведомства, агентства, фонды, религиозные организации, другие НКО, СМИ, учебно-научные организации и прочие учреждения. Каждый из этих организаций имеют свою роль в реализации имеющегося потенциала «мягкой силы» и налаживании отношений на основе публичной дипломатии.

При этом не стоит забывать и о том, что имеющиеся документы составляют нормативно-правовую базу, а организации и учреждения ведут свою деятельность в зависимости от намеченных целей и задач. Осознание руководством страны и экспертного сообщества того факта, что важно наращивать инструменты мягкого влияния, сопровождалось созданием соответствующих инструментов и механизмов реализации «мягкой силы». В свою очередь это стало результатом благоприятной экономической конъюнктуры, высоких цен на нефть, следовательно, и темпов экономического роста страны в период двух президентских сроков Владимира Путина.

Действия, которые нацелены на создание арсенала «мягкой силы» России в регионе СНГ через продвижение культурно-гуманитарного сотрудничества, могут быть выделены на три основных направления:

- а) меры по поддержке распространения русского языка и культуры;
- б) работе по сближению с соотечественниками;
- в) укрепление научных и образовательных связей;

В процессе реализации данных направлений стоит особо подчеркнуть роль специально созданных структур, таких как агентство «Россотрудничество» и фонд «Русский мир», которые были призваны для сохранения и укрепления влияния русской культуры. Данные векторы «мягкой силы» России в первую очередь направлены на укрепление связей и сближения со странами СНГ. Нельзя забывать и о том, что Россия стремится играть главенствующую роль в данном регионе через запуск и реализацию региональных интеграционных

процессов на экономической и торговой основе, которые, как ожидается, в перспективе могут привести к политическому сближению стран региона с Россией.

а) Русский язык

В Концепции внешней политики России редакции 2016 года особо отмечена необходимость развития «мягкой силы» страны, учитывая сложившуюся обстановку в мировой политике. Одним из целей и задач стратегической важности является распространение русского языка и укрепление его позиций в мире, особенно в странах ближнего зарубежья. Для достижения данной цели была принята специальная государственная программа по языковой политике страны, которая называется «Русский язык 2016-2020». В этом документе отмечается, что «русский язык имеет огромное значение не только для Российской Федерации, но и для мировой цивилизации, поскольку он является одним из мировых языков».

Не стоит забывать о том, что одним из важнейших факторов «мягкой силы» является русский язык, который используется как средство межнационального общения на обширной территории стран Содружества Независимых Государств. Однако, за 25 лет прошедших после распада СССР и образования новых независимых государств на постсоветском пространстве, особенно на территории Центральной Азии, число владеющих русским языком значительно сократилось. При этом, заметим, что к исходу прошлого столетия (на 1990 г., предшествующий году распада СССР) число владевших русским языком в мире составляло 312 млн. человек, что стало его высшим показателем [Арефьев 2017]. Известный политолог и декан факультета государственного и муниципального управления МГУ Вячеслав Никонов считает, что сокращение числа русскоязычного население в регионе СНГ является результатом естественной убыли и политических решений, которые в основном были направлены на десоветизацию новых независимых государств [Медведева 2014: 97-107].

В последние годы в странах СНГ число носителей русского языка и людей, кото-

рые владеют русским языком, стремительно падает. Такая тенденция особенно заметна в республиках Центральной Азии. Несмотря на все имеющиеся проблемы с распространением русского языка в регионе, Россия все еще сохраняет потенциал для использования русского языка как средство усиления своего влияния. При этом надо подчеркивать, что Центральная Азия является зоной притяжения интересов таких игроков мировой политики, как США, Китай, Турция, Иран и монархий Ближнего Востока.

Политическая и интеллектуальная элита стран Центральной Азии прекрасно осознает важность языка в определении отношений региона с мировым сообществом, причем и с культурной точки зрения, и с точки зрения геополитики. Именно поэтому здесь, как и во многих других регионах мира, продвижение внешнеполитических интересов через обучения языкам, стало одним из важнейших инструментов публичной дипломатии и «мягкой силы» для стран, которые стремятся закрепиться в регионе как доминирующая сила. Здесь стоит особо упомянуть Турцию, роль которой, в регионе растет с каждым годом. Это в первую очередь результат этно-конфессиональной общности большинства стран Центральной Азии с Турецкой Республикой. Среди республик региона только Таджикистан не является тюркоязычной страной. А тот факт, что большинство стран региона тюркоязычные, позволяет Турции наращивать свою «мягкую силу» в данном регионе на основе общности языка и культуры. Результатом усиление позиций Турции в регионе можно считать заявление властей Казахстана о переходе с кириллицы на латиницу, что является свидетельством того, что Россия постепенно теряет свое влияние в Центральной Азии. В этом регионе кроме русского и турецкого огромным спросом и популярностью пользуются английский и китайский.

В своем выступлении перед депутатами Государственной Думы в 2012 г. К.И. Косачев [Тезисы 2012], тогда еще руководитель Россотрудничество, подчеркнул, что для

выработки четкой стратегии по продвижению русского языка надо учитывать страновые и региональные особенности. По уровню распространения русского языка, Косачев предложил выделить следующие категории стран:

- славянские государства СНГ;
- неславянские государства СНГ;
- страны, активно участвующие в интеграционных проектах с участием России;
- прочие постсоветские государства;
- страны бывшего соцлагеря;
- страны с большой русской диаспорой;

Он предложил выработать алгоритм действий по продвижению русского языка исходя из данных особенностей стран мира и региона СНГ. Но стоит подчеркнуть, что на пространстве СНГ есть страны, которые несмотря на то, что они являются неславянскими государствами и странами, активно сотрудничающими с Россией в рамках различных интеграционных проектов, в них наблюдается процесс снижения роли русского языка в различных сферах жизнедеятельности. Хотя бы взять страны все того же региона Центральной Азии. Казахстан и Киргизия тесно сотрудничают с Россией в рамках различного рода региональных организаций, Российская Федерация является стратегическим партнером Таджикистана, учитывая тот факт, что больше 40% таджикского ВВП приходится на денежные переводы трудовых мигрантов из России. Хотя, ни Узбекистан, ни Туркменистан не отличаются особой близостью с Россией, во внешней политике России в этом регионе, они тоже играют важную роль. Приведенная ниже таблица четко демонстрирует насколько «важны» для данных стран отношения с Россией с культурно-гуманитарной точки зрения. Потому что интерес к владению иностранным языком возникает в следствии развитости культурно-гуманитарных связей, а не в ситуации, когда страну воспринимают как «денежный мешок».

Страна	Все Население (млн.чел) ¹	Русские по Национа-	Всего владеют/из
--------	--------------------------------------	---------------------	------------------

¹ По данным Всемирного банка за 2016 год

		нально- сти (%) ¹	них ак- тивно (%) ²
Казах- стан	17,8	23,7%	84% / 72%
Кирги- зия	6,083	5,8%	49% / 36%
Узбе- кистан	31,85	5,5%	41% / 14%
Таджи- кистан	8,735	меньше 1%	33% / 12%
Турк- мени- стан	5,663	4%	13% / 12%

Показатели владения русским языком населения стран Центральной Азии

Как показывает таблица разница между показателями уровня жителей, владеющих русским языком и теми, кто активно используют русский в повседневной жизни, не так уж и велика. Но есть и другие данные, по результатам которых можно наблюдать, что процент утверждающих, что так или иначе владеют русским, в Казахстане составляет 99,9%, в Киргизии – 87,1%, Узбекистане – 99,2%, а самый низкий уровень наблюдается в Таджикистане. Здесь доля тех, кто утверждает, что владеет русским, составляет 68,5% от общего числа жителей страны³. Но как показывает практика, эти показатели далеки от истины и обманчивы. Факт того, что даже неофициальные данные об уровне владения русским языком жителями некоторых стран Центральной Азии подтверждается и тем, что большинство трудовых мигрантов, особенно молодое поколение, приезжающих на заработки не владеют русским.

Тенденция снижения уровня численности населения, владеющего русским языком, наблюдается не только в странах Центральной Азии, но и по всему пространству СНГ. После распада СССР веноч первенство в этом регионе получил английский

язык. Этот процесс продолжается уже несколько лет. Уровень распространения русского языка среди населения зависит от расстояния между отдельно взятой страной и Россией, следовательно, можно сделать вывод о том, что насколько далеко от России расположена республика, настолько плохо осуществляется продвижение русского языка в этой стране. Но при всем при этом, не стоит забывать и о том, что русский язык по распространенности занимает четвертое место среди языков мира, является официальным языком таких авторитетных международных организаций как ООН, ОБСЕ, МАГАТЭ, ВОЗ, а еще и языком межнационального общения в странах СНГ. К тому же, в некоторых странах СНГ положение русского языка закреплено на законодательном уровне и имеет статус государственного наравне с языком титульной нации.

Основная проблема распространение русского языка на пространстве СНГ заключается в том, что в этих странах существует острая нехватка квалифицированных педагогов русского языка, учебников и дополнительной литературы на русском языке. В некоторых странах до сих пор русский язык преподается по программам 20-летней давности. Именно поэтому в 2016 году была создана автономная некоммерческая организация «Русская гуманитарная миссия», основной целью которой является распространение русского языка в странах СНГ путем повышения квалификации преподавателей-русистов и обеспечения учебных заведений учебными материалами на русском языке. Представители данной организации отмечают, что большинство учителей русского языка не имеют достаточной квалификации и не владеют русским языком в достаточной степени. Также, по их мнению, в силу произошедших политических изменений в странах региона, для жителей данных стран русский язык стал

¹ По данным официального сайта ЦРУ. <https://www.cia.gov/index.html>

² Центральная Азия: русский язык как фактор интеграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stanradar.com/news/full/6662-tsentrlnajazija-russkij-jazyk-kak-faktor-integratsii.html>-19.12.2013

³ Мендкович Н. Русский язык в Средней Азии и на Южном Кавказе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1361478180-22.02.2013>

«иностранным» и должен преподаваться по другой методике. В своем интервью издательству «Фергана» представитель РГМ заявила, что только в 2017 году миссия передала Таджикистану 40тыс. учебников, а также больше 21тыс. отправила школам Киргизии¹. Но данные меры все еще являются недостаточными для восстановления роли русского языка на пространстве СНГ. Вопрос о роли русского языка в данном регионе становится еще более актуальным после серий «цветных революций» в ряде стран региона, а тем более после украинских событий, в результате чего произошел резкий подъем русофобских настроений в мировом сообществе. Такая же ситуация с нехваткой учебных материалов и квалифицированных педагогов наблюдается и в ряде других стран региона. Именно поэтому в рамках реализации «мягкой силы», в последние годы особое внимание обращается продвижению русского языка через разного рода государственных программ и проектов некоммерческих организаций.

б) Соотечественники

В конце прошлого столетия, когда перестала существовать такая супердержава, как Советский Союз, миллионов русских и те, которые проживают в российском цивилизационном поле, остались за пределами уже зарубежных стран. С одной стороны, это плачевно, что так много русских осталось вне России, но с другой стороны, власти России превратили данный факт в инструмент своей «мягкой силы», выстроив слаженную работу с соотечественниками за рубежом. Потому что с распад СССР превратил Россию в обладательницу крупнейшей (после китайской, конечно же) диаспоры в мире. Хотя те русские, которые жили в постсоветских странах, в силу общности недавней истории, никогда не ощущали себя диаспорой, так как до недавнего времени, до развала Советского Союза, они в единой стране, где русские являлись государствообразующим народом. Речь идет о десятках миллионов русскоязычного населения в странах постсоветского простран-

ства, которые в силу изменения политической ситуации в новообразованных республиках подверглись скрытной, а иногда и открытой дискриминации. Именно поэтому Россия чувствует свою ответственность по защите интересов русских и тех, кто все еще сохраняет свое отношение к России как к своей родине и связывает свое будущее именно с ней. Она имеет полное моральное и политическое право для осуществления данной задачи. Но стоит заметить, что политика России по защите интересов соотечественников носит неопределенный и неясный характер. Также нельзя не упомянуть о том, что в современном мире многие диаспоры действуют в интересах своей исторической родины: еврейская, армянская, греческая, китайская, прибалтийские, центрально-европейские. Именно это и делает отдельных граждан зарубежных стран членами диаспоры, понимаемой как политическая категория. У России тоже есть возможности и ресурсы, чтобы способствовать формированию отдельной диаспоры из русских и представителей этноконфессиональных групп, которые осознают определенную связь с Российской Федерацией.

Для более подробного изучения данного вопроса стоит обратить внимание на то, как термин «соотечественники» определяется в соответствующем законе. Так, согласно пункту 2 статьи 1 "Закона о соотечественниках" старой редакции от 1999 г., кроме граждан РФ, которые постоянно проживают за пределами территории РФ, российскими соотечественниками также признавались "лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства (далее - лица, состоявшие в гражданстве СССР); выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и России, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства, либо имеющие вид на жительство или ставшие

¹ Интервью Ирины Васильевой издательству «Фергана» <http://www.stanradar.com/news/full/28340->

[russkij-jazyk-pervyj-iz-inostrannyh-v-tsentralnoj-azii.html](http://www.stanradar.com/news/full/28340-russkij-jazyk-pervyj-iz-inostrannyh-v-tsentralnoj-azii.html)

лицами без гражданства; потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств”¹.

Принятие новой редакции Федерального закона стало толчком для активизации внешнеполитической деятельности России в сфере содействия соотечественникам в зарубежных странах. Но при рассмотрении проблематики, касающейся соотечественников следует помнить, что несколько факторов влияют на формирование политики России в отношении соотечественников. Ключевыми из таких факторов являются:

- юридическая размытость определения понятия “соотечественник”;
- идеологическая размытость концепции “Русский мир”;
- отсутствие точных цифр, определяющих количество соотечественников;

Новая редакция данного закона, которая была принята в 2010 году, дает несколько иную трактовку термина «соотечественники». А именно, в пункте 3 статьи 1 “Закона о соотечественниках”, которая действует и по сей день, говорится, что российскими соотечественниками, кроме “граждан РФ, постоянно проживающих за пределами территории РФ”, также “признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории России и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории России, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Россией; лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории России, в том числе: лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и России, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства”². Из этого

следует, что трактовка термина в законе новой редакции имеет более широкий смысловой диапазон и подразумевает, что можно считать соотечественниками не только русских по своей национальной принадлежности, но тех, чьи предки были гражданами СССР и тех, которые сделали свой цивилизационный выбор в пользу России и связывают свою дальнейшую судьбу с ней. Именно об этом и говорится в части 2 статьи 3 данного Федерального закона. Согласно данной статье закона “признание своей принадлежности к соотечественникам лицами, предусмотренными пунктом 3 статьи 1 настоящего Федерального закона, является актом их самоидентификации, подкрепленным общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов России, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Россией, поддержке общественных объединений соотечественников и защите прав соотечественников либо иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи с Россией”³.

Что касается концепции «Русского мира», то в последние годы в связи с событиями в Украине и присоединением Крыма к России, она получила еще большую актуальность. Следует заметить, что идея «русского мира» мира не нова, ее сегодняшняя активация произошла в конце прошлого и начале нового столетия. Как любая идейная конструкция, которая претендует если не на идеологию, то по крайней мере, на выработку приоритетов внешней политики, концепция «русского мира» тоже имеет свой исторический и политический контекст, хотя и термин «русский мир» вошел в политический оборот только в 2007 году, когда был создан Фонд «Русский мир». Обычно русский мир воспринимается как сеть людей и сообществ за пределами России, которые так или иначе включены в русскую культурно-языковую и цивилизационную

¹ Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом” //

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/

² Там же.

³ Там же.

среду. В последнее время, на фоне обострения отношений между Россией и Западом, возросла актуальность понятия "Русского мира" как цивилизационной общности людей и народов, объединяющихся вокруг своего исторического и культурного центра – Российской Федерации. Она стала актуальной и была продумана в поисках ответа на вопрос о влиянии глобализации на развитие и культуру России. Другими причинами стали череда «цветных революций» на постсоветском пространстве и «твиттерных революций» в странах Ближнего Востока. Именно поэтому многие российские эксперты на стыке веков рассматривали глобализацию в негативном свете и были озабочены тем, что Россия постепенно утрачивает свое могущество и влияние. Идея тесного сотрудничества и интеграции на пространстве СНГ стала акцентироваться с начала нового века и неизменно является одним из приоритетных направлений внешней политики России. Как констатирует один из исследователей русского мира Кочеров С.Н, на сегодняшний день понятие "Русский мир" трактуется в работах российских исследователей, по меньшей мере, с четырех различных точек зрения [Кочеров 2014: 163-167]. Он утверждает, что представители одной группы понимают "Русский мир" как геополитическая реальность, стремящаяся вернуться к своим естественным границам. А с точки зрения других, "Русский мир" осознается как сеть сообществ, в которых происходит концентрация и повышение производительности русского капитала с целью формирования инновационной экономики, развития человеческих ресурсов и совершенствования институтов в ядре русского мира – России. Есть и третья группа, для представителей которой, "Русский мир" воспринимается как уникальная этнокультурная общность людей, которые проживают не только на территории России, объединенных русским языком, своей общей историей, общими нормами и ценностями. И наконец,

защитники четвертой точки зрения утверждают, что "Русский мир" позиционируется как православная цивилизация, включающая в себя под именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову. Разночтения в трактовке понятия «русский мир» создает некоторые сложности в процессе выработки стратегии в данном направлении.

Существующая неясность в определении и расширительное толкование, что из себя представляет термин «соотечественник», ведет к тому, что мы не имеем точного представления о том, сколько наших соотечественников проживает за пределами России. Когда речь заходит о количестве наших соотечественников, то чаще всего фигурирует цифра в 30 млн. человек. Заметим, что отсутствие точных данных о количестве соотечественников создает очевидные проблемы в процессе выработки стратегии, «начиная от определения объемов финансирования на нужды их поддержки, и заканчивая возможными ошибками в расчетах на их политическую и иную поддержку интересов России на местах»¹.

В заключении заметим, что для выработки четкой стратегии по поддержке соотечественников в среднесрочной и долгосрочной перспективе внешнеполитическому ведомству и другим организациям следует прийти к единому мнению по поводу трактовки термина «соотечественники», четко определить роль соотечественников и членов диаспоры во внешней политике страны, создать базу данных о количестве членов диаспоры. Только в таком случае, российская диаспора может превратиться в действующий инструмент реализации «мягкой силы» России не только на пространстве СНГ, но и во всем мире.

в) Наука, образование, культура

Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить противника, не сражаясь.

Сунь Цзы. Искусство войны.

¹ Курьлев К.П. Соотечественники - инструмент "мягкой силы" России за рубежом. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1511014260>

Вышеуказанная формула, сформулированная несколько столетий тому назад, была и остается актуальной во все времена. Учитывая технологический прорыв последних десятилетий эти слова получили еще большую актуальность. Поэтому одним из ключевых направлений реализации «мягкой силы» России на пространстве ЦА является культурное сотрудничество и сотрудничество в научно-образовательной сфере. Не зря Владимир Путин в своей предвыборной статье в 2012 году, которая называлась «Россия и меняющийся мир», четко заметил важность развития культурно-гуманитарного сотрудничества и повышения научно-образовательного престижа страны. Тогда анализируя причины изменений в мировой политике, В.В. Путин заметил следующее: «...Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире — и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский».¹

Здесь нельзя не упомянуть, что во второй части данного тезиса автор имеет в виду именно страны, которые когда-то входили в состав Советского Союза или имели социалистическую ориентацию. Предоставляя образовательные услуги иностранным студентам, которые обучаются в стране, Россия может расширить диапазоны своего влияния через воспитание иностранной молодежи. Потому что именно в студенческие годы у молодых людей возникает определенное понимание происходящих событий в мире и формируется мировоззрение. Талантливая и творческая молодежь иностранных стран в ходе своего обучения в России имеют возможность не только изучить русский язык, но и познакомиться с достижениями культуры и науки.

Как заметил академик А.В.Торкунов в одной из своих статей, «такие студенты приобретают ценный социальный капитал и, вернувшись на родину с новым багажом накопленных знаний, связей, симпатий и новых друзей, как правило, становятся эффективными проводниками языка и культуры той страны, где учились².» Именно поэтому В.В.Путин вполне осознает реалии сегодняшней мировой политики и особо отмечает важность экспорта образовательных услуг, как эффективный инструмент реализации «мягкой силы». Потому что такой инструмент работает намного эффективнее чем военное воздействие или давление. Благо у России имеется огромный исторический опыт в этом направлении, так как в период существования СССР, его система образования была одной из сильнейших в мире, что позволяла привлечь студентов из всех стран социалистического лагеря. Таким образом, система экспорта советского образования была очень развита и работала во благо внешнеполитического имиджа СССР, так как после получения образования многие выпускники советских вузов возвращались к себе на родину и занимали ключевые посты в руководстве своей страны. Ярким примером может послужить целая дюжина выпускников Университета Дружбы Народов, которые после получения высшего образования в СССР стали видными государственными и политическими деятелями в своих странах.

Распад СССР и последовавшие за этим проблемы социально-экономического характера стали причиной приостановки процесса экспорта образовательных услуг, ухудшения качества высшего образования и падения престижа российского высшего образования. В 2012 г. данная проблема была подробно изучена со стороны заведующей сектором экономики науки и инновационных процессов ИМЭМО РАН И.Г.Дежиной³, и она в своей статье, которая называлась «Российская наука как фактор

¹ Путин В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 2012. 27 февраля. [Электронный ресурс].

² Торкунов А.В. Образование как инструмент мягкой силы во внешней политике // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument->

[myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/](http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/)

³ Дежина И.Г. Российская наука как фактор «мягкого влияния» [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=495#top

“мягкого влияния”» приводит факторы, которые могут способствовать или не способствовать превращению российского образования и науки в эффективный инструмент реализации «мягкой силы» страны. Анализируя ситуацию вокруг престижа и привлекательности российской системы образования и науки, она делает вывод о том, что российское образование слабо представлена на международной арене, так как не так уж интернационализована и нуждается в серьезных внутрисистемных изменениях, чтобы повысить свою привлекательность и стать инструментом «мягкого влияния» на международной арене.

В новое тысячелетие в мировой политике и международных отношениях можно заметить такую тенденцию, при которой лидерство стран на международной арене во все большей степени определяется их способностью управлять своими партнерами и конкурентами без использования грубой силы. Особенно нужно подчеркивать тот факт, что в последние годы идет «острая борьба за право определять ценностную и нормативную составляющую мирового порядка»¹. Как отмечает академик А.В. Торкунов, в число основных трендов мировой политики нового тысячелетия можно отнести и «конкуренцию ценностей и моделей общественного, социально-экономического развития»². Именно поэтому и предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из важнейших факторов возрастания авторитета и престижа страны за рубежом. А для того, чтобы привлечь все большее количество иностранных студентов прежде всего образовательная система должна быть привлекательной, востребованной и цена на услуги доступной. При рассмотрении данной проблемы нельзя забывать о том, что в сфере образовательных услуг в мире лидирующие позиции занимают

англосаксонские страны, за счет привлекательности своих систем высшего образования и элитарности учебных заведений, не смотря на то, что они стоят очень дорого. Затем идут вузы Центральной и Восточной Европы, где образовательные услуги в какой-то степени соответствуют критериям “цена-качество”. В гонку за иностранными студентами с немногим опозданием включились страны БРИКС и АТР. За последние годы в России обострилась борьба за за талантливую молодежь из стран близкого и дальнего зарубежья. В свою очередь такая острая борьба способствовала тому, что российские вузы улучшили свои позиции в мировых и региональных рейтингах. Важно упомянуть, что с целью повышения конкурентоспособности российского высшего образования на международной арене, в 2012 году Министерством образования и науки РФ была принята государственная программа “Проект 5-100”. Целью данной программы, где участвуют два десятка ведущих университетов и исследовательских институтов страны, является повышение престижа российского высшего образования и выведение не менее пяти вузов страны из числа участников проекта в сотню лучших вузов мира.

Академик А.В.Торкунов в своей статье отмечает, что «половина иностранных студентов, обучающихся в американских университетах, являются выходцами из Индии, Китая, Тайваня, Южной Кореи и Японии.»³ Если крупными поставщиками «молодых умов» для США на сегодняшний день являются страны Азии, то говоря об иностранных студентах в России стоит заметить, что большинство студентов являются гражданами и выходцами из стран СНГ. Среди молодежи стран больше всего интересуются российским высшим образованием в Казахстане. Не удивительно, что именно Казахстан

¹ Торкунов А.В. Образование как инструмент мягкой силы во внешней политике // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/>

² Там же.

³Торкунов А.В. Образование как инструмент мягкой силы во внешней политике // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/>

занимает первую строчку в списке стран, молодое поколение которых обучается в России. Затем идет Узбекистан, откуда в Россию приехали 14 тыс. студентов. Также нельзя не упомянуть и другие страны СНГ, абитуриентам которых ежегодно выделяется квоты со стороны Правительства РФ. Именно эти ежегодно выделяемые квоты на обучение иностранных студентов за счет бюджетных ассигнований РФ, могут поспособствовать повышению престижа российского образования в зарубежных странах, а также формировать большой спрос на получения высшего образование в России на контрактной основе. А приток финансовых средств за счет иностранных студентов позволит увеличить финансирование ведущих учебных заведений страны.

На сегодняшний день сотрудничество в области культуры как никогда прежде, превратилось в поле борьбы за умы, сердца и кошельки людей по всему миру. В такую эпоху, когда в международных отношениях преобладают конфликты и нестабильности роль культуры как одного из самых эффективных инструментов «мягкой силы» невозможно переоценить. Потому что культура является важным ресурсом дипломатии, который используется в целях продвижения интересов страны, для улучшения взаимопонимания между представителями разных этно-конфессиональных групп. Учитывая историю и масштабы России можно прийти к выводу, что в плане культуры Россия имеет больше ресурсов и потенциала чем другие страны. На протяжении веков Россия охватывала такую территорию, где проживали люди разных национальностей, культур и религий. Именно этот исторический опыт сосуществования столь разных народов и культур на территории одной страны должен быть использован для налаживания отношений с другими странами на культурно-гуманитарной основе. Благо в недавней истории России есть много примеров того, как культурная дипломатия может повлиять на отношения между двумя странами. Термин «культурная дипломатия» начала эксплуатироваться

в 1930-х гг. и имел оттенок пропаганды СССР в зарубежных странах. Один из американских исследователей данной тематики Ф. Баргхорн определял это понятие как «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [Barghoorn 1960].

В этот период получила распространение практика культурного обмена, когда в страну приглашались известные деятели культуры и науки, философы и мыслители - элита интеллигенции зарубежных стран. Их приглашали для ознакомления с достижениями Советской власти, чтобы они своими глазами увидели, на что способна советская система. В рамках данных мероприятий особое значение имело особое гостеприимство советской власти. За процессом приема и пребывания наблюдало непосредственное руководство страны, а одним из самых эффективных инструментов в создании положительного имиджа страны на глазах гостей были длительные беседы по поводу актуальных вопросов внутренней и внешней политики с И.В. Сталиным. А.В. Голубев, давая характеристику периода 1929–1939 гг. как «звездный час» советской культурной дипломатии, сформулирует такую мысль: «Культурная дипломатия – это использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей, существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей» [Журавлева 2007: 161].

Также стоит упомянуть, что в современной политической литературе наряду с термином «культурная дипломатия», так же употребляется понятие «внешняя культурная политика». МИД РФ в программном документе «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами» дает такую формулировку данного понятия: «внешняя культурная политика – это специфический инструмент достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества.»¹ Документ также особо подчеркивает, что взаимодействие дипломатии и

¹ Основные направления работы МИД России по

развитию культурных связей России с зарубежными

культуры имеет давние исторические корни и традиции, а также служит национальным интересам России. Культурная дипломатия способна вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России не только в регионе СНГ, но и во всем мире. В документе, также говорится о том, что культурные связи как один из самых гибких и наиболее эффективных инструментов во внешнеполитической деятельности страны, используются в целях создания благоприятного и объективного образа России в мире¹. В данном случае следует помнить о том, что культура, должна развивать и укреплять чувства симпатии к стране, упрочить позитивный имидж России за рубежом, способствовать налаживанию и развитию связей между государствами на долгосрочной перспективе. Именно данный набор функций делает культурную дипломатию одним из наиболее эффективных инструментов публичной дипломатии и «мягкой силы». Нельзя забывать и о том, что связи с общественными организациями и людьми, вклад в налаживание межгосударственных отношений в различных областях, в том числе в сфере экономики входят в перечень задач, которые должны быть осуществлены культурной дипломатией. В этой связи важно подчеркивать роль государственных организаций, негосударственных и некоммерческих учреждений, различных фондов, а процессе налаживания культурных связей с иностранными государствами. Самыми активными из таких учреждений являются Россотрудничество и фонд «Русский мир», которые ведут свою деятельность в различных странах. Данные организации особо активно работают в странах СНГ, где за последние годы были созданы множество представительств под названием Российских центров науки и культуры. РЦНК ведут свою деятельность по распространению русской культуры и русского языка по всему миру, что позволяет иностранным гражданам, которые интересуются Россией

и русской культурой, по ближе познакомиться с особенностями культуры и спецификой каждого народа, проживающего в России.

Подводя итоги рассмотрения инструментов «мягкой силы» России в ее внешней политике, можно заметить, что сегодня в мировой политике идет конкуренция цивилизаций и общественно-политических концепций, международная арена превратилась в поле борьбы за умы, сердца людей по всему миру. В эпоху конфликтов и международной нестабильности роль публичной и культурной дипломатии, науки и образования как инструмента «мягкой силы» во внешней политике невозможно недооценить. Несмотря на это, Россия пока в недостаточной степени использует свой огромный потенциал инструментов «мягкой силы» для формирования привлекательного образа страны хотя бы в своих ближайших рубежах. И государственные учреждения, и немногочисленные фонды вкладывают в развитие рынка образовательных услуг и культурной дипломатии очень мало средств. Только с недавнего времени государство начало инвестировать деньги в такие проекты, как построение русскоязычных школ в странах, которые играют ключевые роли в системе координат российской внешней политики. Но также стоит заметить, что данная политика в некоторых странах воспринимается скептически, как это наблюдается в Таджикистане, например. Для консервативного крыла таджикских интеллектуалов открытие новых русскоязычных школ в ряде крупных городов страны является индикатором «империалистических» стремлений России. То же самое происходит и в соседнем Узбекистане, где слухи о присвоении русскому языку статуса государственного языка повлияли за собой негативную реакцию общественности и разделили узбекскую интеллигенцию на два лагеря. Поэтому деятели, которые занимаются продвижением российских интересов и ее имиджа за рубежом через

странами // Официальный сайт МИД РФ. 13.02.2004.

¹ Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами // Официальный сайт МИД РФ. 13.02.2004.

мягкую силу, должны найти ту самую тонкую грань, которая позволила бы защитить и продвигать интересы России, не задевая национальные чувства народов региона.

Следует помнить, что в самые критические моменты истории, в периоды разногласий и противостояний, именно культурная дипломатия была инструментом, источником вдохновения и притягательности России для иностранцев. На стыке веков Россия начала активно «экспортировать» свою литературу, оперу и балет; в середине прошлого столетия пропагандировала до-

стижения в области освоения космоса, в области точных и естественных наук. Поэтому в настоящее время перед внешнеполитическим ведомством страны и теми, кто принимает непосредственное участие в создании имиджа России за рубежом, стоит задача найти новые способы создания образов и символов, чтобы формировать достойный имидж России и привлечь внимание иностранцев в ее сторону используя имеющийся потенциал «мягкой силы», благо этот потенциал является поистине неисчерпаемым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арефьев А. Л. Современное состояние и тенденции распространения русского языка в мире. Научное издание / Под ред. академика Г. В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 2017. – 320 с.
2. Баргхорн Ф. Культурное наступление Советского Союза. Роль культурной дипломатии во внешней политике Советского Союза. Принстон, 1960 г.
3. Гарасимова В.А. Инструменты и ресурсы «мягкой силы» России на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. Т. 1. № 6 (2018). С. 574-582.
4. Гарасимова В.А. Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. Т. 2. № 1 (2019). С. 904-922.
5. Журавлева Н.Н. Коммуникативные стратегии в сфере культурной дипломатии: современные дискуссии. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007, № 2, (ч. 2). С. 161.
6. Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. Серия Философия, № 5, с. 163-167.
7. Курылев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки, 2017, №2. С. 46-55.
8. Медведева Т. А. Значение языкового фактора в современном мире. Латинская Америка. 2014. № 8. С. 97–107.
9. Тезисы выступления Руководителя Россотрудничества К.И. Косачева на встрече депутатов Государственной Думы с деятелями культуры в Мемориальной квартире А.С. Пушкина на Арбате 5 июня 2012 г.

Сведения об авторе: Саримсоков Зохи́джон Сайфуллоевич – магистр в области международных отношений кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: zohidjon990@gmail.com).

REFERENCES

1. Aref'ev A.L. Sovremennoe sostoyanie i tendencii rasprostraneniya russkogo yazyka v mire. Nauchnoe izdanie / Pod red. akademika G. V. Osipova. – M.: ISPI RAN, 2017. - 320 s.
2. Barghorn F. Kul'turnoe nastuplenie Sovetskogo Soyuza. Rol' kul'turnoj diplomatii vo vneshnej politike Sovetskogo Soyuza. Prinстон, 1960 g.
3. Garasimova V.A. Instrumenty i resursy «myagkoj sily» Rossii na prostranstve SNG // Postsovetskie issledovaniya. T. 1. № 6 (2018). S. 574-582.
4. Gerasimova V.A. Rossijskie sootchestvenniki za rubezhom // Postsovetskie issledovaniya. T. 2. № 1 (2019). S. 904-922.
5. ZHuravleva N.N. Kommunikativnye strategii v sfere kul'turnoj diplomatii: sovremennye diskussii. Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya, 2007, № 2, (ch. 2). С. 161.

6. Kocherov S.N. Russkij mir: problema opredeleniya. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2014. Seriya Filosofiya, № 5, s. 163-167
7. Medvedeva T.A. Znachenie yazykovogo faktora v sovremennom mire. Latinskaya Amerika. 2014. № 8. S. 97-107.
8. Tezisy vystupleniya Rukovoditelya Rossotrudnichestva K.I. Kosacheva na vstreche deputatov Gosudarstvennoj Dumy s deyatel'nyimi kul'tury v Memorial'noj kvartire A.S. Pushkina na Arbate 5 iyunya 2012 g.

About the author: Sarimsokov Zokhidzon S. Master of International Relations international relations of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: zohidjon990@gmail.com).

Участие Казахстана в инициативе Китая «Один пояс – Один путь»

К. Гаспарян

Южно-казахстанский государственный университет им. Ф. Ауезова,
Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. В статье были рассмотрены вопросы участия Казахстана в инициативе Китая «Один пояс – один путь».

На современном этапе развитие двустороннего сотрудничества Казахстана и Китая происходит в рамках сопряжения идеи Китая, связанной с формированием экономического пояса на Шелковом пути (ЭПШП), а также национальной казахстанской программы, именуемой «Нурлы жол». Это является основной целью последних договоренностей Казахстана и Китая.

Автор раскрывает причина, заключающиеся, по его мнению, во-первых, в том, что ЭПШП и программа «Нурлы жол» почти идеально совпадают в тех аспектах, которые касаются транзита через территорию Казахстана грузов из Китая, а также развития транспортной и логистической инфраструктуры на территории Казахстана. Во-вторых, Китай предоставляет щедрые кредиты и готов финансировать не только проекты в рамках ЭПШП, но и проекты, которые намечено реализовать в рамках программы «Нурлы жол».

Как полагает автор, скорее всего, именно этим и объясняется тот факт, что, несмотря на озабоченность Казахстана проблемой сопряжения ЭПШП и ЕАЭС, одной из особенностей его участия в практической реализации ЭПШП является то, что происходит оно не в треугольнике ЕАЭС – ЭПШП – национальные программы, а с ЕАЭС и ЭПШП в отдельности. Причем, судя по последним документам, подписанным с китайской стороной, руководством Казахстана вопрос о сопряжении всех трех концепций даже не ставится. Главный акцент во всех этих документах сделан на сопряжении ЭПШП и «Нурлы жол».

Ключевые слова: Казахстан, Китай, Один пояс – один путь, экономический пояс Шелкового пути, Нурлы-Жол.

Participation of Kazakhstan in the Initiative of China “One belt – One way”

К. Gasparyan

F. Auezov South Kazakhstan State University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract. The article addressed the issues of Kazakhstan’s participation in the initiative of China “One Belt – One Way”.

At the present stage, the development of bilateral cooperation between Kazakhstan and China is taking place within the framework of the pairing of the idea of China related to the formation of the economic belt on the Silk Road (SREB), as well as the national Kazakh program called “Nurly Zhol”. This is the main goal of the last agreements of Kazakhstan and China.

The author reveals the reason, which, in his opinion, firstly, is that the SREB and the Nurly Zhol program almost perfectly coincide in those aspects that relate to transit through the territory of Kazakhstan of goods from China, and - the same development of transport and logistics infrastructure in Kazakhstan. Secondly, China provides generous loans and is ready to finance not only projects within the SREB, but also projects that are scheduled to be implemented under the Nurly Zhol program.

As the author believes, most likely, this is precisely the reason why, despite Kazakhstan’s concern about the problem of pairing the SREB with the EAEU, one of the peculiarities of its participation in the practical implementation of the SREB is that it does not occur in the EAEU triangle national programs, and with the EEU and the SREB separately. Moreover, judging by the latest documents signed with the Chinese side, the leadership of Kazakhstan does not even raise the question of the conjugation of all three concepts. The main emphasis in all these documents is on the conjugation of the SREB and Nurly Zhol.

Keywords: Kazakhstan, China, One Belt - One Road, Silk Road Economic Belt, Nurly-Zhol.

Роль Казахстана в реализации международных транспортных коридоров в Евразии

Проблема формирования Великого Шелкового пути как системы транспортных международных коридоров всесторонне рассматривается сейчас на различных уровнях. Однако полной ясности с выбором конкретных маршрутов еще нет. В официальной правительственной концепции КНР «Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века» сухопутные маршруты рассматриваются в общем виде. Между тем от их выбора зависят и перспективы транзитных перевозок через Россию (в значительной мере), и даже развитие ее восточных районов (в определенной степени).

В соответствии с компетентными источниками, в рамках международных транзитных широтных перевозок, осуществляемых между Европой и Азией, наряду с морскими путями, немаловажным значением обладают 4 транспортных железнодорожных коридора. Ключевое место среди них принадлежит сформировавшемуся свыше 100 лет назад Транссибу, пересекающему территорию РФ по маршруту Москва – Владивосток, выходящему в западном направлении к отечественным морским портам, прежде всего балтийским, а также в государства Западной Европы, до наибольших нидерландских портов, таких как Роттердам/Амстердам. Говоря о железнодорожных маршрутах, в ближайшей перспективе в качестве основного конкурента Транссиба в рамках транзитных перевозок может выступить Северный коридор Шелкового пути, начинающийся от китайского порта Ляньюньган на Желтом море, проходящий по территории Китая (Урумчи), Казахстана (Астана), выходящий через Курган на Транссиб в Россию и далее в страны Европы. Южный коридор Шелкового пути, начинаясь также в Ляньюньгане и отделяясь от Северного коридора в Казахстане, проходит через Турцию, Узбекистан, Иран, Туркмению, 5-6 европейских государств к нидерландским портам. Такой коридор, как «ТРАСЕКА» (Европа–Кавказ–Азия), отделяется от Южного коридора Шелкового пути в Туркмении, идет через Каспийское

море (паром), Азербайджан, Грузию, Черное море (паром Потти–Бургас, Варна, Констанца либо Одесса/Ильичевск), 4-6 стран Европы к нидерландским портам.

Судоходный канал, благодаря которому Казахстану будет открыт путь непосредственно к Черному морю, железная высокоскоростная дорога, пересекающая государства Евразийского союза, начиная с Пекина, заканчивая Берлином — с трибун освещен план, предусматривающий строительство инфраструктурных грандиозных объектов.

Мировой логистический рынок характеризуется нешуточной борьбой, которая в перспективе будет обостряться, согласно прогнозам экспертов. С точки зрения евразийских стран, в особенности России и Казахстана, важность транзита заключается и в другом.

С 1990-х гг. экономика РК столкнулась с парадигмой большой нефти, а также привлечения иностранных инвестиций.

Июнь 2017 г. знаменуется подписанием меморандума, предусматривающего организацию высокоскоростных и скоростных трансграничных железнодорожных грузовых перевозок в сообщении Китай–Россия–Европа, согласно которому, требовалось строительство транспортного грузопассажирского высокоскоростного коридора, именуемого «Евразия». Планировалось строительство 6,7 тыс. км новых линий, магистралей, общей протяженностью в 9 тыс. км. Согласно расчетам экспертов, к 2030 г. объемы пассажирских перевозок по ВСМ «Евразия» может быть равен 58 млн чел., к 2050 г. – 90 млн. К 2050 г. ожидается грузопоток в 15 млн т.

Следует отметить предложение Нурсултаном Назарбаевым второго проекта. Имеется в виду судоходный канал «Евразия», соединяющий Каспийское и Черное море. Как отмечено казахстанским лидером, благодаря данному каналу будет обеспечен выход к морю через территорию России всем странам Центральной Азии. Согласно словам старшего научного сотрудника научно-исследовательского Евразийского института Лидии Пархомчик, «Евразия» на 300 км короче по сравнению с маршрутом через Волго-Донский канал.

Наряду с этим, проект содержит в себе вдвое меньшее количество шлюзов, посредством чего сокращается время прохождения всех судов.

Наряду с всевозможными издержками, имеет место конфликт интересов сторон инфраструктурных заявленных проектов, согласно информации казахстанских экспертов. В особенности, результатом взаимных санкций Евросоюза и России является снижение энтузиазма 2-х из 3-х наиболее крупных участников проектов, связывающих в перспективе Азию и Европу. Китай, являясь 3-м игроком, выступая в качестве драйвера развития трансевразийского маршрута – закрыт для западного бизнеса.

Как свидетельствуют результаты проведенного в 2016 г. Торговой палатой ЕС в КНР опроса, европейскими компаниями пессимистично оценены собственные перспективы работы в КНР. Как заявили 57 % опрошенных, властями КНР не проявляется благосклонность к ним, по сравнению с их национальными компаниями. Такой же тренд ранее был отмечен и американским бизнесом. То есть, Китай на современном этапе реформирования не проявляет интереса к иностранным инвестициям, развивая местных производителей. Посредством данной позиции сдерживается трансевразийская торговля, и развитие дорог – посредством экономических противоречий.

В 2017 г. состоялся форум «Один пояс, один путь», в результате которого властями КНР направлены все усилия на либерализацию экономики. При этом, началась торговая война США против КНР, в результате чего, нельзя спрогнозировать результаты этого в отношении транзитных перспектив на ближайшие 5 - 10 лет.

Говоря о строительстве судоходного одноименного канала, следует отметить особую заинтересованность в нем Казахстана.

Анализируя максимальные объемы грузопотока порта Актау в 2000-х гг., ежегодно цифра составляла примерно 12 миллионов тонн груза, большинство которого приходилась на нефтеперевалку. Но, в результате воздействия разных факторов на переправу в Актау нефтеналивных грузов, произошло ее стремительное сокращение — примерно

на 1 млн т. грузов ежегодно. Так, в соответствии с данными Санжара Елюбаева, являющегося вице-президентом АО «НК «КТЖ», в 2017 г. каспийским мультимодальным узлом, состоящим из портов Курык и Актау, произведена переработка 5,5 млн. тонн груза, 1,5 млн. из которых составил грузооборот такого порта, как Курык.

Казахстан, являясь маленькой с точки зрения количества населения страной, построившей собственную инфраструктуру самостоятельно, следует направить свои усилия на снижение затрат, связанных с ее содержанием.

Оценивая рассмотренные международные транспортные коридоры в качестве каркасных элементов глобальной евразийской инфраструктуры, в первом приближении следует подчеркнуть следующее. Во-первых, коридор «ТРАСЕКА» и Южный коридор Шелкового пути не являются конкурентами Транссибу с точки зрения транзитных перевозок, что обусловлено очевидными проблемами пересечения множества государств с политически неустойчивыми режимами и разными техническими железнодорожными характеристиками. К тому же существует такой факт, как дистанционное несоответствие грузоформирующих основных районов (южные коридоры пересекают Восточную, Центральную и Юго-Западную Азию, и Балканы, а Транссиб – намного севернее).

Во-вторых, выступая в качестве главного конкурента Транссиба Северный коридор Шелкового пути, идет не в обход РФ, а на большом протяжении (2,7 тыс. км) пересекает ее территорию (Центр, Поволжье, Урал). В длине Транссибирского коридора Владивосток-Роттердам доля РФ равна 83%, а в длине Северного коридора – 25%. Таким образом, Россия – это транзитное государство, получающее доходы с транзита, и ключевой партнер Шелкового пути. В большей мере – 49% протяженности Северного коридора – принадлежит к ЕАЭС в целом, куда, кроме России, входят еще и пересекаемые этим коридором Казахстан и Беларусь.

В-третьих, необоснованной является угроза, связанная с потерей Транссибом доли транзита. Массовое поступление сюда

транзитных грузов ожидается только после железнодорожного его соединения с Японией и Кореей, что вполне реально в далекой перспективе. Учитывая общую протяженность, Транссибирскому коридору будет характерна более высокая конкурентоспособность, по сравнению с Северным ходом Шелкового пути, для транзитных грузов, которые выходят из Японии, Кореи, Северо-Восточной части КНР (к примеру, с направлений Тяньцзинь–Пекин–Улан-Батор–Улан-Удэ, Далянь–Харбин–Забайкальск–Чита). Следует разработать схему взаимодействия Шелкового пути и Транссиба (грузов хватит всем) для того, чтобы максимально снизить транспортные издержки и рационально обслуживать грузопотоки на евразийском колоссальном пространстве. Россия согласно ее географическому положению осуществляет контроль транспортно-экономических связей северной части Евразии, а Китай – южной ее части.

Казахстан, не замеченный в стремлении изолироваться от России, тем не менее, также активно работает над преодолением этой зависимости, старается диверсифицировать транзитные коридоры для поставок экспортной продукции на мировые рынки.

На территории страны уже идет строительство инфраструктуры для ЭППП: построено более 1300 км дорог, завершено строительство железнодорожной магистрали «Жетыген – Хоргос», введен в эксплуатацию железнодорожный переход «Алтынколь – Хоргос» на границе с Китаем с пропускной способностью до 20 млн. т грузов. Власти Казахстана работают над программой ускорения прохождения грузов через таможенные посты и устранением административных барьеров.

Большое значение в контексте реализации ЭППП и его сопряжения с ЕАЭС имеет незамерзающий Международный морской торговый порт Актау, через который осуществляются некоторые экспортно-импортные операции Уральского и Сибирского регионов. Кроме того, здесь проходит «ТРАСЕКА» — транспортный коридор, формирующий грузопотоки, с одной стороны, в Западной и Центральной Европе, с другой – Средней и Юго-Восточной Азии.

«ТРАСЕКА» — единственный путь, связывающий страны Европы и АТР, который не проходит по территории России. С созданием ЕАЭС проблема «обхода» России с юга частично решилась, так как теперь грузопоток следует по единой с Россией таможенной территории, но встает вопрос «Восточного луча» — международного транспортного коридора, который в Казахстане называют «Великий мост».

В рамках реализации этого проекта проложены железнодорожные линии на участках «Жезказган – Саксаульская» и «Шалкар – Бейнеу», благодаря чему значительно сократилось расстояние от станции Достык до порта Актау. А через ветку «Достык – Актогай – Атасу – Жезказган – Саксаульская – Актобе – Саратов» появился выход на инфраструктуру Международного транспортного коридора «Север – Юг», который действительно может с большой степенью вероятности стать «Великим мостом» на пути из Китая в Европу. Транспортный коридор «Север – Юг» представляет собой «мультимодальный» маршрут транспортировки пассажиров и грузов, общей протяженностью 7200 км от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи (Бомбей). Он создан для привлечения транзитных грузопотоков из Индии, Ирана и других стран Персидского залива на российскую территорию (через Каспийское море), и далее в Северную и Западную Европу. Коридор имеет несколько веток. Изначально проходит по маршруту «Бусловская – Санкт-Петербург – Москва – Рязань – Кочетовка – Ртищево – Саратов – Волгоград – Астрахань», а затем разделяется на три ветви: Транскаспийскую (через порты Астрахань, Оля, Махачкала); Восточную (железные дороги Казахстана, Узбекистана и Туркмении с выходом на Иран по пограничному переходу «Теджен – Серахс») и западную («Астрахань – Махачкала – Самур», с дальнейшим выходом в Азербайджан и Иран). Межправительственное соглашение о создании коридора «Север – Юг» между Россией, Ираном и Индией было подписано в 2000 г. в Санкт-Петербурге.

И до 2002 г. по нему осуществлялись перевозки в упомянутые страны, однако позже из-за технических сложностей

перевозки ограничились маршрутом Россия – Иран – Россия, а перевозки из Индии были остановлены. Позже проект был заморожен из-за санкций, введенных против Ирана, но после их снятия планируется вновь вернуться к этому грандиозному проекту, в котором Казахстан также играет ключевую роль. Не менее актуален проект строительства международного транзитного автомобильного коридора «Западная Европа – Западный Китай». В 2017 г. планируется открыть движение по всему его маршруту через города: Ляньюнган, Чжэнчжоу, Ланьчжоу, Урумчи, Хоргос, Алматы, Кызылорда, Актобе, Оренбург, Казань, Нижний Новгород, Москва и Санкт-Петербург с выходом на порты Балтийского моря. Общая протяженность коридора составит почти 8,5 тыс. км. Из них 2493 км пройдет по территории России, 2787 км – Казахстана и 3425 км – Китая. Китай уже закончил реализацию своей части проекта, Казахстан также практически подошел к завершению работ. Это кратчайший автодорожный маршрут из Китая в Европу, имеющий колоссальное значение в увеличении транзитного потенциала для всей Евразии.

Поэтому государства-члены ЕАЭС намерены объявить его основным совместным инфраструктурным проектом. В целом не вызывает сомнений, что Казахстан получит большие выгоды как от участия в проектах ЭПШП, так и от сопряжения их с ЕАЭС. Для республики это прекрасные возможности развития районов и территорий, расположенных на стыке транспортных коридоров и создания рабочих мест для жителей многих регионов. Это и диверсификация каналов транспортировки казахстанских продуктов и ресурсов, возможность пополнения государственной бюджета за счет наложения специальных тарифов на транзит. Это, в конце концов, развитие инфраструктуры – транспорта (железнодорожного и автомобильного), электроэнергетики и телекоммуникаций.

Проблема сопряжения программы «Нурлы жол» и ЕПШП

«Нурлы жол», являющаяся государственной программой по развитию Казахстана, официально представлена в ноябре 2014 г. Главой государства Н.

Назарбаевым, на сегодняшний день выступает в качестве основного камертона, задающего направления и темпы государственного развития.

Пять лет, в течение которых происходит реализация данной госпрограммы, продемонстрировали ее успех и роль в экономическом самочувствии Казахстана. Но, в условиях динамических изменений и глобализации, которая происходит в мировой политике, требуется внимательное отслеживание ситуации, что позволит сохранить собственные национальные интересы. Тесным сопряжением «Нурлы жол» и китайской ЭПШП учтены имеющиеся факторы неопределенности, возможные вызовы и угрозы.

Первым и главным фактором неопределенности является отсутствие со стороны Китая до сегодняшнего дня четкого целеполагания ЭПШП. Это обуславливает возникновение множества вопросов у экспертов.

Во-первых, не понятно, ЭПШП является геополитической концепцией руководителей «5-го поколения» либо же проектом экономической интеграции на деньги и под эгидой Китая.

Беря во внимание последние акценты в выступлениях руководителей КНР, и новые оценки китайских экспертов, ЭПШП все-таки является геополитической концепцией (т. е. имеет место ее экономическая составляющая). Цель данного проекта состоит в укреплении экономического регионального взаимодействия в Евразии, формировании «новой модели сотрудничества на международном уровне и общемирового менеджмента». Таким образом, возникла основная проблема для Казахстана, а также иных стран региона, заключающаяся в необходимости выбора приоритетов во внешней политике.

Во-вторых, не обусловит ли реализация данного проекта доминирование Китая в регионе с позиции политики и экономики?

В-третьих, кем именно с китайской стороны будет осуществляться реализация данного суперпроекта – государственным ведомством либо негосударственными структурами (к примеру, Фондом Шелкового пути), на кого будут возложены контакты с иностранными партнерами?

Вместе с тем, неясным остается и ключевой вопрос, касающийся сочетания этой концепции с проектом ЕАЭС? Ключевой фактор неопределенности состоит в преследовании проектами разных целей.

Цель ЭПШП состоит в продвижении китайской продукции на рынки стран ЦАР и РФ, через них в европейские государства и государства Среднего и Ближнего Востока, а затем – в формировании зоны свободной торговли в Центральной Азии, что на современной стадии развития ЕАЭС противоречит основной его цели.

В связи с этим, чрезвычайно актуальная задача состоит в ускоренном поиске реальных направлений и точек сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, отработке механизмов их сопряжения. Невзирая на наличие подписанных документов, реальное движение пока отсутствует.

Но, в случае отсутствия соответствующих шагов в ближайшей перспективе, страны Центральной Азии должны будут выбирать между Китаем и Россией, при этом, произойдет серьезное обострение российско-китайских отношений. В таких условиях невозможно спрогнозировать эффективность реализации ЭПШП в Центральной Азии. Ожидается блокирование практической реализации проекта Россией.

В качестве второго фактора неопределенности выступает сложность Центральной Азии как региона, здесь переплетены интересы, имеют место противоречия России, Европы, США, Индии, Китая, Турции и Ирана, непростыми являются взаимоотношения самих государств региона.

В связи с этим, Китай, являясь инициатором нового проекта, должен направить усилия на модернизацию данных отношений, а также противоречий. Будет ли возможность практической реализации этого – покажет время. Следует отметить, что достичь данной цели, ни России, ни США пока не удалось.

Третьим фактором неопределенности выступает необходимость ответить на вопрос, касающийся расшифровки заявленного Китаем принципа «общей выгоды» в рамках торгово-экономических связей, пронизанных острой конкуренцией?

Основа проекта ЭПШП состоит не из заботы о развитии государственного промышленного потенциала тех стран, которые он будет пересекать, а заключается в интенсивном развитии западных китайских регионов и их превращении в внешнеэкономический, транспортно-логистический, финансовый хаб «Большой Центральной Азии».

То есть, будет происходить увеличение роли СУАР, на современном этапе успешно справляющегося с ролью «промышленной мастерской» стран Центральной Азии, отнимая у последних шансы на развитие обрабатывающего сектора, в рамках внешнеэкономических контактов Китая с государствами Центральной Азии. При этом, ожидается ухудшение ситуации в странах региона (с позиции их реиндустриализации).

Вместе с тем, основным элементом неопределенности является неготовность стран региона к развитию реального сектора экономики наряду с Китаем, либо же дилеммой Китая – вкладываться ли в региональную реиндустриализацию, получив конкурента экспорту собственных промышленных товаров.

Основная проблема состоит в приходе наряду с китайскими инвестициями китайских рабочих рук, что не благотворительно сказывается на регионе с собственной избыточной рабочей силой, каковым выступает Центральная Азия.

В качестве 4-го фактора неопределенности выступает отсутствие наполнения ЭПШП. С точки зрения стран Центральной Азии, РФ (в данной ситуации Казахстан выступает в качестве исключения, при наличии здесь множества неясностей) это принадлежит к основным вызовам от проекта. На данном этапе не понятно предложение данного проекта, помимо формирования финансовой, торговой, транспортно-логистической инфраструктуры, упрощения таможенной процедуры.

В целях снятия данных опасений, Китай должен осуществить разработку конкретных прорывных проектов, аналогично ситуации с такой сетью газопроводов, как «Средняя Азия – Китай», что не просто будет осуществить, беря во внимание приоритетную китайскую ставку на

сотрудничество в сырьевой сфере, льготные кредиты и поставку продукции народного потребления.

Следующий фактор неопределенности состоит в предоставлении ответа на вопрос, касающийся того, является ли рассмотренное в рамках проекта культурно-гуманитарное сотрудничество «улицей с двусторонним движением», либо же оно предусматривает распространение китайской культуры и китайских ценностей в иных странах в соответствии с концепцией «мягкой силы»? На данный момент российские, центрально-азиатские, западные и китайские эксперты оставляют за скобками ответ на данный вопрос, хотя он будет затронут рано или поздно.

6-й фактор неопределенности заключается в экономике проекта. На данном этапе отсутствуют конкретные расчеты по некоторым из направлений реализации ЭПШП. Но, как свидетельствует транзитный потенциал некоторых маршрутов в 2015 г., реальный грузооборот по ним, многие из планов могут быть отнесены к несбыточным мечтам.

Если говорить об угрозах и вызовах реализации на практике ЭПШП в Казахстане (также Центральной Азии), они сведены к следующим.

Первый вызов – ментальные и культурные различия Китая и стран ЦА. В плане консолидирующей страны региона идеи Китаю пока предложить нечего. Но, исключая его возможность кредитовать экономики стран региона. При этом, следует отметить, что сегодня именно Китай выступает в качестве модератора в вопросах, связанных с инвестициями и экономикой, и выстраиванием новой архитектуры региональной безопасности.

Второй вызов связан с необходимостью позиционирования концепции в рамках взаимной выгоды и справедливости, в ней должен отсутствовать намек на перспективы «китайской экспансии». На данном этапе, происходит обсуждение концепции ЭПШП, практической ее реализации лишь вокруг интересов КНР. Закономерный вопрос, касающийся выгоды и интереса стран региона, остается без ответа со стороны китайских экспертов. Аналогично вопросу,

касающемуся роли РФ в практической реализации данных концепций.

Третий вызов состоит в перспективах выхода китайских предприятий (речь идет также о предприятиях среднего и малого бизнеса) на рынки стран Центральной Азии. В данном случае имеет место ряд естественных вопросов, обуславливающих возникновение вышеуказанного и его отношение к категории вызовов и угроз.

Первый, Китаем никогда страны Центральной Азии не рассматривались в качестве потенциальной части собственной экономики (в данном случае Казахстан не является исключением). Для него, Центральная Азия выступала в качестве рынка сбыта собственных товаров, источника природных ресурсов, транзитной территории. Осуществлялось направление китайских инвестиций в Центральной Азии (не учитывая Узбекистан) в инфраструктуру, не подразумевающая развития реального сектора. Достаточно сложно ответить на вопрос, касающийся изменения данного подхода проектом ЭПШП.

Второй, какие именно компании планирует вывести КНР на территорию Казахстана (экологическая безопасность, характер производства, перспективы распределения товаров и пр.).

Третий, в состоянии ли Казахстан обеспечить данные компании кадровыми ресурсами, не будет ли обусловлена трудовая массовая миграция рабочей силы из Китая.

Четвертый вызов касается перспектив увеличения потока трудовой миграции Китая. Очевидным является рост численности трудовой китайской миграции, что будет обусловлено масштабной реализацией ЭПШП и переносом в Казахстан избыточных промышленных китайских мощностей.

Так как к присутствию Китая в Центральной Азии на сегодняшний день относятся настороженно, требуется обоснование перспектив «выхода за рубеж» компаний Китая, включая учет интересов самих предприятий, а также их партнеров в странах Центральной Азии.

Пятый вызов связан с перспективами формирования КНР зоны свободной торговли в Центральной Азии. В иных вопросах РФ идет на определенные уступки, но,

этот вопрос для России является принципиальным. Цель создания ЕАЭС заключалась не в разрушении ЭПШП базовой его идеи – воссоздания промышленного потенциала государств, которые в него входят, что при отсутствии ограничения импорта из Китая почти невозможно сделать. Казахстан, являясь членом ЕАЭС, страной, у которой имеется заинтересованность в реиндустриализации, должен учитывать данное обстоятельство.

В качестве 6-го вызова выступает наличие проблем развития Китая, что является вполне объяснимым. Результатом экономического спада в Китае может являться сокращение его возможности финансирования ЭПШП. Так как, Казахстаном делается ставка на данные инвестиции, это связано с определенными рисками для него.

Если говорить об ухудшении в Казахстане социально-экономической ситуации, ее воздействию на реализацию ЭПШП на практике, данный вопрос не рассматривается даже экспертами. Вместе с тем, результатом дальнейшего ухудшения социально-экономического положения Казахстана, снижения потребительского потенциала его населения может являться негативное воздействие на реализации ЭПШП.

Седьмой вызов связан с возможной перспективой роста в Казахстане антикитайских настроений (а также в иных странах ЦА) с реализацией определенных проектов по ЭПШП. В особенности, речь идет о выносе производственных избыточных китайских мощностей, начале освоения компаниями Китая сельскохозяйственных земель в странах региона.

Восьмой вызов касается возможной перспективы возникновения конкуренции ЕАЭС и ЭПШП. Невзирая на наличие соглашения о сопряжении данных проектов, в практическом плане на данном этапе ничего не сделано. Настораживает и факт сопряжения в Казахстане только по линии «Нурлы жол» – ЭПШП.

Также, настораживающей является более высокая конкурентоспособность ЭПШП, по сравнению с ЕАЭС. Наряду с этим, у ЕАЭС (аналогично ЭПШП) отсутствует четкая концептуальная основа, она держится на воле глав государств. В связи с

этим, следует предположить, что ЕАЭС в конкурентной борьбе проиграет. В особенности при кардинальной смене политических элит в странах региона.

Очевидно, что практическая реализация ЭПШП приведет к формированию новой архитектуры геоэкономического и геополитического пространства Евразии, где главным связующим звеном может стать Центральная Азия. При этом, без сомнений, важную роль будет играть Казахстан как крупнейшее центральноазиатское государство и крупнейшая экономика региона. Страна реально может стать «окном» для поставок китайской продукции и товаров как на рынки стран ЕАЭС, так и на рынки соседних стран и регионов (страны Центральной Азии, Кавказа, Турция, Иран и т.д.). Более того, уникальное геополитическое положение Казахстана позволяет ему стать «мостом» между двумя экономическими гигантами – Евросоюзом и КНР.

Сегодня Китай занимает третье место в товарообороте Казахстана (10,6 млрд. долл., 14% от общего объема товарооборота) и второе место по потреблению казахстанской продукции (12%). Пекин также – крупнейший инвестор экономики Казахстана. То есть двусторонние связи имеют устойчивый характер. Символично и то, что проект ЭПШП коррелируется с казахстанской Новой экономической политикой и инициативой «Нурлы Жол» («Светлый путь»), представленной общественности в Послании президента Н. Назарбаева 2014 г. Обе инициативы направлены на развитие инфраструктуры и на индустриализацию Казахстана, а их совместная реализация, по оценкам казахстанских экспертов, может обеспечить синергетический эффект для экономического развития Казахстана. Подобные перспективы имеют особо значение в контексте модернизации казахстанской экономики, необходимой в условиях снижения мировых цен на нефть, которая является ведущим фактором экономического развития страны. Реализация проекта ЭПШП и его сопряжение с ЕАЭС в перспективе обеспечивают Казахстану следующие преимущества: доступ к морским портам стран-участниц ЭПШП; ускорение и снижение затрат на доставку

казахстанских товаров на мировые рынки; увеличение объемов внешней и взаимной торговли со странами-участницами сопряжения; модернизацию экономики и инфраструктуры Казахстана. Китайская инициатива будет способствовать выходу региона из ловушки транспортной изоляции. Ведь сегодня проблема заключается в том, что ресурсы, добываемые в странах Центральной Азии, доставляются потребителям при серьезных затратах и требуют значительных усилий на транспортировку через территорию транзитных государств – реже одной, но чаще двух трех стран-транзитеров. В настоящее время так называемое «транспортное проклятие» заставляет страны, получившие политическую независимость более двадцати лет назад, пользоваться сетями, унаследованными еще от Советского Союза, даже в тех случаях, когда их политический курс предполагает «сворачивание» связей с Россией.

Одна из проблем сегодняшних казахстанско-китайских отношений заключается в том, что, несмотря на динамичное развитие экономических контактов между двумя странами, объемы двусторонней торговли в последние годы сократились вдвое.

Скорее всего, это объясняется социально-экономическими проблемами как в Казахстане, так и в Китае, снижением покупательной способности казахстанцев и сокращением объемов производства продукции, экспортируемой из Казахстана в КНР.

Тем не менее, Китай остается крупнейшим торговым партнером Казахстана, занимая первую строчку в импорте из Казахстана и вторую позицию по экспорту в Казахстан. И именно отсюда возникает одна из проблем в двусторонних отношениях, связанная с доминированием на рынках Казахстана китайских товаров.

В ближайшей и среднесрочной перспективе что-то изменить в этих вопросах вряд ли возможно. Вне сырьевых отраслей Казахстан, в сравнении с КНР, абсолютно неконкурентоспособен. Следовательно – мы обречены на китайский товарный бум, а потому можно говорить о том, что китайская товарная экспансия в Казахстане фактически состоялась. Как фактом является и

то, что экономика Казахстана превратилась в сырьевой придаток экономики КНР.

Второе направление в рамках «дорожной карты» сопряжения ЭПШП и «Нурлы жол» — совместные промышленные проекты. В первую группу входят около 45 проектов, по 25 из них уже подписаны соглашения на общую сумму в 23 млрд. долл. По словам вице-министра по инвестициям и развитию РК Е. Хаирова, общая программа сотрудничества в промышленно-инвестиционной сфере предусматривает реализацию 51 проекта с согласованным объемом китайских инвестиций в 26 млрд. долл.

Не менее значимо и понимание того, что в основе ЭПШП лежит отнюдь не забота о развитии промышленного потенциала стран, через которые он будет проходить, а прежде всего – интенсивное развитие западных регионов Китая и их превращение в транспортно-логистический, внешнеэкономический, а в перспективе и финансовый хаб «Большой Центральной Азии».

Выводя излишние производственные мощности за пределы своей территории, Китай тем самым реализует политику «выхода за пределы», а потому по каждому конкретному проекту нужно внимательно смотреть, насколько он отвечает национальным интересам Казахстана. Так, КНР заинтересован в вынесении за рубеж экологически грязных производств. Вопрос, насколько выгодно Казахстану размещение таких производств на его территории.

Во-вторых, насколько эти планы Китая согласуются с планами реиндустриализации Казахстана в формате ЕАЭС, а главное – как расширять экономическое сотрудничество с Китаем, не вступая в конфликт с Россией, которая уже сейчас достаточно ревниво воспринимает сопряжение ЭПШП и «Нурлы жол».

В-третьих, насколько Казахстан готов к реализации этой программы с точки зрения ее кадрового и технологического обеспечения. Необходимых и профессионально подготовленных для подобного производства трудовых ресурсов в Казахстане нет, как недостаточно знаний и технологий.

Однако, главное опасение связано с тем, что вслед за китайскими инвестициями

приходят китайские рабочие руки, что во все не играет на пользу региону с избыточной собственной рабочей силой, каковым является Центральная Азия.

Третье направление «дорожной карты» сопряжения ЭПШП и «Нурлы жол» сотрудничество в области наукоемких отраслей и секторов высоких технологий. Здесь с Китаем обсуждается вопрос о выборе одного-двух направлений, по которым Казахстан и Китай будут проводить кооперацию как на

уровне научных институтов, вузов, так и в области создания совместных производств.

Пока конкретные проекты, которые предполагается реализовать на данном направлении, не согласованы. Во всяком случае, информации по ним нет. Скорее всего, они будут касаться тех приоритетных направлений, которые определены Китаем на 13-ю пятилетку и, несомненно, интересны Казахстану. Главный вопрос – обеспеченность будущих предприятий кадрами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Wong, John. Reviving the ancient Silk Road: China's new economic diplomacy. URL: <http://www.straitstimes.com/opinion/reviving-the-ancient-silk-road-chinas-new-economic-diplomacy>
2. Wong, John. Reviving the ancient Silk Road: China's new economic diplomacy. URL: <http://www.straitstimes.com/opinion/reviving-the-ancient-silk-road-chinas-new-economic-diplomacy>
3. Виноградов А.О. Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире // Философские науки. 2015. Вып. № 1. С. 116.
4. Гельбрас В.Г. Геоэкономическая стратегия Китая // Азия и Африка сегодня. - №1. – 2016.
5. Зонн И.С, Тянь Юй-чжао Новое прочтение Великого Шелкового пути
6. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. – 130 с.
7. Кравченко Л.И. Новый шелковый путь – не экономика, а геополитика // Центр Сулакшина, Центр научной политической мысли и идеологии, 08.2016.
8. Курылев К.П. Украинско-китайские отношения в контексте реализации Пекином проекта «Шелкового пути» // роль и место России в Азиатско-тихоокеанском регионе. Материалы международного круглого стола молодых ученых: Сборник статей. Отв. ред. Д. А. Сидоров. Москва, 2016. С. 53-65.
9. Курылев К.П., Серикбаева А.Г. Дипломатия Великого шелкового пути: Казахстан-Япония // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 1(40), 2018. С. 133-141.
10. Курылев К.П., Станис Д.В., Ван Ин Экономический пояс Шелкового пути как геоэкономический проект КНР. // Диалог: политика, право, экономика, №3, 2016. С. 83-92.
11. Лексютина Я.В. Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. – №2. – 2015.
12. Малащенко А. Обреченные на вечность и прозябание // Pro et Contra. Том 15, май-август 2011. С. 78-95.
13. О современном состоянии политического и экономического сотрудничества Китая с государствами Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - №21. - 2016. - С.174-188
14. Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» как путь к международному экономическому сотрудничеству // Азия и Африка сегодня. - №2. – 2015
15. Отношения КНР с развивающимися странами и формирование нового мирового экономического порядка // Китай в мировой политике / Отв.ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО(У), РОССПЭН, 2001. - С. 419.
16. Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский А.О. Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс? – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат». – 2010. – 160 с.

17. Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский А.О. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. – Бишкек: 2008 г. – 201 с.
18. Сафронова Е.И. КНР — полноправный участник коалиции победителей: восстановление исторической справедливости// Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: Тез. докл. российско-китайской науч. конф. Москва, 5-6 мая 2015 г. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 30.
19. Сафронова Е.И. Новые моменты в экономической дипломатии Китая в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе и региональная безопасность//Проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2015. С.82.
20. Сафронова Е.И. Новые моменты в экономической дипломатии Китая в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе и региональная безопасность//Проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2015. - С. 82.
21. Сафронова Е.И. Отношения КНР с развивающимися странами и формирование нового мирового экономического порядка// Китай в мировой политике/ Отв.ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО(У), РОССПЭН, 2001. С. 419.
22. Сафронова Е.И. Специфика восприятия образов КНР и России в Центральной Азии/ 60 лет КНР. Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949-2009 годы)/ Тез. докл. XVIII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы». М.: ИДВ РАН, 2009. Ч.1. С. 138.
23. Терентьева Т.Г. КНР. Дальнейшее развитие стратегии «Выхода за рубеж»// Азия и Африка сегодня. - №4. – 2015
24. Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 143.
25. Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы/ Под общей редакцией доктора политических наук, профессора К.Л. Сыроежкина: Монография. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. - 456 с.
26. Чжан Ин. Мудрость «дипломатии на своем поле» // Китай. - 2014. - № 12. - С. 35.
27. Чжоу Ли. Экономическая полоса Шелкового пути — воплощение мира, развития и процветания // Китай. 2014. № 12. С. 36.

Сведения об авторе: Гаспарян Карен – магистр в области международных отношений кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: karen2693@mail.ru).

REFERENCES

1. Vinogradov A.O. Asimmetrichnyj otvet, ili strategiya Kitaya v global'nom mire» // Filosofskie nauki. 2015. Vyp. № 1. S. 116.
2. Gel'bras V.G. Geoekonomicheskaya strategiya Kitaya // Aziya i Afrika segodnya. - №1. – 2016.
3. Zonn I.S, Tyan' YUj-chzhao Novoe prochtenie Velikogo SHelkovogo puti
4. Kitajskij global'nyj proekt dlya Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskij doklad). М.: Nauchnyj ekspert, 2016. – 130 s.
5. Kravchenko L.I. Novyj shelkovyj put' – ne ekonomika, a geopolitika// Centr Sulakshina, Centr nauchnoj politicheskoy mysli i ideologii. -.08.16
6. Leksyutina YA.V. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya v XXI veke // Problemy Dal'nego Vostoka. – №2. - 2015
7. Malashenko A. Obrechennye na vechnost' i prozyabanie //Pro et Contra. Tom 15, maj-avgust 2011. S. 78-95.
- sovremennom sostoyanii politicheskogo i ekonomicheskogo sotrudnichestva Kitaya s gosudarstvami Central'noj Azii// Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. - №21. - 2016. - S.174-188
8. Ostrovskij A.V. Kitajskij proekt «Ekonomicheskij poyas SHelkovogo puti» kak put' k mezhdunarodnomu ekonomicheskomu sotrudnichestvu // Aziya i Afrika segodnya. - №2. – 2015

9. Otnosheniya KNR s razvivayushchimisya stranami i formirovanie novogo mirovogo ekonomicheskogo poryadka// Kitaj v mirovoj politike/ Otv.red.-sost. A.D. Voskresenskij. M.: MGIMO(U), ROSSPEN, 2001. - S. 419. Paramonov V.V., Stokov A.V., Stolpovskij A.O. Kitajskij ekonomicheskij ekspress v centre Evrazii: novaya ugroza ili istoricheskij shans? – Barnaul: OAO «Altajskij poligraficheskij kombinat». – 2010. – 160 s.
10. Paramonov V.V., Stokov A.V., Stolpovskij A.O. Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii: politika, ekonomika, bezopasnost'. – Bishkek: 2008 g. – 201 s.
11. Safronova E.I. KNR — polnopravnyj uchastnik koalicii pobeditelej: vosstanovlenie istoricheskoy spravedlivosti// Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii Pobedy nad fashizmom i yaponskim militarizmom vo Vtoroj mirovoj vojne: Tez. dokl. rossijsko-kitajskoj nauch. konf. Moskva, 5-6 maya 2015 g. M.: IDV RAN, 2015. S. 30.
12. Safronova E.I. Novye momenty v ekonomicheskoy diplomatii Kitaya v Severo-Vostochnoj Azii i Aziatsko-Tihookeanskom regione i regional'naya bezopasnost'// Problemy obespecheniya bezopasnosti v Severo-Vostochnoj Azii: regional'nye izmereniya i rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo. M.: IDV RAN, 2015. S.82.
13. Safronova E.I. Novye momenty v ekonomicheskoy diplomatii Kitaya v Severo-Vostochnoj Azii i Aziatsko-Tihookeanskom regione i regional'naya bezopasnost'// Problemy obespecheniya bezopasnosti v Severo-Vostochnoj Azii: regional'nye izmereniya i rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo. M.: IDV RAN, 2015. - S. 82.
14. Safronova E.I. Otnosheniya KNR s razvivayushchimisya stranami i formirovanie novogo mirovogo ekonomicheskogo poryadka// Kitaj v mirovoj politike/ Otv.red.-sost. A.D. Voskresenskij. M.: MGIMO(U), ROSSPEN, 2001. S. 419.
15. Safronova E.I. Specifika vospriyatiya obrazov KNR i Rossii v Central'noj Azii/ 60 let KNR. SHestidesyatiletie diplomaticheskikh otnoshenij SSSR/RF i KNR (1949-2009 gody)/ Tez. dokl. XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kitaj. Kitajskaya civilizaciya i mir. Istoriya, sovremennost' i perspektivy». M.: IDV RAN, 2009. CH.I. S. 138.
16. Terent'eva T.G. KNR. Dal'nejshee razvitie strategii «Vyhoda za rubezh» // Aziya i Afrika segodnya. - №4. – 2015
17. Frolenkov V.S. Sovremennye trgovno-ekonomicheskie otnosheniya KNR s central'noaziatskimi stranami-chlenami SHOS i Turkmenistanom. M.: IDV RAN, 2009. S. 143.
18. Central'naya Aziya segodnya: vyzovy i ugrozy/ Pod obshchej redakciej doktora politicheskikh nauk, professora K.L. Syroezhkina: Monografiya. – Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2011. – 456 s.
19. Chzhan In. Mudrost' «diplomatii na svoem pole» // Kitaj. - 2014. - № 12. - S. 35.
20. Chzhou Li. Ekonomicheskaya polosa SHelkovogo puti — voploshchenie mira, razvitiya i procvetaniya // Kitaj. 2014. № 12. S. 36.

About the author: Gasparyan Karen. Master of International Relations international relations of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: karen2693@mail.ru).

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Терроризм на Южном Кавказе

Г. Гикашвили

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Проблемы терроризма в Южном Кавказе входят в общую проблему терроризма на всем постсоветском пространстве. История терроризма в данном регионе уходит далеко в прошлое, и связана в первую очередь, с борьбой за независимость с соседними державами, либо социальными потрясениями в обществе. Современная международная обстановка не способна искоренить данное явление в регионе и мире. Проблема терроризма в Южном Кавказе не является столь острой, по сравнению с Северным Кавказом. Южный Кавказ более страдает от территориальных споров, нежели от террористической активности. Ключевыми факторами низкой террористической угрозы служат моногамный этнический и религиозный состав. Регион не сталкивается с исторической проблемой противостояния разных национальных и религиозных групп, борющихся за политический ресурс. Тем не менее, регион остается сферой интересов ведущих мировых держав, преследующих собственные цели, которые дают стимул для существования террористической угрозы.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Армения, Грузия, Азербайджан, терроризм.

Terrorism in South Caucasus

G. Gikashvili

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The problems of terrorism in the South Caucasus are included in the general problem of terrorism in the entire post-Soviet space. The history of terrorism in this region goes far back in time and is associated primarily with the struggle for independence with the neighboring powers, or social upheavals in society. The current international situation is not able to eradicate this phenomenon in the region and the world. The problem of terrorism in the South Caucasus is not as acute as compared to the North Caucasus. The South Caucasus suffers more from territorial disputes than from terrorist activities. The key factors of low terrorist threat are monogamous ethnic and religious composition. The region does not face the historical problem of the confrontation of different national and religious groups fighting for a political resource. Nevertheless, the region remains the sphere of interests of the leading world powers, pursuing their own goals, which give impetus to the existence of a terrorist threat.

Keywords: South Caucasus, Armenia, Georgia, Azerbaijan, terrorism.

Специфика терроризма в государствах Южного Кавказа

Специфика терроризма в государствах Южного Кавказа имеет свои особенности. Проявление терроризма в регионе обуславливается некоторыми отличительными факторами. Особенностью региона является моноэтничность стран, поэтому большая часть террористических организаций имеют националистическую основу. Часть террористических организаций нацелены на устранение внешних или старых врагов того или иного народа, другая часть борется с собственным правительством и элитами, и лишь незначительная часть является

участниками международного терроризма. Тем не менее, терроризм в регионе берет свое начало еще до создания СССР.

Проблема терроризма в регионе делится на несколько этапов: ранний этап 1985-1991 гг., конфликтный 1991-1996 гг., политический 1996-2001 гг., средний 2001-2014 гг., и поздний 2014-2018 гг. Проведем анализ каждого этапа по отдельности.

Ранний этап террористической активности в регионе выпадает на 1985 по 1991 гг. То есть непосредственно, когда регион входил в состав СССР. Этот этап представляет собой интерес, так как именно на этом этапе террористическая активность

сопровождала развал Советского Союза. Большая часть терактов выпала на армяно-азербайджанский конфликт. Начиная с 1985 г., ситуация в Нагорном Карабахе начала усугубляться, и этнические столкновения набирали обороты. В это время, и со стороны Азербайджана, и со стороны Армении, использовались террористические методы борьбы. Усугубление и без того тяжелой ситуации послужило и то, что союзный центр потерял контроль над ситуацией.

Также стоит отметить этнические столкновения в Южной Осетии и Абхазии, которые начались в 1988 г. На фоне общесоюзного хаоса, ряд сепаратистки настроенных групп начали пропагандировать призывы к суверенитету в республиках. Также стоит отметить провокационные действия правоохранительных органов Грузинской ССР, которые в будущем суверенитете видели Абхазию и Южную Осетию в своем составе. Установить виновников беспорядков весьма сложно в силу того, что союзный центр максимально не давал огласки событиям, происходящим на окраинах. За период 1988-1991 гг. в Грузии было совершено свыше 40 терактов, при минимальном количестве жертв. Целью терактов являлась дестабилизация отношений центра с регионами, что в конечном итоге привело к двум войнам.

Второй этап терроризма на Южном Кавказе приходится на 1991-1996 гг. Во многом, данный этап характеризует Карабахская война. Обе стороны активно применяли террористические группировки и нечеловечные военные методы. Со стороны армянских националистических террористических организаций главной целью ставилось упрочнение независимости Армении, а также недопущения возврата Нагорного Карабаха в состав Азербайджана. Террористические организации во многом помогли армянским вооруженным силам, саботируя транспортную систему и инфраструктуру Азербайджана. Им же принадлежит серия терактов внутри Азербайджана, что вызвало хаос среди граждан, спровоцировав последних на гражданские протесты за завершение войны. Помимо косвенной помощи вооруженным силам Армении, за террористическими организациями стоят

ряд терактов, которые были направлены на недопущение прекращения войны, а также мирного урегулирования. В 1991 г. 20 ноября был сбит военный вертолет Внутренних войск МВД СССР. На борту находились офицеры Азербайджана, а также военные наблюдатели из России и Казахстана. Цель полета носила исключительно миротворческий характер, для оценки перспектив завершения борьбы. По неподтвержденным данным, вертолет сбит одной из армянских националистических группировок, но вооруженные силы Армении взяли вину на себя. Данный инцидент в Азербайджане признали терактом, а в Армении крушением, в результате несчастного случая. Всего армянскими националистическими террористическими группировками, в ходе карабахской войны, было совершено более 25 терактов в Азербайджане и России.

Говоря об армянских террористических группировках, стоит отметить, что помимо карабахской войны, их деятельность распространялась и на войну в Чечне. Несколько террористических группировок активно сотрудничали с чеченскими сепаратистами, помогая планировать операции против федеральных войск. Также происходил обмен опытом по саботажу и препятствиям коммуникационных каналов. Но есть и обратная сторона данного сотрудничества. На волне новых псевдо-исламских течений появились новые террористические организации, которые отправились в Нагорный Карабах воевать за азербайджанскую сторону конфликта. По сведениям армянской разведки, среди наемников был целый батальон представителей мусульманских народов Кавказа, в большей степени состоящих из чеченцев. Немало важно отметить и действия самого Азербайджана, который закрывал глаза на присутствие на линии фронта наемников из Ближнего Востока. Неизвестно какой процент от всех наемников составляли представители террористических группировок. Однако есть точные сведения, что на стороне Азербайджана участвовали представители Талибана, недавно появившейся Аль-Каиды, а также турецкая радикальная организация Серые Волки.

Анализируя данный этап террористической активности в Южном Кавказе, важно выделить религиозный фактор. Хотя большая часть религиозных организаций договорились отделить религиозный фактор из возрастающих конфликтов, он оставался ключевым моментом в усугублении войн. Так, например, международный терроризм в лице исламистских радикалов совершали религиозные призывы с целью помочь азербайджанским братьям против христиан Армении. Армения в свою очередь смогла консолидировать армянское население на борьбе с внешним врагом, что послужило в качестве национальной идеи на протяжении 25 лет. Армянская Апостольская Церковь призывала к миру, и запрещала священнослужителям воевать, однако на линии фронта, священники не раз с оружием в руках участвовали в боевых действиях. Религиозные различия, а также массовость гибели мирного населения сыграли на руку террористам по обе стороны фронта. Плачевным фактом остается то, что азербайджанское руководство закрывало глаза на присутствие на своей территории таких групп. Мало того, азербайджанская армия сама действовала в координации с этими группировками. Таким образом, мы видим, что обе стороны конфликта воспользовались услугами террористических организаций. Со стороны Армении участвовали террористы националистического толка, а со стороны Азербайджана религиозного.

Переходя к внутренним войнам в Грузии, важно также отметить роль террористических группировок. На стороне Южной Осетии и Абхазии воевали разные националистические и сепаратистские группы, которые грузинская сторона объявила террористическими. В абхазской войне воевал будущий террорист Шамиль Басаев, заслугой которого стали несколько успешных боевых операций. Помимо терроризма во время двух войн, в Грузии накалялась политическая обстановка. В 1991 по 1993 гг. шла гражданская война между сторонниками первого президента З. Гамсахурдия и переходным правительством. Причиной переворота, лишившего власти Гамсахурдия послужили именно войны в Южной Осетии и Абхазии. Звиадисты –

сторонники первого президента, действовали в западной части страны, совершая террористические акты против органов власти. В конечном итоге, переходное правительство согласилось на размещение российской военной базы, и армия России провела контртеррористическую операцию, обезвредив террористические формирования. Политическая борьба затронула и Азербайджан, которая закончилась военным мятежом против президента АА. Эльчибея. Омрачает общую картину теракт в бакинском метро в 1994 г., унесший жизни 27 человек. Непосредственным исполнителем был гражданин Азербайджана, бывший в плену в армянских вооруженных силах. Азербайджан, в ходе расследования установил заказчиком армянские спецслужбы. В целом обстановка до 1996 г. оставалась спокойной во всех республиках, кроме Азербайджана. В период с 1994 по 1996 годы, в стране вспыхивали различные мятежи, против нового президента Г. Алиева. Мятежники использовали террористические методы борьбы для дестабилизации государства и общества, однако были подавлены.

Следующий этап террористической активности выпадает на 1996 по 2001 гг., и связан с политической борьбой в республиках. Новые правительства и элиты поставили курс на послевоенное восстановление и укрепление своих позиций, что и послужило политической дестабилизацией в них. На этом этапе не было высокого уровня террористической угрозы, но все три республики подверглись военным мятежам, которые были своевременно подавлены. В целом данный период является самым мирным в регионе. Омрачает общую картину попытки покушений против первых лиц государства, а также теракт в армянском парламенте в 1999 г., унесший жизни премьер-министра, спикера парламента и 5 человек. Помимо перечисленных событий, стоит упомянуть и Панскисское ущелье. В этом месте проживали около 6500 бежавших от войны чеченцев. До войны в нем проживало около 400 чел. Грузинские власти позволили беженцам обосновать на данной территории, однако после 2000 г., сюда прибыли и бывшие террористы. Россия неоднократно, до 2008 г. высказывала

Грузии дипломатические протесты, в связи с тем, что последняя дает пристанище террористам. Однако эти призывы не имели силы. 2001 год изменил геополитическую картину мира, в связи с террористическими актами в США. Изменилась геополитическая концепция внешней политики США, которая поставила своей целью уничтожение международного терроризма. Позже, в октябре 2001 г., отряды грузинского ополчения смогли подкупить несколько незаконных военных формирований из чеченских беженцев, для нападения на абхазские ополчения в Кодорском ущелье. После боев, выяснилось, что официальные грузинские власти не препятствовали в передвижении террористических групп к Кодорскому ущелью, что послужило обострению в отношениях центра и Абхазии.

Следующий этап террористической активности в регионе охватывает 2001 по 2014 гг. В 2001 г., в азербайджанском городе Загатала, неизвестными было произведено три взрыва, ранены 5 чел. В Грузии и Армении также произведены несколько серий взрывов, в которых погибло 2 человека, и около 10 раненых. До 2008 г., различные действия саботажного характера, в виде взрывов и обрушений, характеризовались как террористический акт. Во всех случаях сложно было определить заказчиков и исполнителей, однако, анализ действий террористов, а также государственные объекты в качестве цели, показывают, что это отголоски предшествующих противоборств за политическую власть. В 2008 г., наибольшее количество терактов произошло в Грузии. Это связано с обострением отношений между центром и самопровозглашенными республиками. На территории Абхазии, Южной Осетии и городах Грузии происходили взрывы объектов инфраструктуры, а также автомобилей и железных дорог. Накал обстановки спровоцировал очередную серию войн, которые послужили грузинскому кризису 2008 г. В ходе военной операции российских войск в Грузии, были ликвидированы террористические базы Панкисском ущелье. В Азербайджане и России тем временем проходили контртеррористические мероприятия против организации Лесные Братья, которая входила

в террористическую организацию Кавказский эмират. В 2009 г., террорист-одиночка совершил массовое убийство студентов в Нефтяной академии Баку, в котором погибли 12 человек. После 2009 г., вплоть до 2014 г., все три страны проводили контртеррористические мероприятия, в ходе которых правительственные силы добились определенных успехов. В Грузии с 2008 по 2014 гг. было совершено более 20 терактов, в большей степени вдоль границ с самопровозглашенными республиками. Все стороны обвиняли друг друга.

Последний этап террористической активности – современный, который охватывает период с 2014 по 2018 гг. Точкой отчета на данном этапе служит 2014 г., в котором произошли ключевые мировые события. К ним относятся: политический кризис в Украине и появление и борьба ИГИЛ. Политический кризис в Украине во многом повлиял на политическую обстановку в постсоветских странах, а появление ИГИЛ активизировал международный терроризм на новый уровень. За этот период, в Панкисском ущелье была завербована группа террористов, отправляющихся в Сирию и Ирак. В последующем, в этом ущелье не раз происходил транзит террористов из стран Средней Азии и Кавказа. Грузия не раз обвинялась в бездействии по отношению к террористам. В самой Грузии произошло несколько попыток покушений на различных политических деятелей. В 2016 г. прогремел взрыв, который ранил четыре человека. Данный инцидент был признан терактом, и показал политическую нестабильность в стране. В Азербайджане за это время было заведено несколько дел против радикальных и экстремистских течений, однако только одна организация «Единство» была признана террористической. Также в 2017 г., в ходе столкновений на границе с Карабахом, было убито 5 военнослужащих. Данный акт признан азербайджанской стороной террористическим. Стабильной ситуация оставалась в Армении. Кроме нескольких похищений и захватов заложников до 2017 г. терактов не случалось. В 2017 г. группой оппозиционеров был захвачен полицейский участок в Ереване. В Армении данное событие признано

чрезвычайным происшествием, однако по всем параметрам, и учитывая жертвы, было признано терактом за рубежом.

Подводя итоги данного параграфа, следует выделить несколько факторов, характеризующих специфику террористической активности и угрозы в регионе. Во-первых, все страны региона использовали террористические методы борьбы со своими внутренними и внешними врагами, поэтому все три страны можно обвинять в использовании государственного терроризма. Во-вторых, проявление терроризма в регионе не служило методом устрашения большей части населения, а было нацелено на дестабилизацию государства, как внутри страны, так и вне ее. В-третьих, активное проявление националистического терроризма выявлено и признано во всех трех странах региона. В-четвертых, националистический терроризм со временем трансформировался в политический, и стал инструментом борьбы за власть. И этот фактор также относится ко всем трем республикам. В-пятых, международный терроризм так и не был активизирован в полную силу. Армения стала жертвой использования международных террористических организаций со стороны Азербайджана. Грузия, в свою очередь, не препятствовала деятельности международного терроризма на своей территории, а в некоторых случаях использовала его в целях решения сепаратистского кризиса в стране. И наконец, Армения, признала заслуги террористических организаций националистического толка, и даже увековечила их память.

Террористические организации, действующие в регионе

Как указывалось в предыдущей главе, террористические организации действуют в регионе уже более ста лет. Терроризм на Южном Кавказе действовал еще с XIX в. Геополитические события в мире, произошедшие в прошлом веке послужили поводом для действия старых, и появлению новых террористических организаций. В данном параграфе будет дан краткий обзор террористическим организациям, которые проводили свою деятельность в период с 1991 по 2018 гг. К их числу относятся различные мотивы борьбы: сепаратизм,

национализм, борьба за власть, религиозный терроризм, а также социальный и внешнеполитический. Также террористические организации можно разделить по территориальному принципу – на внутренние, то есть образовавшиеся в рамках стран региона, и внешние, которые прибыли в регион с определенными целями.

В рамках националистического терроризма больше всего преуспели армянские организации. Их история берет свое начало с образования партии «Арменакан». Она явилась организатором террористических актов и вооруженных столкновений в различных городах и регионах Турции - Ван, Муш, Битлис, Трабзон, Стамбул, сотрудничала с армянами, проживающими в Иране и России. Именно опыт этой организации дал толчок к созданию новых националистических организаций армян по всему миру. Следом за ней образовалась партия «Хнчак». Основной целью группировки являлось создание государства «Великая Армения». Они собирались основать новое государство в рамках древнего армянского царства. Персидские и российские владения назывались оккупацией, а также ставились первоочередной целью для террористических актов. В 4 пункте программы партии говорится, что достижения поставленной цели должны быть избраны методы агитации, террора и создания разрушительных организаций. Таким образом, делая ставку на террористические методы, обе партии можно считать первыми террористическими организациями, ставшими учителями будущих националистических движений.

Современная обстановка со следующей организацией весьма неординарна. Речь идет об Армянской федеративной революционной партии «Дашнакцутюн». Она была создана в 1890 г. в Тифлисе. На первых съездах было принято решение создать революционные ячейки в Османской империи и России. Целью ячеек было добиться автономии армянский районов в Османской империи, и создания демократической республики в составе России. С распадом двух империй, партия активно отстаивала независимость Армении против СССР. Тем не менее, в советские годы, партия

длительное время находилась в подполье, а многие члены эмигрировали за пределы страны, прочнее всего укрепившись в Ливане. Укрепление позиций в Ливане в будущем послужило хорошей платформой для сотрудничества армянских террористических организаций с палестинскими и исламистскими группировками, действующими в Ливане и Палестине. Именно этой партией была создана террористическая организация «Бойцы за справедливость в отношении геноцида армян», которые в 1980-е гг. осуществляли теракты против дипломатического корпуса Турции. Успешность политической активности, вызвала рост популярности и поддержку дашнаков во всех армянских диаспорах мира. Тем не менее, террористические методы уступили место политике и дипломатии. Во время войны в Нагорном Карабахе, партией были сформированы несколько отрядов ополчения, а также гуманитарные конвои. В конечном итоге, партия решила осуществлять свою деятельность в самой Армении, где вступила в 1990-х гг. в борьбу за власть. Несколько раз, за весь постсоветский период их деятельность была запрещена в Армении, однако сегодня они имеют свое представительство и входят в парламент. Уникальность организации заключается в том, что от террористической организации они трансформировались в политическую партию. Она борется за права армян по всему миру, а также поспособствовала созданию других террористических организаций, действующих в 1970-1980-х гг.

Самая известная террористическая организация «Армянская секретная армия освобождения Армении» (ASALA). Она была образована в 1975 г. Бейруте. Многие члены этой организации прошли боевую подготовку в палестинских лагерях, набирая террористический опыт. Хотя основная ее деятельность пришлась на период 1975-1991 гг., официально организация не самораспускалась, и ее не ликвидировали. Исходя из того, что время от времени, в сети появляется информация и заявления от этой группировки, невозможно говорить о том, что она более не существует. Политические события на постсоветском пространстве послужили причиной продолжения

деятельности. Турция активно строит и укрепляет отношения со странами тюркского мира, куда входят: Казахстан, Туркменистан, Киргизия, Узбекистан и Азербайджан. Стратегическое сотрудничество с этими странами привело к созданию группы «Гегарон». Она была создана организацией АСАЛА в 2001 г.. Цель - осуществление террористических актов против политических лидеров, дипломатов и бизнесменов тюркского происхождения на территориях Южного Кавказа и Средней Азии. Заявив о себе в 2001 г., группа, однако не совершила каких-либо террористических актов, хотя бы подтвержденных. Тем не менее, само заявление позволяет говорить о существовании деятельности организации АСАЛА, которая в 2015 г. подтвердила свое существование путем рассылки угроз в страны постсоветского пространства. При поддержке АСАЛА была создана организация «Апостол» в 2001 г. Она была основана в Ливане из представителей армянских диаспор Сирии, Ливана и соседних стран. Своей целью объявили проведение террористических актов на территории Турции и Азербайджана. Турецкие специальные службы охотились на представителей этой организации в ходе гражданской войны в Сирии, где те воевали против тюркских группировок.

Турецкая организация «Bozkurtlar» (Серые волки), была основана в 1960-х гг. Главной целью ставила противостояние с Рабочей партией Курдистана и война с АСАЛА, а также борьба с коммунистическими движениями. Данная организация представляет собой националистическую основу с элементами Ислама. Организация совершила множество нападений на армянские и курдские диаспоры, и даже на собственное население, с коммунистическими взглядами. В карабахской войне, официально участвовали в составе азербайджанской армии. Многочисленные провокации в информационном пространстве, а также преступные акции в сопредельных с Турцией странах, послужили весомым поводом, признать организацию террористической в Армении. Деятельность организации запрещена в Азербайджане за участие в мятеже против Г.Алиева. Также

зафиксированы несколько случаев, в которых организация участвовала в боевых действиях на стороне чеченских террористов. Также активисты и вооруженные группы задействованы в гражданской войне в Сирии. Серые волки признаны экстремистской организацией в России, Казахстане и Узбекистане.

Алгетские волки – грузинская террористическая организация с националистической основой. Совершила несколько мелких терактов на территории Грузии в 1995-1996 гг., против российских дипломатов и грузинских правоохранительных органов. В 2001 г. официально признана само-уничтоженной организацией.

Белый легион – грузинское добровольческое националистическое военное формирование. Осуществляла подрывную деятельность в Абхазии в период военных действий в 1990-х гг. В марте 2008 г. заявила о подготовке террористических актов на Зимней Олимпиаде в Сочи 2014 г. Однако нестабильная обстановка в зоне абхазской границе повергла организацию к скитаниям. В конечном итоге, в 2008-2009 гг. исчезла из политического поля.

Кавказский эмират наиболее опасная террористическая организация на всем кавказском пространстве. Организация была основана в 2007 г. из террористов бывших и разгромленных исламистских группировок, действующих против России. До 2007 г., мелкие группы являлись филиалами Аль-Каиды в регионе. С 2007 г., объединившись в Кавказский эмират, стали самостоятельной силой. Непосредственное и основное поле действия распространялось на российский Северный Кавказ. Однако несколько терактов было совершено против вооруженных сил Азербайджана в 2009 г. Организация была уничтожена в 2016 г. антитеррором Российской Федерации.

Лезгинское национальное движение «Садваль» (единство) было создано в июле 1990 г. в Дербенте. Участники движения требовали объединения лезгинского народа в Азербайджане и Дагестане, потому что им отказывали в возможности развивать свою культуру при советской власти. В 1994 г. «Садваль» был ответственен за взрыв в бакинском метро. Были доказательства того,

что армянские спецслужбы участвовали в создании «Садваль», предоставляя финансирование, обучение и оружие своим боевикам.

ИГИЛ (ДАИШ) появилась в 2006 г. как одна из многих организаций, созданных Аль-Каидой в Ираке. Изначально она ничем не выделялась из суннитских арабских партизан религиозного толка. Позже, умеренные сунниты вступили в ожесточенную схватку с религиозными экстремистами. 1 января 2014 г. начались атаки на правительственные силы Ирака, ДАИШ стало новой силой в гражданской войне. Уже в феврале Аль-Каида заявила о разрыве с ДАИШ и отказалась помогать и спонсировать эту организацию. Тогда ДАИШ начал воевать с филиалами Аль-Каиды в Сирии и в самом Ираке. Война с данной организацией продолжается и сегодня, и затронула большую часть стран мира. Как указывалось в первой главе, это первая глобальная террористическая организация, которая воюет против всех, и ставит своей целью мировое господство. Связь Южного Кавказа с ИГИЛ не является прямой, так как на территории региона не совершались теракты. Тем не менее, Грузия и Азербайджан оказали косвенную поддержку террористам. Из Панкисского ущелья на войну в Сирию и Ирак отправились несколько десятков чеченцев. Здесь же находился пункт номер один для отправки террористов из северокавказских субъектов России. До 2017 г., Грузия не обращала на эти пункты внимания, и не препятствовала террористическим коммуникациям в своей стране. Тем не менее, с 2017 г., начали проводиться антитеррористические мероприятия, в ходе которых были арестованы и осуждены люди, связанные с ИГИЛ. Похожая ситуация была в Азербайджане. Спецслужбы и правоохранительные органы не проводили каких-либо мероприятий или серьезных расследований. Около 1000 азербайджанцев примкнули к международному терроризму. К 2017 г., на официальных дипломатических каналах были выдвинуты ноты протеста Ильхаму Алиеву, после которых начались контртеррористические методы. Ряд экспертов считает, что азербайджанское руководство закрывало глаза на террористическую угрозу, так как хотела

использовать вернувшихся домой боевиков в конфликте против Нагорного Карабаха. Использование Азербайджаном боевиков и экстремистов в войне 1991-1994 гг. подтверждено и признано, а военный вариант развития кризиса становится более вероятным. Как только данная версия стала набирать популярность, азербайджанские власти стали проводить соответствующие меры по борьбе с терроризмом.

Помимо вышеперечисленных организаций сюда можно и внести и экстремистские группы, чья деятельность находилась на грани терроризма. Сюда можно отнести различные национальные диаспоры, воевавшие в военных конфликтах в 1990-х гг. Зафиксированными организациями являются выходцы из северокавказских субъектов России, националистическая украинская организация Украинская Национальная Ассамблея — Украинская Народная Самооборона (УНА-УНСО). Представители вышеперечисленных групп, входили в различные группировки и полувоенные вооруженные формирования, УНА-УНСО является организацией с уставом и налаженной инфраструктурой, и коммуникациями. Украинские националисты воевали на стороне Азербайджана в карабахской войне, защищали украинское население в Приднестровье, в грузино-абхазской войне 1992-1993 г. и война в Южной Осетии 2008 г. на стороне Грузии. УНА-УНСО ставили своей задачей укрепление суверенитета постсоветских держав, для дальнейшего разрыва с Россией. В России и Армении организация признана экстремистской и запрещенной. В 2013 г., ветераны боевых действий УНА-УНСО, в ходе нескольких интервью признали свое участие в конфликтах на Кавказе. Представителей этой организации не преследовали на постсоветском пространстве, ограничиваясь лишь высылкой и запретом деятельности. В Украине, однако, организация не только существует, но и спокойно функционирует.

Выводом является неоднородность террористической активности. В регионе функционируют террористические организации религиозного экстремизма, этнического и политического. Большая часть террористической активности вызвана

социальными потрясениями и слабостью национальных правительств. Общей тенденции или общей цели у террористической угрозы нет. Большая часть террористических и экстремистских групп объединяет лишь желания реальной независимости своих стран, выходя из-под опеки геополитических лидеров. Если сравнивать с соседними регионами, то на Ближнем Востоке все террористические организации нацелены на уничтожения Израиля, а политические разногласия уходят на второй план. Показательный пример отличия уровня террористической активности в двух регионах заключается именно в наличии общего врага на Ближнем Востоке, и поиски такового на Южном Кавказе. Во втором случае, попытки урегулировать старые конфликты приводят к росту напряженности, и привлекают различные экстремистские группы в регион.

Анализ террористических рисков для стран региона

С началом роста террористической угрозы в мире, который начался в середине прошлого столетия, начались процессы по анализу данного феномена. Террористическая угроза достигла больших масштабов, что заняла первое место в факторах, определяющих международную безопасность. Против феномена международного терроризма принято множество различных мер, начиная от классических заявлений и заканчивая глобальными контртеррористическими операциями. В научной сфере, терроризму написаны множество работ, посвященные исследованию, анализу и перспективам данного феномена.

Для анализа террористических рисков, чаще всего используют четыре индекса: глобальный индекс терроризма (The Global Terrorism Index), индекс хрупкости государства (The State Fragility Index), глобальный индекс миролюбия (The Global Peace index), индекс человеческого развития (The Human Development index). Рассмотрим каждый индекс по отдельности.

Глобальный индекс терроризм (GTI) составляется по четырем показателям: количество террористических актов, количество убитых, количество раненых, материальный ущерб. Сайт GTI фиксирует все

случаи, входящие в критерии террористического акта: взрывы, захват заложников, подрыв коммуникаций, массовые убийства и другие. Страны Южного Кавказа в разное время находились на различных позициях в составленном рейтингом ГТИ, которые измеряется по вышеперечисленным факторам. В рейтинге 134 позиции, последняя позиция отражает самый низкий уровень террористической угрозы. В 2018 г., наилучшие показатели у Азербайджана, который занимает в этом рейтинге 98 место (0,957 баллов), затем идут: Грузия — 89 место (1,422 балла) и Армения — 83 место (1,692 балла). Также рейтинг приводит количество террористических актов и сводку событий по ним. Так в период с 1991 по 2018 гг. в Армении было совершено 24 теракта, в которых погибло 36 и ранено 71 человек. В Азербайджане в период с 1991 по 2018 было совершено 29 терактов, в которых погибло 258 и ранено 187 человек. В Грузии в период с 1991 по 2018 г. было совершено 217 терактов, в которых погибло более 300 и ранено более 700 человек. Для трех стран большая часть терактов выпала на 1990-е гг., и связана, в первую очередь, с военными действиями и этническими столкновениями. После 2008 г., интенсивность терактов и уровень террористической угрозы постепенно снижался. Так, за последние пять лет, количество терактов в Азербайджане составило 4 акта, в Грузии — 6, в Армении — 4. Последние теракты произошли в 2017 г. в Грузии и Азербайджане, в 2016 г. в Армении. Это объясняет высокие показатели индекса для этих стран за 2018 г., и если обстановка останется прежней, страны поднимут позиции в глобальном рейтинге.

Следующий показатель индекс хрупкости государства или рейтинг недееспособности государств. Индекс считается по более чем 10 ключевым показателям, которые определяют итоговый бал. Демографическое давление определяет степень заселенности государства, и исходит из плотности населения. В современном мире, жилищные проблемы занимают высокие позиции в иерархии социальных проблем, поэтому данный показатель важен в данном индексе. К демографии также относятся наличие этнической напряженности внутри

государства. Чем больше этносов в государстве, тем ниже бал, даже если государство не испытывает межэтнической напряженности. Поскольку вечной гарантии мира никто дать не может, критерий считывания данного бала обоснован и справедлив. Следующим критерием является уровень эмиграции, то есть, какое количество населения покидает страну. Уровень экономического неравенства и экономическое положение в стране также являются критериями. Однако реальное считывание показателей некорректно, так как считается общий объем ВВП государства, и из него считается общий объем ВВП на душу населения. Реальные цифры экономического неравенства могут кардинально отличаться от показателей ВВП, особенно, когда речь идет о постсоветских странах. Следующими критериями являются криминализация в стране, раздробленность в элите и низкая эффективности силовых структур. Чем больше криминальных групп функционируют в стране, тем ниже эффективность силового блока. В таких странах обычно политическая элита является и экономической, контролируя финансовые и торговые основы государства. Чаще всего это свидетельствует о высоком уровне коррупции. Все три показателя снижаются при повышении показателей этих трех критериев. Перемещение беженцев внутри страны также снижает общий бал индекса, так как свидетельствует о наличии конфликтов в государстве. Часто данный критерий совмещается с критерием демографии, так как большая часть конфликтов происходит на этнической почве. Следующими критериями являются правовые, в которые входят степень защиты со стороны государства, предоставляющее различные услуги и приверженность населения законам и соблюдению прав человека. И последний критерий считается из рисков внешних проблем. Сюда входит риск вмешательства иностранного государства, риск иностранной интервенции, а также иностранные экономические санкции.

Из вышеперечисленных показателей складывается индекс хрупкости государства, на основании которого составляется рейтинг. Рейтинг хрупкости выделяет

страны на одиннадцать уровней: очень высокой тревоги, высокой тревоги, тревоги, очень высокого внимания, высокого внимания, внимания, низкой стабильности, стабильности, высокой стабильности, устоявшихся, очень устоявшихся. Чем ниже балл, тем выше устойчивость государства. Рассматривая Южный Кавказ, можно сказать, что в 2018 г., все три государства входят в группу высокого внимания. Для сравнения, Грузия в 2013 г., входила в уровень очень высокого внимания, снизила свой балл на девять с половиной. В рейтинге 2018 г., страны представлены по следующим местам: Грузия 79 место и 76,5 баллов, Азербайджан 81 место и 76,3 баллов, Армения 102 место и 71 балл. Исследование данного рейтинга послужило полезной базой для изучения стабильности южнокавказских государств. Исходя из вышеперечисленных данных, можно извлечь ценные данные по оценке влияния терроризма на стабильность.

Глобальный индекс миролюбия считает показатели, которые отражают степень безопасности проживания в государстве. Индекс считается по двадцати трем критериям, и имеет пятибалльную шкалу. Шкала считает все 23 показателя, и группируются на две группы: внутреннее миролюбие отражают 60% критериев и внешнее миролюбие 40%. Сопоставление двух групп выводит средний балл, который и формирует рейтинг глобального индекса миролюбия. Рассмотрим критерии, они делятся на несколько групп. Главная группа критериев считает общее количество показателей, то есть использует обычный математический счет. Первыми критериями этой группы является количество внутренних и внешних войн, количество погибших во внутренних и внешних войнах. Данные критерии во многом влияют на позицию в рейтинге, так как страны, попадающие под эти критерии вряд ли можно назвать миротворцами, по мнению исследователей индекса. В эту же группу критериев входит военное присутствие в составе войск ООН, что значительно повышает позиции в рейтинге. Из этого критерия выделяется подкритерий – участие в составе войск, не по мандату ООН. К ним относятся участие в

операциях военных блоков, таких как НАТО, Африканский Союз и другие. Следующая группа критериев считается по пятибалльной шкале: Уровень организованных внутренних конфликтов, Отношения с соседними странами, Степень недоверия между гражданами, Политическая неустойчивость, Возможность террористических актов, Уровень тяжких преступлений, Вероятность буйных демонстраций, Доступность стрелкового оружия и оружия лёгкого калибра, Возможности армии или уровень модернизации вооруженных сил. Данные критерии считаются по официальным данным каждого государства. Следующая группа критериев считает количественные показатели на 100 000 чел.: Количество убийств, количество заключённых, количество офицеров полиции и служб безопасности, количество военнослужащих, Импорт обычных видов оружия, Экспорт обычных видов оружия, Количество тяжёлого вооружения. И последняя группа критериев считает индивидуальные показатели каждого государства: Процент беженцев от общей численности населения, Процент военных расходов от ВВП, и Уровень уважения прав человека, который предоставляет международная правозащитная организация Международная Амнистия. Исходя из вышеперечисленных критериев формируется средний балл, чем он ниже, тем выше позиция в рейтинге, что в свою очередь определяет степень миролюбия того или иного государства. Рейтинг составляется с 2008 г. С этого года в рейтинги входит Азербайджан, Грузия с 2009 г., Армения с 2010 г. Азербайджан в 2008 г. занимал 108 место с 2,229 балла, в 2018 г. упал на 132 позицию с 2,234 балла. Грузия в 2009 г. занимала 134 место с 2,842 балла (из-за военных действий в Южной Осетии и Абхазии 2008 г.), и понялась в 2018 г. на 102 место с 2,13 балла. Армения в 2010 г. занимала 113 место с 2,266 балла, и упала на 120 место в 2018 г. с 2,287 балла. По показателям миролюбия все три страны находятся в сотых местах, что делает население этих стран показательно не миролюбивыми. Военные действия и межэтнические конфликты сыграли в рейтинге ключевую роль.

Индекс человеческого развития (ИЧР) считает показатели уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала. Данный индекс важен для настоящего исследования, так низкие показатели критериев в большей степени являются детерминирующими факторами развития терроризма. Индекс имеет три критерия: ожидаемая (средняя) продолжительность жизни, уровень грамотности населения, уровень жизни, оценённый через ВНД на душу населения по паритету покупательной способности. Индекс вычитывается средним значением всех трех показателей, и делает большую ставку на количество потраченных лет в каждом критерии. В свою очередь ИЧР выделяет страны на четыре группы: очень высокий ИЧР, высокий ИЧР, средний ИЧР, низкий ИЧР. Последний доклад индекса был в 2018 г., и показывал рейтинг стран за ушедший 2017 г. Позиции стран Южного Кавказа выглядят следующим образом: Грузия занимает самое высокое 70 место в рейтинге, Азербайджан на 80 месте, и Армения на 83. Примечательно, что Азербайджан и Армения почти никогда не менялись показатели индекса. Позиции Грузии росли с 2004 г. Это объясняется взятием Грузии курса на евроатлантические интеграционные проекты, у которых есть определенные стандарты.

Подводя итоги всех четырех показателей, можно сформулировать несколько выводов. Во-первых, страны Южного Кавказа находятся в уязвимом положении по отношению к террористической угрозе. Во-вторых, некоторые индексы на первый взгляд не отражают критериев террористической угрозы, однако, изучение материалов в первой главе исследования показывает, что данные индексы отражают факторы, детерминирующие терроризм. Исходя из этого, изучение их необходимо, для расширения представления и получения информации о террористической угрозе. В-третьих, индексы составлены западными научными организациями, и на них потрачено большое количество времени и ресурсов, а также была проделана огромная работа по считыванию показателей каждого государства. В-четвертых, вышеперечисленные индексы показывают общую картину стран Южного Кавказа. Из этой картины мы видим, что развитие трех стран находится в очень медленном положении, что делает их более уязвимыми перед угрозой террористической активности.

Изучение четырех показателей дает объективную оценку проблемам терроризма в регионе. Благодаря этим индексам, можно делать непродолжительные прогнозы, которые помогают завершить исследование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексенко Д.М. Актуальность новых подходов в борьбе с терроризмом. //Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. – М.: «Международные отношения», 2002.
2. Биккинин Б. О мерах по координации взаимодействия национальных силовых структур Беларуси и России в борьбе с терроризмом. // против глобализации преступности и терроризма. – М.: «Международные отношения», 2002.
3. Будницкий О.В. Терроризм глазами историка: идеология терроризма. // Вопросы философии. 2004. № 5.
4. Бурковская В.А. Европейское сотрудничество в борьбе с терроризмом // Закон и право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. № 12
5. Витюк В. В., Эфиоров С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. — М.: Наука, 1987.
6. Возжеников А В и др. Международный терроризм борьба за геополитическое господство М., 2005,
7. Горбунов К.Г. Терроризм: История и современность. Социально-психологическое исследование. М.: Форум, 2012.
8. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 244 с.

9. Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография / М.Ю. Зеленков. — М.: Юридический институт МИИТа, 2013. — С. 66. — 196 с.
10. Клементьев А.С., Бойко О.С. Организация взаимодействия МВД стран СНГ по предупреждению преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий: аналитический обзор. Домодедово, 2012.
11. Короткова М. Региональное сотрудничество стран СНГ в области борьбы с терроризмом. // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. – М.: 2007.
12. Курылев К.П., Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник РУДН, серия Международные отношения. Россия, Москва: Изд-во РУДН, 2017 Т. 17 №. 4 С. 738-748.
13. Мадера А.Г. Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка. — М.: УРСС, 2014. — 448 с.
14. Маньков А.В. Терроризм в России: история, настоящее и будущее (к 150-летию первого террористического акта) // Инновационная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации: тр. всероссийской науч.-практ. конф. (10-11 октября 2016 г.). СПб.: ВАС, 2016.
15. Непесов М.М., Сапрыков В.Н. Современный терроризм: социальные истоки, цели, проявления. М.: Наука, 1999.
16. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. М.: Кучково поле, 2011. С. 396-397.

Сведения об авторе: Гикашвили Гиорги – магистр в области международных отношений кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: giorgi.gikashvili001@gmail.com).

REFERENCES

1. Aleksenko D.M. Aktual'nost' novyh podhodo v bor'be s terrorizmom. //Mirovoe soobshchestvo protiv globalizacii prestupnosti i terrorizma. – М.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2002.
2. Bikinin B. O merah po koordinacii vzaimodejstviya nacional'nyh silovyh struktur Belarusi i Rossii v bor'be s terrorizmom. // protiv globalizacii prestupnosti i terrorizma. – М.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2002.
3. Budnickij O.V. Terrorizm glazami istorika: ideologiya terrorizma. // Voprosy filosofii. 2004. № 5.
4. Burkovskaya V.A. Evropejskoe sotrudnichestvo v bor'be s terrorizmom // Zakon i pravo. М.: YUNITI-DANA, 2004. № 12
5. Vityuk V. V., Efirov S. A. «Levyj» terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost'. — М.: Nauka, 1987.
6. Vozzhenikov A V i dr. Mezhdunarodnyj terrorizm bor'ba za geopoliticheskoe gospodstvo M., 2005,
7. Gorbunov K.G. Terrorizm: Istoriya i sovremennost'. Social'no-psihologicheskoe issledovanie. М.: Forum, 2012.
8. Dolgova A.I., Gus'kov A.YA., CHuganov E.G. Problemy pravovogo regulirovaniya bor'by s ekstremizmom i pravoprimenitel'noj praktiki. М.: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2010. 244 s.
9. Zelenkov M.YU. Teoretiko-metodologicheskie problemy teorii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: monografiya / M.YU. Zelenkov. — М.: YUridicheskij institut MIITa, 2013. — S. 66. — 196 s.
10. Klement'ev A.S., Bojko O.S. Organizaciya vzaimodejstviya MVD stran SNG po preduprezhdeniyu prestuplenij v sfere informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij: analiticheskij obzor. Domodedovo, 2012.
11. Korotkova M. Regional'noe sotrudnichestvo stran SNG v oblasti bor'by s terrorizmom. // Mirovoe soobshchestvo protiv globalizacii prestupnosti i terrorizma. – М.: 2007.

12. Madera A.G. Riski i shansy: neopredelennost', prognozirovanie i ocenka. — M.: URSS, 2014. — 448 s.
13. Man'kov A.V. Terrorizm v Rossii: istoriya, nastoyashchee i budushchee (k 150-letiyu pervogo terroristicheskogo akta) // Innovacionnaya deyatel'nost' v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii: tr. vsearmejskoj nauch.-prakt. konf. (10-11 oktyabrya 2016 g.). SPb.: VAS, 2016.
14. Nepesov M.M., Saprykov V.N. Sovremennyy terrorizm: social'nye istoki, celi, proyavleniya. M.: Nauka, 1999.
15. Terrorizm i antiterroristicheskaya bezopasnost' v kontekste istorii i sovremennoj geopolitiki. Sidorenko A.G., Tihomirov YU.V. M.: Kuchkovo pole, 2011. S.

About the author: Gikashvili Girgi. Master of International Relations international relations of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: giorgi.gikashvili001@gmail.com).

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

К вопросу об украинско-китайских отношениях

К.П. Курылев, Д.В. Станис

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению некоторых аспектов развития отношений между Украиной и Китаем. Авторы затрагивают такие вопросы, как торгово-экономические отношения двух стран. При этом особое внимание уделяется проблеме участия Украины в китайской инициативе «Один пояс – Один путь». Показывается динамика развития двусторонних отношений. Авторы приходят к выводу, что государственный переворот, произошедший на Украине в феврале 2014 г., не повлиял на отношения Киева и Пекина, так как в их основе лежат непреходящие факторы, обуславливающие необходимость сохранения и упрочнения взаимодействия двух стран. Для Украины это китайский экономический потенциал, а для Китая – выгодное расположение Украины и ее ресурсный потенциал.

Ключевые слова: Украина, Китай, торговля, экономика, транспортный коридор, транзит.

On the Ukrainian-Chinese Relations

K.P. Kurylev, D.V. Stanis

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of some aspects of the development of relations between Ukraine and China. The authors touch on issues such as trade and economic relations between the two countries. At the same time, special attention is paid to the problem of Ukraine's participation in the Chinese initiative "One Belt - One Way". The dynamics of the development of bilateral relations is shown. The authors conclude that the coup d'état that took place in Ukraine in February 2014 did not affect the relations between Kiev and Beijing, since they are based on timeless factors causing the need to preserve and strengthen the interaction between the two countries. For Ukraine, this is the Chinese economic potential, and for China, Ukraine's advantageous location and its resource potential.

Keywords: Ukraine, China, trade, economy, transport corridor, transit.

С учетом того, что после прошедших выборов президента Украины, изменений на магистральном внешнеполитическом направлении, которым в этой стране является западное, не произойдет, в равной степени как не следует ожидать и позитивных трансформаций в отношениях с Россией, представляется интересным и полезным рассмотреть внешнюю политику Украины с точки зрения перспектив развития ее восточного вектора. В течение всего периода после распада СССР таковым для Украины выступала наша страна. Однако в условиях современного кризиса в двусторонних отношениях, в качестве восточного направления украинской внешней политики следует рассматривать Китай.

Напомним, что с первых дней обретения Украиной независимости ее отношения с Китаем развивались весьма

динамично. КНР первой из стран своего региона признала Украину независимым государством, 27 декабря 1991 г., и установила с ней дипломатические отношения, 4 января 1992 г. [Курылев 2015: 53-65].

Тем не менее, во времена реализации внешнеполитической концепции, основанной на балансировании между интересами России и Запада и игре на противоречиях между ними, китайское направление не представляло собой приоритетное направление во внешнеполитическом курсе Украины. В него попытались вдохнуть новое дыхание в годы президентства В. Януковича. Именно тогда в 2010 г. началась их активизация и отношения были оформлены в рамках стратегического партнерства и сотрудничества.

Стратегического уровня двусторонние отношения достигли в президентство В.Ф.

Януковича. В ходе визита Председателя КНР Ху Цзиньтао на Украину 20 июня 2011 г. была подписана Совместная декларация об установлении и развитии отношений стратегического партнерства между Украиной и КНР. Визит происходил в сложное для украинского главы время, в Киеве шел Евромайдан. Сама по себе организация поездки Президента в столь дальнее зарубежье в неблагоприятных внутривнутриполитических условиях выглядела очень странно. Поэтому многих тогда волновал вопрос: зачем Президенту Украины потребовалось посещать Пекин [Курылев 2015: 53-65].

Чтобы понять смысл столь странного на первый взгляд шага, напомним, что произошло незадолго до этого визита. Осенью 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии выдвинул инициативу по совместному возрождению «Шелкового пути» в XXI в. Цель инициативы «Один пояс и один путь» - возродить древний «Великий Шелковый путь», установить более тесные связи между странами Азии, Европы и Африки, на новую историческую высоту поднять взаимовыгодное сотрудничество этих стран [Курылев 2015: 53-65]. Подробнее об этом будет рассказано ниже.

Китайская сторона выдвинула четыре предложения: 1) укрепить взаимное доверие и поддержку, упрочить политическую основу китайско-украинских отношений стратегического партнерства; 2) всесторонне содействовать прагматическому сотрудничеству, укреплять материальную основу отношений стратегического партнерства. Расширить и углубить прагматическое сотрудничество в области торговли, экономики, инвестиций, новых высоких технологий, полезных ископаемых, энергетики и сельского хозяйства, всесторонне повысить уровень китайско-украинского делового сотрудничества, сделав приоритетом крупные проекты; 3) расширить гуманитарные обмены, укрепить социальную основу китайско-украинских отношений; 4) активизировать сотрудничество между двумя сторонами в международных и

региональных делах, расширить многостороннюю основу китайско-украинских связей¹.

«Между Украиной и Китаем сложились устойчивые торговые связи с постоянно растущим объемом товарооборота, исчисляемым миллиардами долларов. К 2012 г. Китай стал для Украины главным торговым партнером среди стран АТР. По итогам 2012 г. товарооборот между Украиной и Китаем достиг 9,783 млрд долл., при этом экспорт Украины в Китай составил 1,858 млрд долл., а ее импорт из Китая – 7,924 млрд долл. Тогда же Китай занял второе место среди 217 стран, являющихся торговыми партнерами Украины. В 2013 г. внешняя торговля между Украиной и Китаем имела тенденцию к росту за счет увеличения объемов импорта (на 9,2%) и экспорта (на 46,4%). К 2015 г. была поставлена задача увеличить товарооборот между Украиной и Китаем до 20 млрд долл.» [Кузнецов 2014: 13-24].

Украина и Китай развивали сотрудничество, связанное с деятельностью предприятий военно-промышленного комплекса. Китай давно присматривается к стратегическим ресурсам Украины, особенно в военной сфере. Фактически он наиболее крупный потребитель продукции украинского ВПК [Кузнецов 2014: 13-24].

КНР и Украиной были разработаны многочисленные совместные инвестиционные проекты, некоторые из которых носят специфический характер. В 2009 г. начались переговоры в отношении проектов кольцевой автомобильной дороги вокруг Киева, а также мостов через Днепр. Заинтересованность в их реализации высказали китайские компании. Позднее было подписано соглашение о строительстве высокоскоростной ж/д Киев – международный аэропорт Борисполь [Кузнецов 2014: 13-24].

5 декабря 2013 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, который отобразил основные принципы развития украинско-китайских отношений стратегического партнерства и сотрудничества на двусторонней основе и в

¹ Синьхуа. 20.06.2011.

рамках многосторонних механизмов, со- держал перечень приоритетных сфер разви- тия практического сотрудничества. Кроме того, была подписана Совместная декла- рация о дальнейшем укреплении отношений стратегического партнерства, содержащая достигнутые сторонами основные догово- ренности относительно развития будущего взаимодействия.

«Тогда же стало известно о том, что Ки- тай планирует арендовать на территории Украины около 3 млн га сельскохозяй- ственных угодий сроком на 50 лет. Со- гласно планам, на первом этапе китайская государственная компания Xinjiang Production and Construction предполагала арендовать у украинского агрохолдинга KSG Agro 100 тыс. га в Днепропетровской, Кировоградской и Херсонской областях, Автономной Республике Крым, где аренда- торы планировали построить несколько ир- ригационных систем и провести обводне- ние занимаемых территорий. В перспек- тиве Украина рассматривалась в качестве самого крупного зарубежного производи- теля продуктов питания (пшеница, куку- руза и др.) для жителей КНР» [Кузнецов 2014: 13-24].

Однако в феврале 2014 г. на Украине произошел государственный переворот и у власти оказались радикалы-националисты.

«Китайская сторона выразила глубо- кую озабоченность в связи с конфликтом на Украине и призвала стороны сохранять хладнокровие и сдержанность, следовать договоренностям, достигнутым Россией, США, ЕС и Украиной в Женеве, и отка- заться от любых сил или насилия, которые могут ухудшить ситуацию. Для смягчения ситуации сторонам необходимо как можно скорее запустить политический диалог и процесс примирения². Официальный Пекин надеялся, что все стороны смогут

отказаться от применения силы или наси- лия, которые могли бы ухудшить ситуа- цию, начать политический диалог и про- цесс примирения как можно скорее, в по- пытке облегчить ситуацию» [Ганьшина 2014: 47-59].

Китай уклонился от открытого осужде- ния киевского режима по «усмирению» во- сточных регионов, что объяснялось его соб- ственными опасениями из-за подъема сепа- ратистского движения в Синьцзян-Уйгур- ском Автономном Районе и на Тибете. По- этому китайское руководство через меха- низмы СБ ООН воздержалось при голосо- вании, а в двусторонних встречах с мини- стром иностранных дел России С. Лавро- вым с президентом США Б. Обамой на Га- агской конференции 24 марта 2014 г. также дистанцировалось от принятия на себя от- ветственности за происходящие события. Очень важно отметить, что все последние дни перед этой конференцией Вашингтон и Брюссель предпринимали попытки скло- нить Пекин на свою сторону. Б. Обама и А. Меркель по очереди звонили председа- телю Си Цзиньпину, но так и не добились от него ни одного осуждающего Россию слова³. «Поэтому большие надежды амери- канцы возлагали на личную встречу. Но и она не принесла так желаемой в Белом доме поддержки своей жёсткой позиции по укра- инской проблеме» [Ганьшина 2014: 47-59].

Говоря о результатах референдума в Крыму, официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заметил, что китайская сто- рона придерживается по крымскому во- просу объективной и справедливой пози- ции⁴. «Китай с повышенным вниманием следит за развитием обстановки в Крыму, рассчитывает, что стороны будут сохранять сдержанность» [Ганьшина 2014: 47-59].

«21 мая в Шанхае, во время государ- ственного визита В. Путина в Китай

² Официальный представитель МИД КНР Цинь Ган ответил на вопрос журналиста относительно ситуа- ции вокруг Украины. 03.05.2014. / Сайт МИД КНР // <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/fyrbthdhdw/t1152246.shtml>

³ Си Цзиньпин не поддержал Обаму по Украине. /Аргументы недели/ 27.03.2014 // <http://argumenti.ru/politics/n431/328208>

⁴ 中华人民共和国驻俄罗斯联邦大使馆。 Официальный представитель МИД КНР Хун Лэй от- ветил на вопрос журналиста о результатах референ- дума в Крыму. 17.03.2014 // <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1138759.htm>

состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании в сфере поставок природного газа по «восточному маршруту», а также договор купли-продажи природного газа. Данное событие вызвало бурю эмоций в России и на Западе. Столь долгожданный для Москвы прорыв в отношениях с Китаем озаботил США и Европу» [Ганьшина 2014: 47-59]. Итальянское издание *Il Giornale* отмечает, что соглашение с Китаем на поставку российского газа затмило все другие достижения В. Путина и Си Цзиньпина: «Москва как центр Евразии, прекрасно видит, что центр тяжести неумолимо сдвигается в сторону Востока. Для Европы это настоящая катастрофа»⁵.

В своем интервью агентству Синьхуа посол Украины в КНР О. Демин заявил, что ситуация на Украине не сказалась каким-то роковым, решающим, отрицательным образом на двусторонних отношениях. По основным проектам украинский кризис практически не затронул ни объемы, ни сроки поставок, ни направления сотрудничества. Все остается в силе⁶. «Единственное, на что повлияла ситуация, это проекты, которые Киев планировали совместно развивать в Крыму» [Ганьшина 2014: 47-59].

Действительно, после свержения В. Януковича и захвата власти радикалами-националистами отношения Украины с Китаем продолжали активно развиваться.

В 2017 г. по объему товарооборота КНР заняла второе место среди всех стран мира после РФ. Доля объема товарооборота с КНР во внешней торговле Украины в 2017 г. составила 8,28% от общего товарооборота Украины, в 2016 г. – 8,62%». В 2017 г., по данным Госстата, двусторонний товарооборот составил 7,7 млрд долл. и увеличился на 17,9%. При этом экспорт товаров из Украины в Китай составил 2,4 млрд долл. и увеличился на 11,3%. Крупнейшие статьи – минеральные продукты (42,57%); продукты растительного происхождения (23,76%); животные или растительные жиры и масла и продукты их переработки

(23,49%). Импорт китайских товаров в Украину составил 5,6 млрд. долл. и увеличился на 20,5%. Ввозят машины и механические приборы, электрооборудование (35,53%); текстиль и текстильные изделия (11,38%); цветные металлы и изделия из цветных металлов (10,90%); пластмассы и изделия из них (7,93%); химическую продукцию (7,33%); различные промышленные изделия (7,13%); обувь, головные уборы, зонты (4,86%). Отрицательное сальдо для Украины за этот период составило 3,6 млрд долл. За 11 месяцев 2018 г. товарооборот Украины с Китаем составил 8,82 млрд долл., что больше чем на 1,1 млрд долл., чем за весь 2017 г. В соответствии с экспортной стратегией Украины на 2017-2021 гг. КНР занимает 2-е место в ТОП-20 перечня перспективных рынков для экспорта украинской продукции. То есть несмотря на произошедшие на Украине и вокруг нее события после 2014 г. торговля с КНР остается стратегически важным направлением для Украины⁷.

С чем связано. В первую очередь с теми факторами, которые определяют отношения двух стран. Среди них не последнее место занимает постоянно растущий экономический и политический вес КНР в мире. Важным является и геополитический фактор. Оба государства расположены в евразийском регионе, являются соседями России – крупнейшего государства в мире, на них спроецировано внимание единственной сверхдержавы – США. Подобное положение в значительной мере определяет роль и место Украины и КНР не только в Евразии, но и в более широком, глобальном геополитическом контексте. Еще одним обстоятельством, которое сказывается на отношениях двух стран, является и определенная совместимость их экономик и технических стандартов во многих отраслях хозяйствования. Серьезных противоречий между двумя странами не бывало. Более того, в 1994 г. официальный Пекин после некоторого раздумья присоединился к

⁵ Итальянские СМИ: Россия и Китай "наказали" Европу. 22.05.2014. / РИА Новости // <http://ria.ru/world/20140522/1008918612.html>

⁶ Украина продолжит углублять стратегическое партнерство с Китаем — посол Украины в Китае.

7.06.2014 // <http://inosmi.ru/world/20140607/220856316.html>

⁷ Китай занял второе место по товарообороту с Украиной // <https://for-ua.com/article/1153145>

Бухарестскому меморандуму, став наряду с США, Россией, Великобританией и Францией гарантом безопасности Украины после отказа последней от обладания ядерным оружием [Курылев 2015: 53-65].

Конечно, огромные надежды официальный Киев продолжал связывать с реализацией китайской инициативы «Один пояс, один путь» в рамках проекта «Экономического пояса Шелкового пути». Преимущество Украины состоит в ее географическом расположении на пересечении транспортных осей Север – Юг и Запад – Восток, а также близость к рынкам Европейского союза.

Не является секретом тот факт, что КНР остро нуждается не только в диверсификации маршрутов и источников поставок энергоносителей, но и в альтернативных маршрутах сбыта произведенной продукции. У Пекина есть хорошо отлаженные и обустроенные морские пути, которые соединяют побережье Китая через Малаккский пролив, Индийский океан, Суэцкий канал, Средиземное море, Гибралтарский пролив с Евросоюзом – одним из главных торговых партнеров КНР. Торговля осуществляется через порты Гамбург и Роттердам, который являются одними из крупнейших портов мира. Что касается ответвления от средиземноморского маршрута в Черное море, то оно проходит через Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы и замыкается на крупнейший по грузообороту украинский порт Одессу [Курылев 2015: 53-65].

Однако доставка контейнера из Шанхая в Гамбург или Роттердам морским путем обходится в среднем в 2500-3000 долл. и занимает от 30 до 45 дней. Поставка же по железной дороге, хотя и обходится в 8000-15000 долл., но занимает 7-15 дней, а переплата за скорость может быть оправдана поставками нескольких групп товаров высокой стоимости. При этом большая часть китайской торговли проходит через Южно-Китайское море, где растет напряженность из-за острых территориальных претензий соседних государств. Конечно, Китаю хотелось бы иметь альтернативу на случай

негативного развития ситуации. Ключевой задачей является и необходимость дать импульс развитию северо-западных районов КНР⁸.

В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин будучи с визитом в Казахстане объявил об инициативе построить Новый Шелковый путь. 28 марта 2015 г. правительство КНР описало задачи и этапы проекта в документе с названием: «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути» XXI в.».

В 2013 г. между Китаем и Украиной была достигнута договоренность о совместных действиях, реализуемых в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути», в который была включена программа по созданию так называемой Крымской зоны экономического развития, включавшей, в первую очередь, территорию в районе Евпатории (Сакский район), где предполагалось построить глубоководный порт. Кроме того, Украина и Китай планировали совместно заняться реконструкцией и развитием Севастопольского морского рыбного порта, и созданием вокруг него зоны высокотехнологичной индустрии, а также построить в Крыму аэропорт, верфь, нефтеперерабатывающий завод, терминал для сжиженного природного газа, учебные центры, пляжи и зоны отдыха. Сроки реализации проекта были обозначены в пределах 2014-2018 гг. При этом важно подчеркнуть, что проект «Экономический пояс Шелкового пути» хорошо коррелировался с планами Украины, нацеленными на евроинтеграцию, о чем, в частности, заявил в начале декабря 2013 г. украинский посол в КНР О. Демин, который заявлял, что «Китай как абсолютно цивилизованная страна спокойно реагирует на решения друзей и партнеров... Китай заинтересован, чтобы Украина была в европейском пространстве, потому что для них тогда Украина рассматривается как ворота в Европу» [Тимофеев 2014: 239].

⁸ Гардус М. Украина хочет помочь Китаю строить Шелковый путь в обход России: карты и

подробности // URL: <http://www.minprom.ua/digest/202357.html>

Тем не менее, вопрос о том смогут ли новые власти на Украине с большей выгодой, нежели их предшественники, направить «китайский ветер» в «паруса» украинской экономики остается открытым. Попробуем разобраться в этом. Тем более что имеется серьезная заинтересованность Китая в развитии отношений с Украиной, что не может не беспокоить Россию с учетом стратегического формата взаимодействия Москвы и Пекина.

Специалисты констатируют, что инициатива «Один пояс, один путь» может быть одним из самых привлекательных для Украины геоэкономических проектов, который с одной стороны не противоречит ее стремлениям к дальнейшему сотрудничеству и интеграции с Европейским союзом, а с другой - может усилить преимущества Украины и предоставить стимулы к экономическому развитию в целом. Кроме этого, более тесная интеграция с Китаем в рамках «Одного пояса, одного пути» может уменьшить объемы торговли и зависимость от России, которая в настоящее время еще остается крупнейшим торговым партнером Украины [Аудит 2016].

В то же время несмотря на то, что Украина первой среди европейских стран на высшем уровне заявила о поддержке китайской инициативы, дальнейшее развитие событий на Украине привел к тому, что до сих пор участие Украины этом проекте является декларативным. Ожидалось, что изменить ситуацию мало третье заседание Комиссии по сотрудничеству между правительствами Китая и Украины, которое состоялось в декабре 2017 г., во время которой была проведена встреча между вице-премьером Госсовета КНР Ма Каем и премьер-министром Украины В. Гройсманом. По ее результатам было объявлено, что Украина и Китай выходят на новый – стратегический уровень взаимодействия, который предусматривает реализацию совместных проектов на общую сумму около 7 млрд долл. Также был подписан ряд договоров, среди которых – План действий

Украина-КНР по реализации инициативы построения «Экономического пояса Великого шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века». В то же время, в документах указано, что Украина будет участвовать в развитии «Одного пояса, одного пути», однако не указано, что Украина становится полноправным членом китайской инициативы. Кроме того, План не содержал конкретных китайско-украинских проектов, которые предполагалось реализовать. Отсутствие содержательного наполнения Плана давало возможность сделать вывод о декларативный характер документа, который ни к чему не обязывает и не принесет ожидаемого результата [Герасимчук, Пойта 2017].

Схожая ситуация с форматом сотрудничества «16 + 1», который был основан в 2012 г., и кроме Китая включает государства Центральной и Восточной Европы, Балтии и Балкан (Болгарию, Чехию, Хорватию, Венгрию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, Словакию, Словению, Боснию, Македонию, Сербию, Черногорию и Албанию). За годы своего существования формат приобрел институциональные формы. В ноябре 2017 г. Китай создал 10-миллиардный инвестиционный фонд, цель которого инвестировать в государства, входящие в объединение «16 + 1». Фонд функционирует под наблюдением МВФ, а среди приоритетных проектов – «Adriatic-Baltic-Black Sea Seaport Cooperation»⁹

В этом контексте для Украины, которая заинтересована в углублении сотрудничества с ЦВЕ, стремится углублять этот контекст для Украины, которая заинтересована в углублении сотрудничества с ЦВЕ, стремится углублять сотрудничество с США и ЕС, но и Китай рассматривает как перспективного партнера, важно было бы обеспечить свою хотя бы номинальное присутствие во всех форматах, которые выстраиваются в регионе. Для «16 + 1» форматом участия для Украины мог бы быть статус наблюдателя. Соответствующий прецедент уже существует, ведь статус

⁹ Турарбекова Р. Новые акценты политики КНР в Центральной и Восточной Европе: возможности для Беларуси / Аналитическая записка № 2 / 23.03.2017

// <http://minskdialogue.by/research/analytics-notes/novye-aktcenty-politiki-kr-v-tcentralnoi-i-vostochnoi-evrope-vozmozhnosti-dlia-belarusi>

наблюдателя имеет Беларусь. Однако, поскольку данный вопрос будет решаться прежде всего в Китае, Киеву следовало бы, во-первых, принципиально решить вопрос о Зоне свободной торговли и безвизовому режиму с КНР, а во-вторых, заявить о желании присоединиться к формату [Герасимчук, Пойта 2017].

Преимущество Украины состоит в ее географическом расположении на пересечении транспортных осей Север – Юг и Запад – Восток, а также близость к рынкам ЕС и России. Украинский маршрут (Украина – Грузия – Азербайджан – Казахстан – Китай) обладает рядом слабых мест, среди которых можно выделить такие, как устаревшее оборудование в портах; проволочки с оформлением судовой документации из-за бюрократии; Украина не является членом ЕС и это усложняет и удлинняет таможенные процедуры; высокая стоимость судозаходов; отсутствие качественных дорог для автосообщения с ЕС; данный маршрут длиннее того, который пролегает через Россию и Белоруссию и предполагает прохождение двух морей; при этом паромный потенциал сейчас ограничен количеством и сроком эксплуатации (с 1970-х гг.); неприемлемое состояние трассы «Одесса – Рени», что не позволяет использовать ее в качестве отрезка международного коридора на Балканы¹⁰.

Таким образом, Украина имеет задекларированный уровень отношений стратегического партнерства с Китаем, который пока далеко не полностью реализуется на практике. В 2014 г. китайская сторона продемонстрировала осторожность в отношениях с постреволюционной Украиной. Одновременно положительным является то, что политические и экономические отношения между Украиной и КНР постепенно активизировались в течение последующих лет. Хотя, в настоящее время, все еще наблюдается осторожность китайских компаний к инвестициям в украинскую экономику, присутствие на Украине китайского

бизнеса заметно возросло [Герасимчук, Пойта 2017].

С другой стороны, сложным остается влияние российского фактора на украинско-китайские отношения. Принято считать, что отношения России и Китая являются стратегическими. Так их позиционируют оба государства. И свидетельством этому является взвешенная позиция КНР в ходе украинского кризиса, которая нашла понимание и поддержку у немалого количества государств мира. Это наглядно проявилось 27 марта 2014 г. в ходе принятия Резолюции A/RES/68/262 Генеральной Ассамблеи ООН о территориальной целостности Украины. Напомним, что этот документ был принят лишь незначительным большинством: за него проголосовало 100 из 193 государств-членов ООН [Курылев 2015: 53-65].

Вместе с тем, Китай имеет стратегические отношения и с Украиной и не намерен в угоду Москве отказываться от возможностей диверсификации транспортно-коммуникационных маршрутов. Как отмечает А.А. Маслов, своими действиями на Украине «Китай как раз четко показывает, что для него все равны, главное дело в выгоде и готовности страны следовать китайским пожеланиям... Китай, очевидно, создает для себя целый ряд микросоюзов... Инвестирование в саму Украину по-прежнему является одной из приоритетных программ китайской стороны... Это создание очередного союза, экономического альянса, который нужен не столько в противовес России, сколько для спасения китайской экономики, которая требует очень быстрых инфраструктурных изменений»¹¹.

Хотя Китай дистанцируется от оценок течения украинского-российского конфликта, подчеркивая преданности принципам международного права и мирного решения любых конфликтов, Пекин демонстрирует поддержку территориальной целостности Украины. С учетом китайской специфики внешней политики, такой подход уже является выигрышным для

¹⁰ Гардус М. Украина хочет помочь Китаю строить Шелковый путь в обход России: карты и подробности. // URL: <http://www.minprom.ua/digest/202357.html>

¹¹ Лёгуенко М. Зачем Китай променял Россию на Украину. // URL: <https://www.ridus.ru/news/210619.html>

Украина и ожидать большего в настоящее время не следует. Зато, стоит сосредоточиться на перспективных направлениях двустороннего диалога, при этом следует

развивать как экономическую, так и политическую составляющую, которые вместе могут создать синергетический эффект в украинском-китайских отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аудит зовнішньої політики: Україна-Китай. Київ, 2016.
2. Ганьшина Г.И. Украинский кризис 2014 г. глазами стран АТР // Вестник РУДН. Серия Международные отношения, 2014. № 4. С. 47-59.
3. Герсимчук С., Пойта Ю. Україна – Китай після 2014: нова сторінка у відносинах. Можливості і перспективи, перешкоди і ризики // Представництво Фонду ім. Фрідріха Еберта в Україні. Київ, 2017.
4. Курылев К.П. Украинско-китайские отношения в контексте реализации Пекином проекта «Шелкового пути» // В сборнике: Роль и место России в АТР Материалы международного круглого стола молодых ученых: Сборник статей. Отв. ред. Д. А. Сидоров. Москва, 2016. С. 53-65.
5. Кузнецов Д.В. Украинский кризис 2013-2014 гг. и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока, 2014. № 4. С. 13-24.
6. Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая / под ред. Т.С. Гузенковой, М.В. Карпова. М.: РИСИ, 2013. – 166 с.

Сведения об авторе: Курылев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: kurylev_kp@rudn.university); Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления РУДН, (e-mail: stanisdv@rudn.ru).

REFERENCES

1. Audit zovnishn'oi politiki: Ukraïna-Kitaj. Kiïv, 2016.
2. Gan'shina G.I. Ukrainskij krizis 2014 g. glazami stran ATR // Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. № 4. S. 47-59.
3. Gersimchuk S., Pojta YU. Ukraïna – Kitaj pislya 2014: nova storinka u vidnosinah. Mozhlivosti i perspektivi, pereshkodi i riziki // Predstavnictvo Fondu im. Fridriha Eberta v Ukraïni. Kiïv, 2017.
4. Kurylev K.P. Ukrainsko-kitajskie otnosheniya v kontekste realizacii Pekinom proekta «SHELKOVOGO PUTI» // V sbornike: Rol' i mesto Rossii v ATR Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola molodyh uchenyh: Sbornik statej. Otv. red. D. A. Sidorov. Moskva, 2016. S. 53-65.
5. Kuznecov D.V. Ukrainskij krizis 2013-2014 gg. i poziciya Kitaya // Problemy Dal'nego Vostoka, 2014. № 4. S. 13-24.
6. Strany SNG i Baltii v global'noj politike Kitaya / pod red. T.S. Guzenkovej, M.V. Karpova. M.: RISI, 2013. – 166 s.

About the author: Kurylev Konstantin P. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: kurylev_kp@rudn.ru); Stanis Daria V. – PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University (e-mail: stanis-dv@rudn.ru).

Отношения Республики Корея и Российской Федерации на современном этапе*

Э. Паласиос-Кабрера

Центр исследований постсоветских стран, Мехико, Мексика

Э. Цилли-Апанго

Столичный Автономный Университет, Мехико, Мексика

Аннотация. Целью данного исследования является анализ развития отношений между Кореей и Россией в контексте корейского регионализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе, постоянно учитывая влияние США на внешнюю политику Кореи во время правительства Д. Трампа. Таким образом, предлагается рассматривать Южную Корею в качестве "средней державы", характеристики которой описаны в первом разделе. Во втором, анализируются двусторонние отношения между Кореей и Россией с момента их создания до настоящего времени, чтобы выяснить, какие выгоды они ожидают получить друг от друга после укрепления этих отношений. В третьем разделе описывается корейская «Евразийская инициатива», а в четвертом разделе рассматриваются стратегические аспекты региональной безопасности. Сближение внешнеполитических векторов «Евразийская инициатива» Кореи и «Поворот на Восток» России представляет собой историческую возможность для укрепления и дальнейшего развития двусторонних отношений. Однако для достижения этой цели Сеул должен отойти от зависимости от Вашингтона, а также противостоять давлению администрации Трампа, которое сдерживает ее внешнюю политику. Региональное развитие Республики Корея в значительной степени зависит от того, как она начнет выступать в качестве более независимой «средней державы», что позволит ей напрямую взаимодействовать с другими региональными субъектами, такими как Россия, Китай и, конечно же, Северная Корея.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, внешняя политика, Евразийская инициатива, разворот на Восток.

Relations of the Republic of Korea and the Russian Federation on the Modern Stage

E. Palacios-Cabrera

Center for Post-Soviet Studies, Mexico City, Mexico

E. Tzili-Apango

UAM University, Mexico City, Mexico

Abstract. The purpose of this study is to analyze the development of relations between Korea and Russia in the context of Korean regionalism in the Asia-Pacific region, constantly considering the influence of the United States on Korea's foreign policy during the Donald Trump's government. Thus, it is proposed to consider South Korea as a "middle power", whose characteristics are described in the first section. The second section analyzes the bilateral relations between Korea and Russia from their establishment to date, to point out what benefits they expect to get from each other after strengthening these relations. The third section describes the Korean Eurasian Initiative, and the fourth section discusses the strategic aspects of regional security. The convergence of the foreign policy vectors "Eurasian Initiative" of Korea and "Turn to the East" of Russia represents a historic opportunity for strengthening and further development of bilateral relations. Nonetheless, to achieve that goal, Seoul must move away from its dependence on Washington, as well as resist the pressure of the Trump administration to curb its foreign policy. The regional development of the Republic of Korea depends to a large extent on how it begins to

* Данная статья будет также опубликована на испанском языке в в книге «Корея перед новыми парадигмами администрации Трампа: между тихоокеанским регионализмом и американским националистическим протекционизмом», под редакцией Колледжа Мексика.

act as a more independent "middle power", which will allow it to interact directly with other regional actors such as Russia, China and, of course, North Korea. This article will originally be published in Spanish as a chapter in the book "Korea Before the New Paradigms of the Trump Administration: Between Pacific Regionalism and American Nationalist Protectionism," edited by the Mexico College.

Keywords: Russia, South Korea, Foreign policy, Eurasian Initiative, Turn to the East

Отношения между Республикой Корея (далее – «Южная Корея» или «Корея») и Российской Федерацией (далее – «Россия») приобретают стратегическое значение на протяжении второго десятилетия XXI в. Несмотря на традиционный компонент «безопасности» двусторонних отношений, с 2012 по 2018 гг., отношения между Южной Кореей и Россией эволюционировали в новых измерениях, которые ранее не рассматривались, особенно в геоэкономических аспектах. Эта эволюция стала возможной из-за совпадения новых внешнеполитических приоритетов Москвы и Сеула.

Южная Корея и Россия имеют богатую совместную историю, благодаря своим географическим положениям. Это позволило что, на протяжении 150 лет, было создано «Корё-сарам», корейская диаспора на постсоветском пространстве. В России эта диаспора сосредоточилась на Приморском Крае, на Дальнем Востоке, и она сохраняет важное влияние на корейско-российские отношения, которая иногда упускается из виду [Тровакуя и Трейси, 2018; Забровская, 1999].

По словам Ко [2000], за десять лет Южная Корея и Россия прошли четыре фазы двусторонних отношений. Первая (с 1988 по 1991 гг.) была охарактеризована усилиями по восстановлению дипломатических отношений, прерванных в 1905 г. японской оккупацией Кореи и Холодной Войной. Этот последний эпизод, без сомнения, обусловил двусторонние отношения, особенно наследием инцидента полетов *Кореан Эйр 902* (1978 г.) и *Корея Эйр 007* (1983 г.), которые были сбиты в советском воздушном пространстве. Несмотря на это, президент Южной Кореи Ро Тхэ Ву (1988-1993 гг.) поддерживал свой "Нордполитик" чтобы содействовать нормализации отношений со странами социалистического блока. Это позволило

СССР принять участие в 1988 г. в Олимпийских играх Сеула и получить 3 000 000 долл. экономической помощи со стороны правительства Южной Кореи.

Второй этап (1992-1994 гг.) характеризовался институционализацией отношений с Договором об Основных Отношениях (1992 г.) и Меморандумом о Взаимопонимании по Военным Учениям (1993 г.). Третья фаза (1994-1998 гг.) консолидировал двустороннее отношение государственным визитом в Москву президента Южной Кореи Ким Янг-Сэма и соответствующим «коммюнике Москвы» в 1994 г.

Важно подчеркнуть, что к тому времени отношения носили экономический характер, чем политический, хотя в большей мере концентрировались в торговле, чем в инвестициях, а на Дальнем Востоке больше, чем в остальной Российской Федерации. Однако считалось, что это «экономическое обязательство» представляло геополитическое требование влиять на советско-российскую элиту, чтобы содействовать в стабильность Корейского полуострова, особенно в отношении Северной Кореи [Ли и Брэдшоу, 1997]. Несмотря на то, что на протяжении 1990-х гг. торговля была сосредоточена на электронных, металлических и стальных продуктах, сдерживающее вооружение составляло основной долей торговли [Ан, 2009]. Это подтверждает вышеуказанное о геополитическом требовании.

Четвертый период отношений (1998-2000 гг.) характеризовался укреплением отношений, особенно в ответ на «охлаждение» отношений из-за исключения России из "четырёхполосных переговоров" (1996 г.) и взаимной высылки сотрудников и дипломатов посольств (1998 г.). Так, в 1999 г., Президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун совершил государственный визит, в ходе которого был повы-

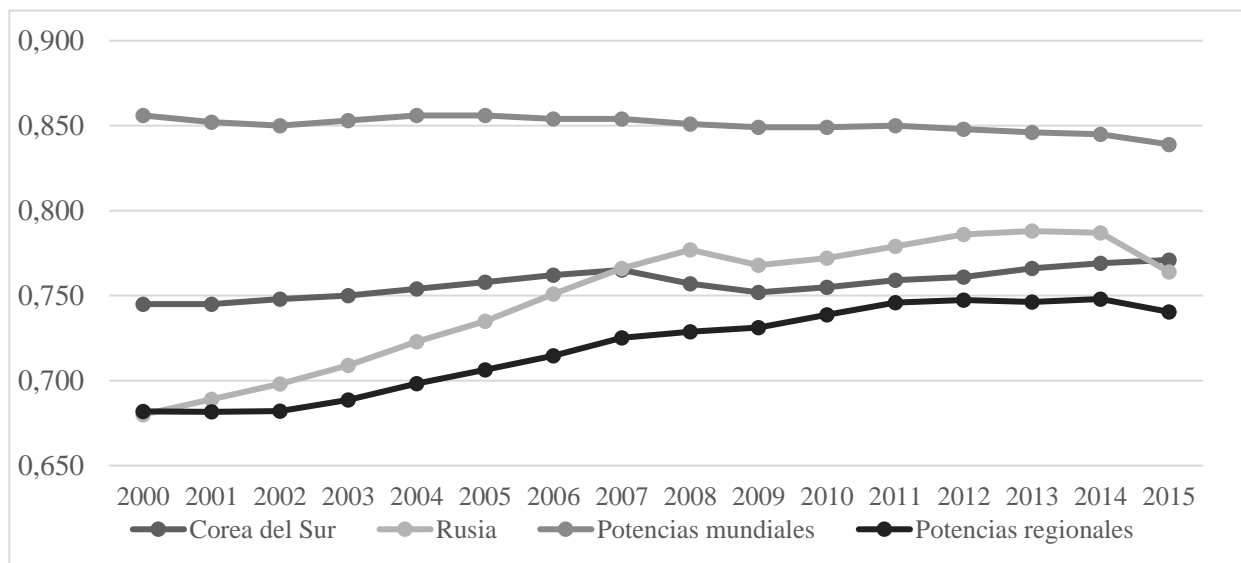
шен торговый форум «Южная Корея-Россия», были подписаны меморандумы о взаимопонимании в торгово-промышленном сотрудничестве, а Российско-Корейская Комиссия по промышленному сотрудничеству была установлена.

Стоит также отметить еще два этапа двусторонних отношений Южной Кореи и России. Пятый этап отношений характеризовался многосторонними обязательствами в рамках «шестисторонних переговоров» (2002-2013 гг.). Много было написано на эту тему [Бузински, 2013; Парк, 2005]. В отличие от Южной Кореи, важно отметить, что Россия сыграла незначительную роль в этом процессе и что ее участие было больше благодаря продвижению региональной системы безопасности [Розман, 2008; Толорайя,

внешнеполитические приоритеты Москвы и Сеула. Что касается России, глобальная финансовая рецессия и вторжение Грузии в 2008 г., совместно с кризисом в Украине в 2013-2014 гг., всё это послужило началу реализации политики президента В. Путина «Разворот на Восток» для поиска новых рынков и политических сценариев, в ответ на политической кризис с Западом. Со стороны Южной Кореи, снижение угрозы Северной Кореи и экономическое дистанцирование США поощряли "Евразийскую инициативу", которая также искала новые рынки и предложила пересмотр северо-восточной азиатской схемы безопасности.

График 1. Индекс Мировой Власти. (сделано авторами на базе Моралеса 2015 г.).

Южная Корея как средняя держава.

2008]; Это можно связать с российским поиском многополярного и многостороннего мирового порядка, в дополнение к сдерживанию американского влияния в Северо-Восточной Азии. Этот момент позволил возникновению Южной Кореи, как "средняя власть" [Чой, 2009]. На данном этапе нужно выделить заявление южнокорейско-российского «стратегического партнерства» в период президентства Ли Мён Бак (2008-2013 гг.), что позволило дальнейшему углублению отношений.

Шестой этап (2013-2018 гг.) характеризуется политическим и экономическим сближением, основанием которым служат общие

При изучении влиятельных действующих лиц в международной системе выделяются те, у кого относительно высокая степень власти- «державы». Однако, в отличие от мировых держав как детерминант мировой системы и региональных держав, оспаривающих ее, средние державы могут определять их как сопровождающих определенного мирового порядка. Это понятие основано на предложении Роча и Моралеса, которые определяют понятие «средняя держава» как «развитые, современные, демократические центральные штаты [современной мировой системы], со специализированной дипломатией глобального масштаба. [...] Они играют

важную роль в международных институтах и режимах. [...] Они поддерживают мировые державы в сохранении и поддержании существующего международного порядка. Национальные интересы средних держав развиваются и осуществляются на международном уровне, [...] они склонны содействовать международному сотрудничеству, отстаивать международное право, укреплять международные институты и сохранять мир» [Rocha Valencia, Morales Ruvalcaba 2010: 258-266].

По словам цитированных авторов, средняя власть способна на то, что уже было упомянуто из-за значительной доли мировой власти, основанной, прежде всего, на ее успокаивающую силу или нематериальный потенциал. По данным Индекса Всемирной Власти [Моралес, 2015], Южная Корея остается именно в категории государств со средней властью и превосходит средние региональные державы без достижения мировых держав. От 2000 до 2015 гг. Южная Корея увеличила свою мировую власть 0,2% в ежегодном среднем.

Мнение Роча и Моралеса [2010] помогает нам оценить власть средней державы (см. График 1). Однако, авторы не дают подробного анализа качественного аспекта таких держав, поскольку их определение более абстрактно. В этом смысле мы считаем, что взносы Купера [2011] и Кокса [1989], которые устанавливают, что обладание статусом средней власти не является достаточным условием иметь возможность играть эту роль, более адекватное определения. То есть, средней властью - зависит от мощности определённого государства вести себя как средняя держава в конкретной ситуации, принимаемая характер и действия таковой, как те описаны в определении Роча и Моралеса [2010]. Другими словами, любому государству недостаточно обладать потенциалом для того,

чтобы быть средней властью- ему нужно действовать как таковой.

Некоторая существующая литература обнаружил, что, по сути, Южная Корея определяет себя как «средняя держава» [Ли, 2012; Тео, 2018]. Наш анализ вполне может помочь построить «Теорию средней державы», поскольку она раскрывает, насколько Южная Корея ведет себя как таковая в своих отношениях с Россией.

Именно поэтому мы определяем Южную Корею как среднюю державу, потому что она содействует международному сотрудничеству и вносит свой вклад в региональный порядок, разработанный Россией на базе её собственных национальных интересов.

Начинание и перспективы развития российско-корейских отношений в 28 годах от их создания.

Как упоминалось во введении, Россия и Республика Корея установили дипломатические отношения в 1990 г. На протяжении Холодной Войны между двумя странами не было дипломатических отношений, в частности с 1948 по 1990 гг. [Ро-Бьюг, 2016]. До июня 2018 г. главы государств обеих стран встречались 31 раз¹. Эти последние данные являются показателем того, что в среднем, обе страны поддерживают контакты на самом высоком уровне не реже одного раза в год.

В дискурсе Москва утверждает, что «Республика Корея является одним из приоритетных партнеров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе»². Официальные цифры подтверждают это заявление: более 50 двусторонних договоров, подписанных между двумя странами, в различных областях, включая торговлю, рыболовство, инвестиции, вооружение и сотрудничество в военной технике, мирное использование атомной

¹ RIA Novosti (2018, 21 de junio). Relaciones Interestatales de Rusia y la República de Corea (Межгосударственные отношения России и Республики Корея) RIA Novosti/Rossiya Sivodniya (РИА Новости/Россия Сегодня),

<https://ria.ru/spravka/20180621/1522910881.html>, fecha de consulta: 20 de octubre de 2018.

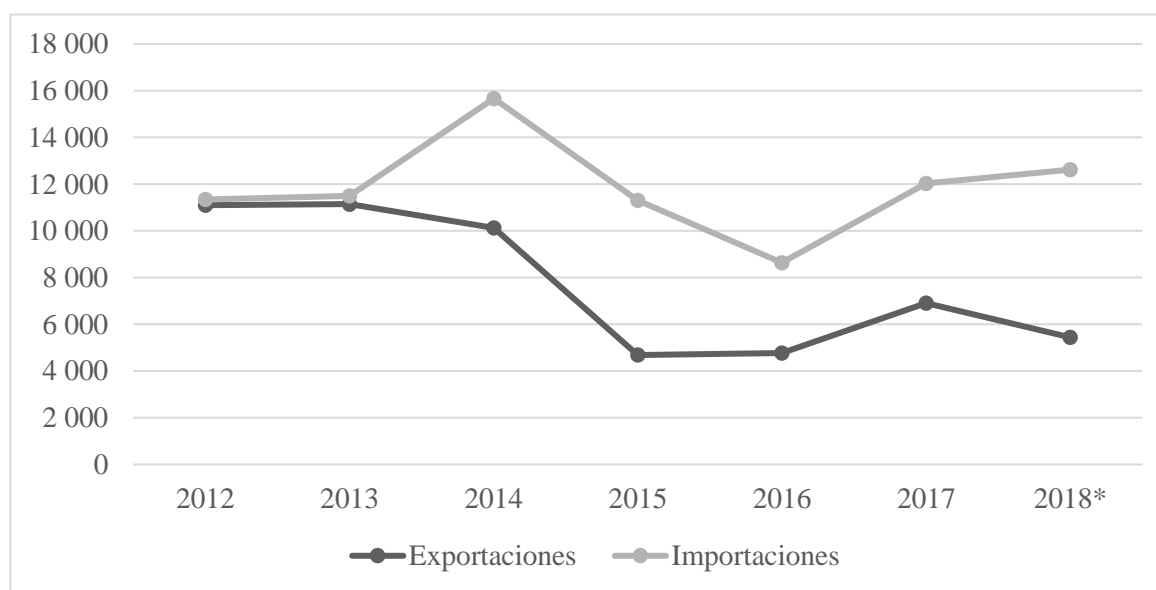
² Embajada de Corea en la Federación Rusa (2018), http://overseas.mofa.go.kr/ru-ru/wpge/m_7322/contents.do, fecha de consulta: 22 de octubre de 2018.

энергии, среди прочих¹. Помимо двусторонних договоров существует сеть механизмов сотрудничества в конкретных областях, таких, как совместная Комиссия по Экономическому и Научному Сотрудничеству.

Двусторонние отношения, безусловно, быстро развиваются по сравнению с тем, что их практически не было в период существования СССР. Это привело Российскую Федерацию занять двенадцатое место (1,7% от общего торгового потока) среди партнеров

среднем в год. Этот индикатор контрастирует с политическими усилиями по консолидации корейской Евразийской Инициативы. Основными экспортными продуктами Кореи в Россию являются автомобили, автозапчасти, инструменты, машинное оборудование. Основными импортными продуктами являются нефть, бензин, битумная уголь и природный газ [Ивашенцов, 2013]. Отношения очень дополняют друг друга.

График 2. Двусторонняя общая торговля

Внешняя торговля Республики Корея. Со своей стороны, Республика Корея занимает одиннадцатое (3,0% от общего объема коммерческого потока) среди внешнеторговых партнеров России. По итогам 2013 г. Республика Корея заняла третье место среди стран Восточной Азии по объему товарооборота с Россией после Китая и Японии².

В коммерческих вопросах до сентября 2018 г. двусторонняя общая торговля достигла 18 млрд долл. Кроме того, торговля в целом является дефицитом для азиатской страны. С 2012 по 2018 гг. двусторонняя торговля была снижена примерно на 0,5% в

Россия-Корея (сделано авторами на базе *Корейских Таможенных Услуг 2018*). * До сентября 2018 г.

Что касается инвестиций, то в 2017 г. был открыт офис Корейского Агентства по Коммерческому Развитию во Владивостоке, с помощью которого корейские инвесторы направляли 70 млн долл. на создание проектов в специальных экономических зонах Дальнего Востока России. В этой строке было предложено увеличить инвестиции до трех миллиарда долларов за 2020 г.³ По сравнению с торговлей, инвестиции на самом

¹ Embajada de la Federación Rusa en la República de Corea 2018 (Посольство Российской Федерации в Республике Корея), <https://korea-seoul.mid.ru/rossia-ikorea>, fecha de consulta: 30 de octubre de 2018.

² Ministerio de Asuntos Exteriores de Rusia (Министерство иностранных дел Российской Федерации),

<http://www.mid.ru/ru/maps/kr/?currentpage=main-country>, fecha de consulta: 30 de octubre de 2018.

³ Denezh, I. (2017, 30 de noviembre). South Korea targets increased investment in Russia's Far East, Asia Times, <http://www.atimes.com/article/south-korea-targets-increased-investment-russias-far-east/>, fecha de consulta: 25 de octubre de 2018.

деле очень мало: только 1% иностранных инвестиций Южной Кореи направляется в Россию. В 2017 году инвестиции увеличились на 41% до достижения 19 миллиардов долларов [Khryaeva, 2018]. Однако она по-прежнему представляет собой весьма низкую процентную долю корейского торгового баланса.

Кроме того, стоит вопрос перенаправления России с запада на восток: по данным Министерства экономического развития РФ [Khryaeva, 2018], более 50% инвестиций Южной Кореи идет в Центральный Федеральный Округ, являясь следующими наиболее привлекательными регионами Северо-западный Федеральный округ (в котором Санкт-Петербург находится) с 27%. Дальневосточный Федеральный Округ захватывает только 14% от общего объема инвестиций. Планы Мун Чжэ-ин также включают увеличение торговли на 50% за 2020 г., до фигуры 30 млрд долл. [Khryaeva, 2018].

Традиционно Российская Федерация и Южная Корея не являются стратегическими союзниками. Тем не менее, наша гипотеза заключается в том, что, по крайней мере в дискурсе, отношения должны достичь стратегического интегрального статуса. Несмотря на достижения в области экономических связей, двустороннее отношение между двумя странами развивалось постепенно, даже медленно. В отличие от двусторонних отношений России с другими странами, а именно с государствами пост советского пространства, ЕС, Китаем, и, конечно же, США – реальная динамика между Москвой и Сеулом остается в основном дискурсивной, с трудом удается материализоваться в плане увеличения торговых, инвестиционных и совместных проектов в области инфраструктуры.

Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо задаться вопросом: чего ожидает Южная Корея от более близких отношений с Россией? По словам Пак Ро-Бюнг [2015] (бывший посол Кореи в России) государства Северо-Восточной Азии – в том числе Корея и Россия – должны опираться на

гармоничные отношения и сотрудничество в различных областях, осуществляя следующие аспекты:

- 1) Строительство транспортной и коммуникационной инфраструктуры, которая позволит экономическому и культурному обмену чтобы разрушить территориальные барьеры («Евразийская инициатива»);
- 2) Участие в развитии Дальнего Востока России;
- 3) усиление экономического сотрудничества и коммерческий поток;
- 4) разрешение ядерной угрозы и
- 5) умиротворение Корейского Полуострова.

Однако, следует отметить, что официальная внешнеполитическая линия Кореи к России не определена на официальном сайте МИД Кореи. Поэтому необходимо опираться на анализ совместных деклараций, а также на официальную информацию, опубликованную после официальных контактов между двумя странами.

На официальном сайте посольства Кореи в Российской Федерации¹ посол Кореи Ву Юн-Кеун упоминает, что Россия является приоритетным партнером для Кореи в достижении всеобщего процветания на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии. Кроме того, он добавляет, что сотрудничество с Россией продолжается в процессе решения серьезной ядерной проблемы Северной Кореи, гарантирующей мир и безопасность на Корейском полуострове. В заключение посол подчеркивает, что экономическое сотрудничество между странами в различных областях, включая развитие Дальневосточного русского региона, усиливается.

¹ Embajada de Corea en la Federación Rusa (2018), <http://overseas.mofa.go.kr/ru->

ru/wpge/m_7322/contents.do, fecha de consulta: 22 de octubre de 2018.

Также, посол Ву разделяет три основные принципы развития российско-корейских отношений¹. Первый принцип: укрепление российско-корейского стратегического партнерства и доверия между двумя странами, на основе фундаментов двусторонних отношений, установленных на последних встречах глав государств до 2018 г. Во-вторых: содействовать развитию практического экономического сотрудничества на тех областях, где могут быть достигнуты ощутимые результаты. Наконец, третье: содействовать активизации обменов общественной дипломатии с целью углубления взаимопонимания и укрепления дружбы между двумя народами. Синтезируя эти принципы, Южная Корея предлагает развивать отношения с Россией на высоком уровне контактов, основываясь на экономических стратегиях и активизировать дипломатические отношения.

Со своей стороны, Россия более четко определяет интересы, которые она имеет, и то, что она надеется получить от двусторонних отношений с Кореей. Министерство иностранных дел России² предусматривает, что приоритетным направлением экономического сотрудничества с Республикой Корея в настоящее время является реализация планов развития сибирских и дальневосточных регионов России. В частности, упоминаются вопросы участия южнокорейских предприятий в проектах, реализованных в областях передового развития России и в свободном порту Владивостока, а также включение Республики Корея в динамичность взаимодействие Арктического Совета, включая участие южнокорейских судоходных компаний в развитии Северного Морского Пути, а также представителей их компаний для участия в развитии их инфраструктуры. Другими важными областями торгово-экономического взаимо-

действия являются сельское хозяйство, судостроение, электроэнергетика, рыболовство, здравоохранение и др.

Президент России В. Путин отметил, что «подъем Дальнего Востока является национальным приоритетом всего XXI века»³. Именно Южная Корея интегрирована в эту стратегию российской внешней политики и национального развития. Эта стратегия, в свою очередь, подпадает под Евразийское видение внешней политики России, которое в последние годы принимали у администрации В. Путина после «развода с Западом».

Таким образом, можно сказать, что Корея является еще одним звеном в Российской стратегии в Евразии, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Тем не менее, она далеко не самая главная. В этом регионе Китай и Япония продолжают занимать приоритетные позиции в Московской внешнеполитической повестке дня, а также в объемах торговли и в экономическом сотрудничестве в целом.

Парадоксальный вопрос заключается в том, что, хотя Южная Корея не является стратегическим партнером России на практике или самой важной в своей евразийской стратегии развития, она представляет собой часть самой большой угрозы региональной безопасности в АТР и для инициативы «Попорот России на Восток» в целом. Это потому, что до тех пор, пока Корейская ядерная угроза не будет полностью решена и отношения между двумя Кореями не будут нормализованы, Россия не сможет в долгосрочном плане конкретизировать какие-либо из своих проектов в этом регионе. Именно поэтому одним из главных, ключевых и неотложных приоритетов отношений Москвы и Сеула является вклад в завершение мирного процесса между Северной Кореей и Южной Кореей.

¹ Embajada de Corea en la Federación Rusa (2018), http://overseas.mofa.go.kr/ru-ru/wpge/m_7322/contents.do, fecha de consulta: 22 de octubre de 2018.

² Ministerio de Asuntos Exteriores de Rusia (Министерство иностранных дел Российской Федерации),

<http://www.mid.ru/ru/maps/kr/?currentpage=main-country>, fecha de consulta: 30 de octubre de 2018.

³ Ministerio de la Federación Rusa para el Desarrollo del Lejano Este, (2018) (Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока), <https://minvr.ru/>, fecha de consulta: 30 de octubre de 2018.

Целостность двусторонних отношений: Евразийская инициатива Южной Кореи.

Как отмечалось во введении, за последние годы отношения между Южной Кореей и Россией охарактеризовали себя стремлением к укреплению исключительно экономического и двустороннего аспекта. То есть, со стороны Сеула интерес состоит в том, чтобы воспользоваться экономическими возможностями, которые предлагает Дальний Восток России, в сочетании с выгодой, которая будет связана с давлением Москвы на Северную Корею в разрешении ядерного конфликта. Можно с уверенностью сказать, что российский экономический интерес один и тот же, с разницей в геополитическом преимуществе сдерживания американского действия в регионе путем содействия многосторонности.

«Евразийская инициатива» не представляет никакой новизны, так как является продолжением «Нордполитика» корейского режима конца 1980-х гг.¹ Разница, кажется нам, заключается в интегративности проекта, потому что рассматриваются уже не только экономические аспекты.

Прежде всего, Евразийская инициатива учитывает три основные темы [Ли, 2017: 109]. Во-первых, «Евразийская регионализация», поддерживает цель интеграции континентального рынка посредством строительства инфраструктуры связности и консолидации региональных соглашений о свободной торговле и совместной эксплуатации природного газа и нефти. Помимо этого, мы полагаем, что это указывает на формирование уникальной «Евразийской идентичности» от создания «геопсихологии», характеризующейся общими интересами и поиском сотрудничества [Ким, 2004; Пемпель, 2005: 3]. Это совпадает с намерением России создать Евразийский экономический союз и с «Разворотом к Востоку» В. Путина [Киркхем, 2016].

Вторая главная тема Евразийской Инициативы- «поощрение творчества». Она базируется на социальном и культурном обмене. В этой линии Сеул стремится стимулировать культурные мероприятия, молодежные форумы, культурные сети, а также интегрировать региональные цепочки добавленной стоимости, основанные на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ). В этом контексте, инициатива рассматривает три главных проекта, на которых базируется российско-корейские экономические отношения: подключение газопроводов между Северной и Южной Кореей и Россией; расширение умных сетей электроснабжения для южнокорейской и российской энергетики; а также подключение транс-Корейской железной дороги с сибирской железной дорогой (Ли, 2017: 114).

Третья тема, это «континент мира», которая направлена на создание мер укрепления доверия для решения региональной проблемы безопасности и поддержки Инициативы Мира и Сотрудничества Северо-Восточной Азии, действующей с 2014 г.²

Параллельно с китайской инициативой «Новый Шелковый Путь», Евразийская Инициатива также содействует региональной взаимосвязанности, на базе инфраструктуры, но основанной также на создании новой региональной идентичности. В этом процессе «Шелковый путь» стал важной концепцией внешней политики и построения Корейской идентичности [Дапабаев, 2018]. Из Южной Кореи было продвинуто исследование по «старому шелковому пути», и демонстрация старых корейских связей с этим явлением ранней глобализации стала приоритетной. Так, с 2014 года была сформирована «Сеть Университетов Шелкового Пути», а также «Совет Исследовательских Институтов по Евразийской Инициативе», базирующийся в

¹ Kim, H.-J. (2015, 3 de septiembre). Park, Putin discuss North Korea. The Korea Times, http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2016/09/116_186185.html, fecha de consulta: 30 de septiembre de 2018.

² Yonhap News (2014, 12 de mayo). Seoul eyes conferences to promote Northeast Asia peace initiative. Yonhap News Agency, <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2014/05/12/68/0301000000AEN20140512003600315F.html>, fecha de consulta: 19 de octubre de 2018.

Сеуле¹, и идентифицировалась бывшая столица династии Силла, Кёнджу, как начало «Старого Шелкового Пути».

Чтобы материализовать новые принципы управления двусторонних отношений, президент России посетил Сеул в ноябре 2013 г. Это был первый за одиннадцать лет российский визит на высоком уровне между двумя странами. В ходе визита были подписаны шестнадцать соглашений, две инвестиционные платформы со стоимостью 16 млрд долл. и совместный инновационный проект в Технополисе «Сколково». Также обсуждался проект железнодорожного соединения «Экспресс Железного Шелкового Пути», который объединил бы портовый город Раджин с русским городом Казань [Толорая 2013]. Для консолидации этого проекта был создан Комитет Наблюдения Евразийской Железной Дороги, а в 2014 г. был учрежден Комитет Сотрудничества с Частным Сектором Евразийской Железной Дороги. В феврале 2015 г. экономические усилия продвинулись еще на один шаг вперед с созданием Комитета Евразийского Экономического Сотрудничества [Ли, 2017: 111-112].

Важной частью строительства евразийского региона является включение Северной Кореи. В ходе встречи в сентябре 2015 г., Пак Кын Хе и В. Путин обсудили ситуацию на полуострове, а также поговорили об участии президента Кореи на Восточном Экономическом Форуме в следующем году². Тем не менее, эти действия потерпели неудачу из-за северокорейских ядерных испытаний в начале 2016 г. и критикой со стороны Сеула о российском участии в Крыму³.

Поддержка, оказанная проведению Восточного Экономического Форума в 2016 г., сыграла важную роль для улучшения двусторонних отношений. В. Путин подарил своему корейскому коллегу пергамент с новогодними пожеланиями 1979 г., написанный Паком Чоном Хи, отцом Пака Кына Хе⁴. Также, корейские компании выиграли тендер на участие в инфраструктурных стоимостью чуть более 5 млрд долл. Было решено начать переговоры для рассмотрения целесообразности соглашения о свободной торговле между Южной Кореей и ЕЭС и были подписаны 24 меморандума о взаимопонимании для развития Дальнего Востока России, стоимость которого составила 395 млрд долл.⁵

Двусторонние отношения потерпели еще одну неудачу причиной которой послужили политический кризис конца 2016 г. и северокорейский кризис в 2016-2017 гг. Первый кризис (снятие с поста президента Пак Кын Хе за коррупцию) — это кратковременное прекращение материализации Евразийской инициативы. Второй кризис, продвигал Сеул по ближе к Вашингтону. Обе ситуации оттеснили Южную Корею далеко от России.

Тем не менее, после избрания Муна Чжэин на пост президента страны, Евразийская Инициатива продолжалась. В рамках «Евразиаизма», новый президент провел встречу на высшем уровне с В.В. Путиным в сентябре 2017 г., во время Восточного Экономического Форума, в ходе которой сообщил, что «Дальний Восток – это место, где новая российская политика Восточной Азии встречается с новой корейской политикой Севера»⁶.

¹ SUN (2018a). History of SUN. Silk-Road University Network, <http://www.sun-silkroadia.org/eng/info/08.php>, fecha de consulta: 28 de septiembre de 2018.

² Kim, T. (2015, 16 de febrero). Beyond Geopolitics: South Korea's Eurasia Initiative as a New Nordpolitik. The Asan Forum, <http://www.theasanforum.org/beyond-geopolitics-south-koreas-eurasia-initiative-as-a-new-nordpolitik/>, fecha de consulta: 3 de octubre de 2018.

³ Yi, W.-W. (9 de marzo de 2016). Park's Eurasia Initiative stalled. The Korea Times, http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2016/03/120_199968.html, fecha de consulta: 04 de octubre de 2018.

⁴ Jung, N.-Y., y Kim, J.-M. (2016, 5 de septiembre). Park Gets Surprise Gift from Putin. The Chosun Ilbo, http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2016/09/05/2016090501211.html, fecha de consulta: 3 de octubre de 2018.

⁵ Jung, S.-Y. (2016, 5 de septiembre). Business Korea, <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=15747>, fecha de consulta: 3 de octubre de 2018.

⁶ Yoon, S. (2017, 7 de septiembre). 'Korea is best partner for developing Russian Far East', Korea.net, <http://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=149018>, fecha de consulta: 26 de octubre de 2018.

На самом деле, именно здесь были предложены отношения, основанные на «9 мостах», в том числе: строительство кораблей для Северного Морского Пути, энергетика, газ, железные дороги, порты, сельское хозяйство, рыболовство и рабочие места¹. Это новое предложение использует многие аспекты из Евразийской инициативы. В ноябре 2017 г. правительства обеих стран договорились активизировать переговоры по соглашению о свободной торговле между Южной Кореей и Россией [Сон, 2017].

Несомненно, Евразийская инициатива, является признаком статуса средней державы Кореи. Ее сферы деятельности и первые усилия по ее закреплению отражают озабоченность Сеула, в связи с продвижением комплексной программы регионального сотрудничества ради содействия стабильности в Северо-Восточной Азии по отношению к Северной Корее. Однако, это стало возможным из-за совпадения намерений внешней политики с Россией, поскольку сохранение стабильности Корейского полуострова является приоритетной задачей, если она хочет содействовать развитию Дальнего Востока.

В этом смысле Южная Корея не так сильно поддерживает российский мировой порядок, поскольку Россия не является глобальной державой, определяющей международную систему. Тем более, Южная Корея как средняя держава и Россия, как региональная держава согласовали повестку дня, которая, в свою очередь, совпадает с региональной повестки дня мировых держав, США и Японии.

Стратегические аспекты региональной безопасности.

Как упоминалось во втором разделе этой работы, самой серьезной угрозой для реализации целей России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в частности, для двусторонних отношений с Южной Кореей, является вопрос о ядерной угрозе, исходящей от Северной Кореи. Ни один из инвестиционных

или инфраструктурных проектов, которые позволяют России интегрироваться в динамику регионального развития, не сможет осуществляться в долгосрочной перспективе, если эта важная региональная проблема безопасности не будет решена.

Кроме того, Россия последовательно поддерживала строительство мостов между двумя корейскими государствами. Дело о нормализации межкорейских отношений, несомненно, позволит реализовать крупные партнерские проекты между Россией, Южной Кореей и Северной Кореей, такими как Международный железнодорожный коридор «Европа-Корея», строительство трубопровода Россия-Северная Корея-Южная Корея, и создание единой энергетической системы в Северо-Восточной Азии, включая восточные сибирские и российские дальневосточные регионы [Безопасность и Сотрудничество в Северо-Восточной Азии, 2015].

Почему региональная стабильность и безопасность в Северо-Восточной Азии важна для России, особенно в направлении политики «Поворот на Восток»? Для начала важно подчеркнуть политический динамизм региона и его значимость в глобальном экономическом развитии. По данным «Безопасность и сотрудничество в Северо-Восточной Азии» [Безопасность и сотрудничество в Северо-Восточной Азии, 2015: 9], Северо-Восточная Азия является наиболее динамично геополитическим пространством в развитии в мире, куда последовательно смещается центр тяжести мировой экономики и политики постепенно смещается и где во многом определяются пути и формы дальнейшего мирового развития. Бурный экономический рост уже превратил Северо-Восточную Азию в один из глобальных центров производства, распределения и потребления, главного держателя золотовалютных ресурсов, мирового инвестора.

¹ Paik, U.-G. (2017, 19 de septiembere). 9 bridges leading to Russia's Far East. Korea Joogan Daily, <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.a>

spx?aid=3038598, fecha de consulta: 26 de octubre de 2018.

Тем не менее, Северо-Восточный регион азиатского континента также характеризуется сложным балансом региональных держав и неустойчивой политической стабильностью, что аналогичным образом усиливает потенциал региона к конфликту. Таким образом, борьба за лидерство и сферы влияния становится острее. Существует напряженность в области финансов. Наращиваются вооруженные силы. В регионе находятся шесть из десяти крупнейших по численности вооруженных сил мира (Китай, США, Северная Корея, Россия, Япония, Южная Корея), три из которых (США, Россия и Китай) уже обладают ядерным оружием, в то время как Северная Корея разрабатывает их [Безопасность и сотрудничество в Северо-Восточной Азии, 2015: 8].

Именно трансформация нынешних условий региональной безопасности волнует Москву, поскольку существующая в регионе архитектура безопасности относится к «холодной войне» в формате конфронтации между США и СССР. Она не соответствует нынешней конфигурации силовых полей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ни задачам борьбы с глобальными и региональными угрозами [Безопасность и сотрудничество в Северо-Восточной Азии, 2015: 9].

Таким образом, приоритетом «номер один» Москвы в этом регионе является усиление региональной безопасности в рамках многосторонней схемы. Россия не желает мириться с абсолютным превосходством какого-либо актера региона, в том числе Китая и США. Поэтому внешняя политика России в регионе направлена на достижение консенсусного равновесия между всеми региональными актерами, чтобы не наделять одних слишком большими привилегиями и не оставлять в изоляции других.

Есть и другие вопросы международной политики, которые являются проблематическими для Кремля по отношению к соседям в данном регионе, но ни один из них не имеет такого важного значения из-за их уровня дестабилизации и их способности к эскалации, как ядерная программа Пхеньяна. Более того, вспышка вооруженного конфликта – или, что

еще хуже, ядерного – поставит под прямую угрозу российские проекты развития Дальнего Востока России. Затем, в следующих линиях кратко разрабатывается стратегическая значимость этого региона в контексте российского внешнеполитического проекта «Разворот на Восток».

Развитие Дальнего Востока России, наряду с включением России в динамику сотрудничества АТР, является одним из двух столпов российской политики в Евразии. По словам Королева [Korolev 2016: 55-56], данные свидетельствуют о том, что азиатская стратегия В. Путина не просто «Энергетический стержень с Китаем», а что Россия диверсифицирует свои ставки на региональную экономику и безопасность, расширяя сотрудничество с Южной Кореей, Северной Кореей и Японией. Это соответствует самому широкому видению многополярности России, как глобальному, так и региональному. Таким образом, развитие огромной азиатской территории России является важной частью этого обширного евразийского видения президента В. Путина.

Дальний Восток России состоит из ряда регионов России, которые формируют Дальневосточный федеральный округ (ДФО). У региона огромный экономический потенциал: в нем восемнадцать передовых экономических зон, владеет 37% лесных запасов, 70% алмазных запасов и 1/4 золотых запасов России [Коваленко, 2018]. Кроме того, регион держит экспортирует 37% своего валового регионального продукта, самого высокого из всех российских округов (Коваленко, 2018). К сожалению, несмотря на все это богатство, на Дальнем Востоке существует мало способов коммуникации, слабо развита инфраструктура, а платежи налогов и взносов в консолидированный российский бюджет, поступающие из региона, представляют

собой лишь близкие 4,5%¹. ДФО обладает большим потенциалом в области минеральных и углеводородных ресурсов, эксплуатация которых в значительной степени определяет развитие наиболее важных отраслей российской промышленности: электрической энергии, топлива, горнодобывающей промышленности, цветных металлургии, среди прочих².

Вспышка вооруженного конфликта на Корейском полуострове имел бы катастрофические последствия для России. Ларин [Larin 2013: 69] утверждает, что любой сценарий военного конфликта на Корейском полуострове представляет серьезную угрозу для населения и экономики южных районов ДФО, прежде всего для Приморского края. Автор подчеркивает, что в числе реальных угроз можно выделить нарушение судоходства в зоне Японского моря, а также международных и внутренних воздушных сообщений; радиоактивное, химическое и бактериальное заражение акватории и прибрежных районов Приморского края; несанкционированное или провокационное применение авиации и ракетного оружия противоборствующими сторонами по российской территории; наконец, массовый переход беженцев из КНДР через сухопутные и морские границы в Яньбяньский корейский автономный округ КНР и частично в Хасанский район Приморского края [Larin, 2013: 69-70].

Теперь, необходимо также представить перспективу, которую Южная Корея представляет для развития двусторонних отношений и сотрудничества с Россией в Северо-Восточном регионе Азии. Сеул понимает и уважает новую позицию России по отношению к Востоку, а также его многосторонний взгляд на мир, но отношения Корея с администрацией Д. Трампа, ограничивает политическую маневренность корейской нации.

Президент Кореи определяет Россию как "поставщика" природных ресурсов для Кореи, которые она будет трансформировать в промышленную продукцию: «сочетание огромных ресурсов на Дальнем Востоке России и передовых технологий Кореи сделает регион «земля возможностей» для процветания Кореи и России»³. Для России, осознавая необходимость инвестиций, чтобы усилить эксплуатацию природных ресурсов ДФО, эта схема сотрудничества является привлекательной и прибыльной.

Несмотря на благое желание сторон, развивать вышеуказанные схемы сотрудничества, возникает ряд проблем. Одной из них является преобразование обобщенного взгляда России в Южной Корею, как «старый враг», поддерживавший Северную Корею в годы Холодной войны. Многие южнокорейские предприниматели по-прежнему смотрят на Россию с подозрением и пытаются отделить ее от СССР, страна которая обеспечила экономическую и материальную поддержку Северной Корею во время жестокой войны 1950-1953 гг. и продолжала поддерживать режим Кима в течение нескольких десятилетий после этого⁴.

В интервью [Khryaeva 2018] с Кимом Чен-квон, Генеральный директор Корейского Агентства по Развитию Торговли и Инвестиций, было отмечено, что большинство корейцев получают информацию о России с Запада и из США; эта информация часто неверна и является реальной проблемой. Культурная дипломатия Москвы должна продолжать свои усилия к тому, чтобы представить новый образ, различный от коммунистической России, с такими проектами и политикой как Восточный Экономический Форум и Международный Экономический Форум Санкт-Петербурга, рост туризма без визового

¹ Sitio Oficial del Representante Plenipotenciario del Presidente de la Federación Rusa en el Distrito Federal del Lejano Este (2018) (Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе), <http://dfo.gov.ru/district/>, fecha de consulta: 30 de octubre de 2018.

² Там же.

³ Stanley, T. (2018). The Growing Russia-South Korea Partnership. The Diplomat, <https://thediplomat.com/2018/05/the-growing-russia-south-korea-partnership/>, fecha de consulta: 28 de octubre de 2018.

⁴ Там же.

режима между двумя странами, а также увеличение академических, культурных и экономических обменов.

Что касается роста потенциала между двумя странами и, несмотря на недавнее укрепление двусторонних отношений и политические намерения, выраженной их соответствующими главами государств, существует огромная пропасть между народами обеих стран, дистанция которая составляет почти пять десятилетий Холодной войны.

Отмена визового режима стала очень удачным шагом на пути сближения русских и корейцев, но для достижения амбициозных российских проектов на Дальнем Востоке и увеличения корейских инвестиций необходимо сотрудничество на следующем уровне. Например, у средней российской компании, не говоря уже о маленьких бизнесах, есть две проблемы: лингвистическая и правовая. Трудно найти специалистов по корейскому законодательству, на корейском языке, и без знания языка и местного законодательства в Южной Корее работать практически невозможно [Ивашенцов, 2013:12].

Таким образом, создание подготовленных кадров для проведения переговоров, представительства и создания контактов между предпринимателями является необходимым и условием для осуществления крупных инвестиционных проектов, а также для того, чтобы гарантировать, что местная промышленность, что местная промышленность, более скромная, не выходила за рамки динамики развития на Дальнем Востоке России.

Вступление Д. Трампа на пост президента США, наряду с его агрессивной риторикой против свободной торговли, затронул и Южную Корею. В середине 2017 г., Сеул согласился пересмотреть соглашение о свободной торговле между Кореей и США¹. Наряду с этим, начиная с президентских кампаний США в 2016 г. и заканчивая сближением Вашингтона и Пхеньяна в 2018 г.,

напряженность между США и Северной Кореей также затронула Сеул. В свете этих событий, администрации В. Путина и Мун Чжэ Ин продемонстрировали стратегическую заинтересованность в укреплении существующих связей сотрудничества и их распространение на другие области.

Это, по-видимому, доказывает, что российская стратегия «Разворот на Восток» и «Евразийская стратегия» Кореи сходятся воедино, в ключевом моменте и на ключевую цель: укрепление региональной безопасности путем расширения торговых отношений и совместных проектов инвестиций. Это в интересах обеспечения долгосрочное экономическое и социальное развитие Русского Дальнего Востока и Корейского полуострова.

Одним из важных показателей, позволяющий оценить, действительно ли осуществляется углубление российско-корейских двусторонних отношениях, является достижением или нет целей, поставленных президентом Мун Чжэ в расширении торговых отношений и корейской инвестиции в Россию. Еще одним показателем является постоянство и активное участие Южной Кореи в качестве одного из главных гостей Восточного Экономического Форума. Со стороны России одним из показателей стало бы наиболее активное участие в урегулировании северо-корейской ядерной проблемы, а также увеличение числа совместных инфраструктурных проектов и возрождение тех, что «заморожены».

В этом ключе, будущее двусторонних отношений Южной Кореи и России будет во многом зависеть от сближения двух векторов внешней политики. Первый из них представлен «Разворотом на Восток», который Москва показала в ее внешней политике после конфликта с Западом (т.е. США и Европейский союз) спровоцированный украинским кризисом 2013-2014 гг. Второй вектор будет зависеть от консолидации подхода Ко-

¹ Lotto Persio, S. (2017, 10 de mayo). Trump scores first win on 'horrible' South Korea trade agreement, Newsweek, <https://www.newsweek.com/trump-scores->

first-win-horrible-south-korea-trade-agreement-678892, fecha de consulta: 2 de noviembre de 2018.

реи к АТР, основанного на его статусе средней державы. Это с учетом качества стратегического союзника, который Южная Корея поддерживала с США, хотя с администрацией Д. Трампа это стало нюансом.

Тем не менее, необходимо отметить, что в совпадении этих двух векторов не важно, насколько большим интересом и импульсом Москва развивает дипломатию с Сеулом,

если последняя не готова, прежде всего, подчиняться своим внешнеполитическим интересам, а не внешнеполитическим интересам Вашингтона. Наоборот, Сеулу не будет достаточно принимать независимый и проактивный подход к Москве для улучшения сотрудничества между ними, пока Россия не сохранит в качестве приоритета свой «Разворот на Восток» (в том числе к АТР) и развитие Дальнего Востока России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ahn, S. H. (2009). Understanding Russian—South Korean Arms Trade: A Nontraditional Security Approach? *Armed Forces & Society*, 35(3), 421-436.
2. Buszynski, L. (2013). *Negotiating with North Korea: The Six Party Talks and the nuclear issue*. London: Routledge.
3. Choi, Y. J. (2009). South Korea's regional strategy and middle power activism. *The Journal of East Asian Affairs*, 23(1), 47-67.
4. Cooper, D. A. (2011). Challenging contemporary notions of middle power influence: implications of the proliferation security initiative for “Middle Power Theory”. *Foreign Policy Analysis*, 7(3), 317-336.
5. Cox, R. W. (1989). Middle power Manship, Japan, and future world order. *International Journal*, 44(4), 823-862.
6. Dadabaev, T. (2018). “Silk Road” as foreign policy discourse: The construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, 9(1), 30-41.
7. Ivashentsov, G.A (2013) Análisis exhaustivo del sistema de relaciones ruso-coreanas. En Ivashentsov, G.A (coord.) y otros. *Rusia y la República de Corea: hacia una nueva agenda de relaciones bilaterales: Cuaderno de trabajo*. Pp. 4-25). Consejo Ruso de Asuntos Internacionales.
8. Ivashentsov, G.A y Shik Shin., B (coords.) (2015). *Seguridad y Cooperación en el Asia Nororiental: Documento conjunto de expertos rusos y surcoreanos (Cuaderno de trabajo No. 25/2015)*. Consejo Ruso de Asuntos Internacionales.
9. Khryaeva, I. (2018). From the World Cup to a gas pipeline across North Korea. *Eastern Economic Forum 2018: The Roscongress Foundation magazine and catalogue*. 86-87.
10. Kim, S. S. (2004). Regionalization and regionalism in East Asia. *Journal of East Asian Studies*, 4(1), 39-67.
11. Kirkham, K. (2016). The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? *Journal of Eurasian Studies*, 7(2), 111-128.
12. Korolev, A. (2016) *Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications*. *Pacific Affairs*, 89(1), 53-73.
13. Kovalenko, V. (2018) *The FEFD's storehouse*. *Eastern Economic Forum 2018: The Roscongress Foundation magazine and catalogue*. 44-48.
14. Larin, B. L. (2013) *Amenaza de un conflicto militar en la Península Coreana*. En Ivashentsov, G.A (coord.) y otros. *Rusia y la República de Corea: hacia una nueva agenda de relaciones bilaterales: Cuaderno de trabajo*. Pp. 69-76. Consejo Ruso de Asuntos Internacionales.
15. Lee, C., & Bradshaw, M. J. (1997). South Korean economic relations with Russia. *Post-Soviet Geography and Economics*, 38(8), 461-477.
16. Lee, J. Y. (2017). Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia. En Huang J., y Korolev, A. (eds.). *The Political Economy of Pacific Russia. Regional Developments in East Asia* (pp. 103-125). Cham: Palgrave Macmillan.

17. Lee, S. J. (2012). South Korea as new middle power-seeking complex diplomacy. EAI 아시아안보이니셔티브 연구보고서, (25), 1-36.
18. Morales Ruvalcaba, D. E. (2015) Poder, estructura y hegemonía: pautas para el estudio de la gobernanza internacional. Vol. I: Índice de Poder Mundial. Guadalajara: Ediciones GIPM.
19. Pak, R.-B. (2016). Las relaciones ruso-coreanas en la etapa contemporánea y su futuro. Programa diplomático Lijachevsky de conferencias científicas internacionales "Diálogo internacional de las culturas", 71(3), 1-20.
20. Park, J. S. (2005). Inside multilateralism: The six-party talks. Washington Quarterly, 28(4), 73-91.
21. Pempel, T. J. (2005). Introduction: Emerging Webs of Regional Connectedness. En Pempel, T. J. (ed.). Remapping East Asia: the construction of a region (pp. 1-30). Nueva York: Cornell University Press.
22. Rocha Valencia, A., y Morales Ruvalcaba, D. E. (2010). Potencias medias y potencias regionales en el Sistema Político Internacional: dos modelos teóricos. Geopolítica (s). Revista de estudios sobre espacio y poder, 1(2), 251-279.
23. Rozman, G. (2008). Strategic thinking about the Russian Far East: a resurgent Russia eyes its future in northeast Asia. Problems of Post-Communism, 55(1), 36-48.
24. Teo, S. (2018). Middle power identities of Australia and South Korea: comparing the Kevin Rudd/Julia Gillard and Lee Myung-bak administrations. The Pacific Review, 31(2), 221-239.
25. Toloraya, G. (2008). The Six Party Talks: A Russian Perspective. Asian Perspective, 32(4), 45-69.
26. Troyakova, T., y Tracy, E. F. (2018). Is There a Transnational Korean Identity in Northeast Asia? The Case of Korean Diaspora in the Russian Far East. Asian Perspective, 42(3), 387-410.
27. Zabrovskaya, L. (1999). The Korean Peninsula and the Security of Russia's Primorskiy Krai (Maritime Province). En Clay J. M. (ed.). The North Korean Nuclear Program: Security, Strategy, and New Perspectives from Russia (pp. 179-194). Nueva York: Routledge.

Сведения об авторе: Палациос Кабреро Эдуардо – магистр в области зарубежного регионоведения, приглашенный эксперт Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС) (e-mail: epalacioscabrera@gmail.com); Цилли Апанго Эдуардо – магистр в области зарубежного регионоведения (Африка и Азия), профессор-исследователь кафедры Политики и Культуры, Столичный Автономный Университет (UAM), Мексика. (etzili@correo.xoc.uam.mx).

REFERENCES

1. Lancova I.S. Situativnyj antiamerikanizm v Respublike Koreya: istoriya poyavleniya i prichiny snizheniya // Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. T. 18, №1. S. 9-19.
2. Minkova K.V. Sovetsko-amerikanskije protivorechiya v reshenii korejskogo voprosa (1944-1945 gg.) // Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017. T. 17, №4. S. 839-857.

About the authors: Palacios-Cabrera Eduardo – Master of International Regional Studies, invited expert of the Center for Post-Soviet Studies (CPSS) (e-mail: epalacioscabrera@gmail.com); Tzili-Apango Eduardo – Master of International Regional Studies (Africa and Asia), full time professor at the Department of Policy and Culture of the UAM University, Mexico. (etzili@correo.xoc.uam.mx).

Концептуальные основания отношений между Узбекистаном и Россией

Ж.Р. Хуррамов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Темы исследования определяются как общим трендом активизации интеграционных процессов на территории СНГ, так и укреплением двустороннего сотрудничества России и Узбекистана. Межгосударственный диалог между двумя странами не всегда формировался в позитивном дружественном ключе. Однако сегодня при сохранении множества политических и экономических трудностей (миграционная политика, торговые отношения и пр.) произошли очевидные подвижки в сторону не просто нормализации отношений, но выведения их на новый качественный уровень. С учетом приоритетного характера развития постсоветского пространства оба государства выражают твердую позицию по преодолению сложностей современного периода, решения государственных задач и в целом укрепления стратегического российско-узбекского диалога. При этом заявляется о необходимости расширения межгосударственного диалога за счет новых областей, таких как военно-техническое, торгово-экономическое, гуманитарно-культурный отрасли. Особое внимание уделяется периоду после 2016 г, когда произошла смена власти в Республике Узбекистан и наметились определенные изменения в его внешней политике.

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, Центральная Азия, внешнеполитическая концепция, приоритеты внешней политики.

Conceptual Bases of Relations between Uzbekistan and Russia

J.R. Khurramov

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The research topics are determined both by the general trend of activization of integration processes in the CIS, and by strengthening bilateral cooperation between Russia and Uzbekistan. The interstate dialogue between the two countries was not always formed in a positive friendly manner. However, today, while maintaining many political and economic difficulties (migration policy, trade relations, etc.), there has been an obvious shift towards not just normalization of relations but bringing them to a new qualitative level. Considering the priority nature of the development of the post-Soviet space, both states express a firm position on overcoming the complexities of the modern period, solving state tasks and, in general, strengthening the strategic Russian-Uzbek dialogue. At the same time, it is stated that it is necessary to expand the interstate dialogue at the expense of new areas, such as the military-technical, trade and economic, humanitarian and cultural industries. Special attention is paid to the period after 2016, when there was a shift in power in the Republic of Uzbekistan and certain changes in its foreign policy were outlined.

Keywords: Russia, Uzbekistan, Central Asia, foreign policy concept, foreign policy priorities.

Роль и место Узбекистана в СССР

Узбекская ССР была создана 27 октября 1924 г. Стоит отметить, что республика состояла из различных стран и областей, в том числе Самаркандской область, Сырдарьинской область, Ферганской область, Хорезмской область, Бухарской область и Каракалпакская АССР. Кроме того, Таджикская АССР была включена в Узбекскую ССР до 1929 г.¹

Республика была образована в соответствии с декларацией Первого Учредительного съезда Советов Республики 13 февраля 1925 г., которая избрала Президиум ЦИК и утвердила состав СНР Узбекской ССР. После этого в 1925 г. Узбекская ССР

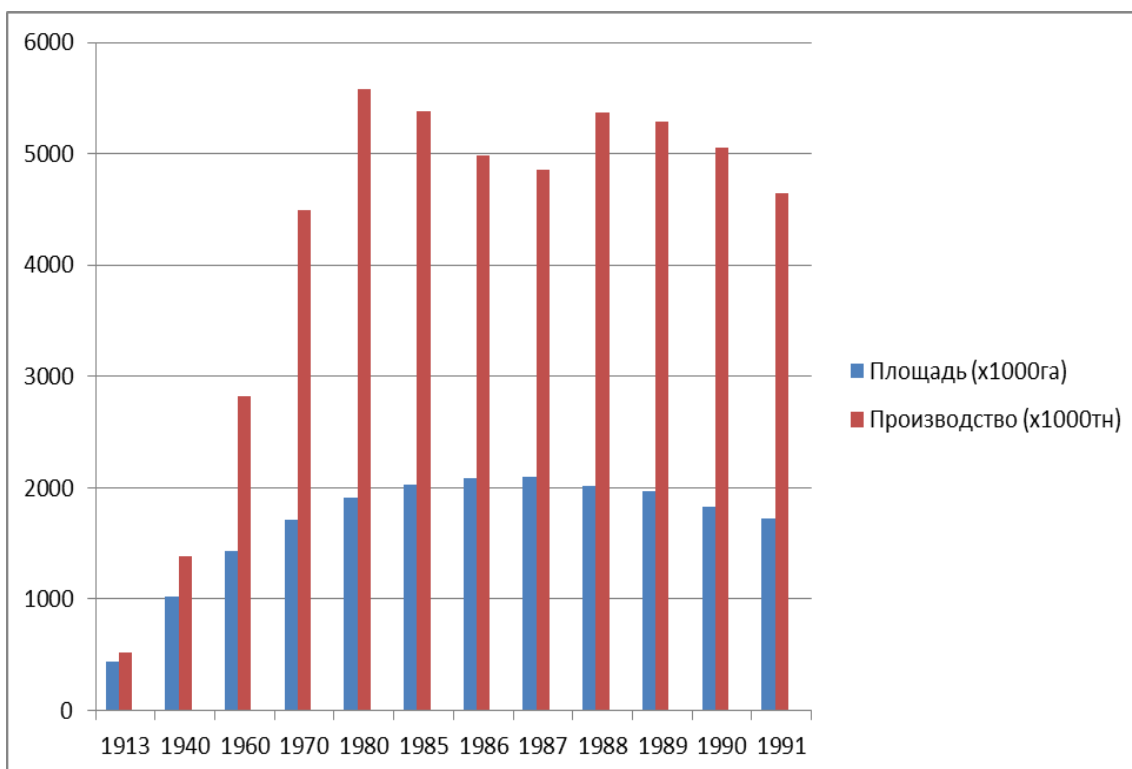
¹ Niclas Norling. Party Problems and Fictionalism in Soviet Uzbekistan / Evidence from the Communist Party

Archives. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2017 P.26,27

вошла в состав СССР как союзная республика¹.

Узбекская ССР расположена в центральных и северных частях Средней Азии. Население страны составляло 19906 тыс. чел., что было на третьем месте среди стран СССР. По территории Узбекская ССР занимало 447,4 тыс. км² и была 5-й по территории среди государств СССР.

Узбекистан играл важную роль в СССР в годы социального развития. По сути, Узбекистан стал индустриально-аграрной республикой. Кроме того, одновременно в этом регионе развивалась легкая промышленность и мощная хлопковая база СССР. Узбекская ССР была одним из ведущих производителей на постсоветском

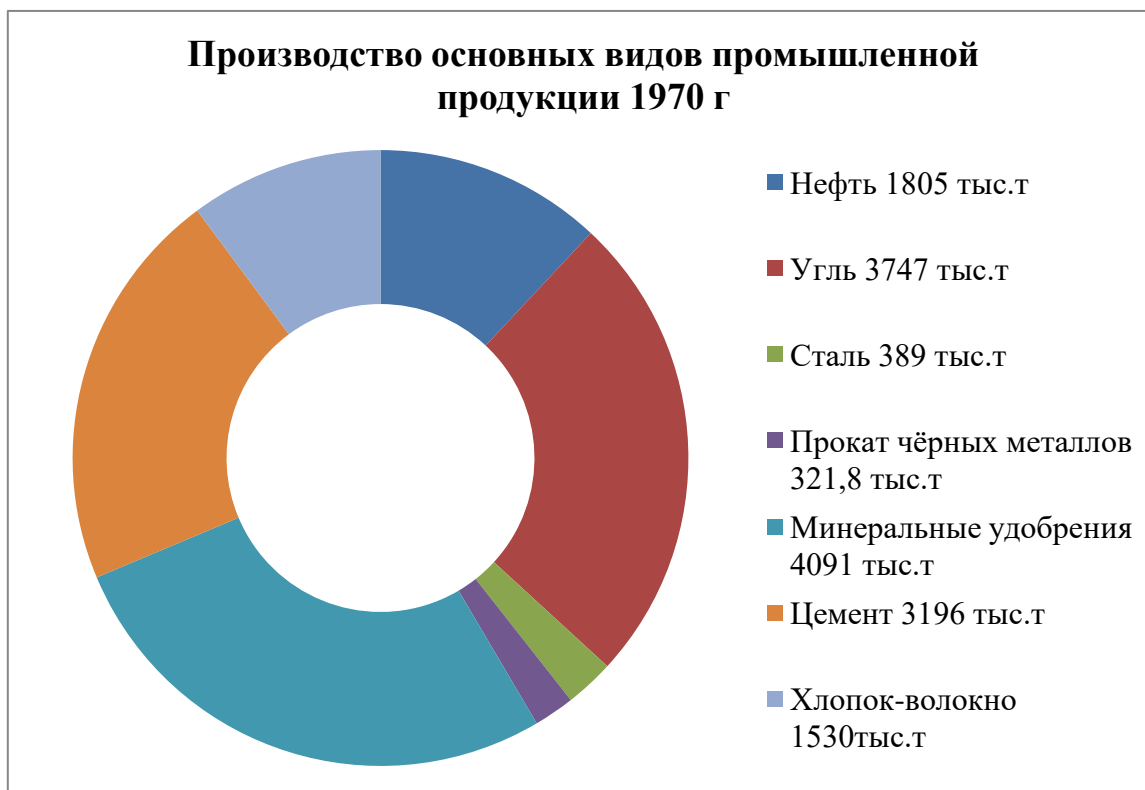
¹ Образование Узбекской ССР. Вопросы Национальной Политики и Государственного

Строительства. Обновлено: Март 2, 2017 - [Режим доступа]: <http://vek-noviy.ru> (Дата обращения: 03.12.2018)

пространстве с точки зрения хлопка и других продуктов.

Узбекская ССР была лидером в промышленности и производстве среди стран Центральной Азии. Например; Узбекская

За годы войны Узбекистан принял более миллиона человек из оккупированных регионов России - Украины и Белоруссии. Из них 200 000 были детьми. Население Узбекистана понимающе отнеслось к бедам

ССР заняла первое место по хлопководству, поскольку 85% орошаемых земель занимались этим производством и ежегодно производила от 60 до 70% всей советской продукции¹.

Следующий график описывает развитие хлопковой промышленности Узбекской ССР с 1913 по 1991 гг. Как видно, хлопковая промышленность начала развиваться после Второй мировой войны. (График 1)²

Хлопковая промышленность была важна для экономики страны так же, как СССР. Однако на хлопковой отрасли узбекского производства были колебания. Например: с 1980 по 1985 гг. хлопковая промышленность достигла пика и через два года снизилась с 1986 по 1987 гг., а затем снова достигла пика в 1988 году, после чего постепенно продолжала снижаться.

Роль Узбекской ССР в победе СССР во Второй мировой войне

этих людей и оказывали необходимую гуманитарную помощь. Им было выделено 135 000 м² жилья. Много было сделано для трудоустройства перемещенных лиц. Только в Ташкенте в 1941-1942 гг. было трудоустроено около 240 тыс. чел.

В годы войны многие солдаты были ранены, в том числе солдаты Узбекской ССР. В начале войны правительство республики начало создавать дополнительные больницы. 1 октября 1941 г. в Народном комиссариате здравоохранения Узбекистана было построено 47 больниц, которые могли принять 14950 пациентов, оснащенных необходимым оборудованием. Эвакуированным больницам были выделены лучшие здания Ташкента и других крупных городов Узбекской ССР. К концу 1942 г. на территории Узбекистана находилось 113 прививочных больниц на 39140 мест. Во время войны 164 382 раненных были

¹ Soviet Cotton Production in the Post War Period / Office of Research and Reports Central Intelligence Agency//CIS Historical Review Program Release as Sanitized 1999. P.16

² Хлопковый путь Узбекистана // <https://ru.ictsd.org/bridges-news>

госпитализированы, из которых 87% получили лечение. Более 750 предприятий, организаций и колхозов позаботились о больницах, чтобы обеспечить полноценное питание на фронте, а весь узбекский народ позаботился о раненых¹.

Победа СССР над вооруженными силами Германии, самоотверженный труд рабочих страны, в том числе узбеков, имеет решающее значение. Промышленность Узбекистана отправила на фронт во время войны 2100 боевых самолётов, 17342 транспортных самолётов, 17100 минометов, 4500 единиц оружия массового уничтожения, около 60 000 военной техника, 22 миллиона единиц мин и 500 000 танков, 3 миллиона радиоламп, 300 000 парашютов, 5 поездов, 18 санитарных поездов, 2200 переносных кухонь было доставлено 2861,5 тыс. ед. войск.

Стоит отметить, что после второй мировой войны политика индустриализации Узбекской ССР начала развиваться. А также стоит отметить, что после окончания этой

войны Узбекская ССР в основном обратила свое внимание на развитие внутреннего производства и экспорта.

Следующие две диаграммы показывают нам 20-летние изменения в области производства различных продуктов Узбекской ССР (диаграмма 1²).

На первом графике мы видим, что основные продукты, которые производила Узбекская ССР, — это нефть и уголь, а наименее производимые продукты — это сталь, проката черных металлов. (диаграмма 2)³.

На этом графике мы можем увидеть те же продукты после 20-летнего периода. Были некоторые изменения в некоторых продуктах, и некоторые из них не изменились, это такие как сталь, проката черных металлов, которые были наименее произведены и остались такими же после 20 лет. Большое изменение произошло с цементом, поскольку его производство увеличилось в два раза. Основываясь на этом графике, можно сделать вывод, что наиболее

¹ Ikkinchi jahon urushi yillarida o'zbek xalqining fashizm ustidan qozongan g'alabaga qo'shgan hissasi. Urushning boshlanishi. Umumiy harbiy safarbarlik. 07.09.2017 - [Режим доступа]: <http://hozir.org/ikkinchi-jahon-urushi-yillarida-ozbek-xalqining-fashizm-ustida.html> (Дата обращения: (09.12.2018))

² Узбекская Советская Социалистическая Республика. - [Режим доступа]: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/113/685.htm> (Дата обращения: (05.12.2018))

³ Там же.

произведённой продукцией Узбекской ССР в СССР была нефть и уголь, поэтому Узбекская ССР сыграла значительную роль в экспорте нефти и угля в СССР. Почему производство цемента увеличилось в 1970 г.? Это потому, что в то время началась реконструкция в Узбекистане. Причиной реконструкции стало землетрясение 1966 г. в Ташкенте. Москва сыграла значительную роль в реконструкции Ташкента после землетрясения. Московское правительство помогло народу Узбекистана, в короткие сроки построив для них новые квартиры.

Узбекская ССР на пути к независимости.

Получение независимости было нелегким для Узбекистана. По словам исследователя, фундамент для шага к независимости был заложен Шарафом Рашидовым, который был первым секретарем коммунистической партии Узбекистана с 1959 по 1982 гг. За время своего пребывания в правительстве он пытался собрать своих родственников и друзей, чтобы Узбекский ССР мог работать вместе и быть независимыми. В то время Москва выбирала для правительства в основном русских, но шаг за шагом в Узбекистане число узбеков в правительстве начало расти, благодаря политике Ш. Рашидова, который хотел сделать Узбекистан менее подконтрольным Москве¹.

После смерти Ш. Рашидова Москва снова взяла под контроль Узбекскую ССР.

Стоит отметить, что в Узбекистане к концу 1980-х гг. некоторые несогласные интеллектуалы создали политические организации для выражения своих претензий. Самый важный из них, «Бирлик» («Единство»), первоначально выступал за диверсификацию сельского хозяйства, программу по спасению высохшего Аральского моря и провозглашение узбекского языка государственным языком республики. Эти вопросы были выбраны отчасти потому, что они вызвали реальное беспокойство, а отчасти потому, что они являлись более безопасными способами выражения более широкого недовольства

узбекским правительством. В своих публичных дебатах с Бирликом правительство и партия никогда не теряли своих позиций. Как стало особенно ясно после вступления Каримова в качестве главы партии, большинство узбеков, особенно вне городов, все еще поддерживали коммунистическую партию и правительство. Интеллектуальные лидеры Бирлика никогда не могли обратиться к широкому кругу населения.

Ключевым моментом, который стимулировал движение к независимости, была попытка советского переворота против Горбачева в августе 1991 г. Большинство лидеров Центральной Азии активно или пассивно поддержали переворот.

Узбекистан становится независимым

К весне 1991 г. парламент всех пяти республик провозгласил свой суверенитет. Узбекистан стал похож на четыре других государства Центральной Азии, которые обрели независимость 26 декабря 1991 г., когда СССР формально распался.

Попытка государственного переворота против правительства Горбачева недовольными сторонниками жесткой линии в Москве, которая произошла в августе 1991 г., послужила катализатором движения за независимость по всему Советскому Союзу. Несмотря на первоначальную нерешительность Узбекистана противостоять перевороту, Верховный Совет Узбекистана объявил республику независимой 31 августа 1991 г.² В декабре 1991 г. был проведен референдум о независимости с 98,2% голосов избирателей. В том же месяце был избран парламент, а И. Каримов был избран первым президентом новой страны.

На основании исследования роли и места Узбекской ССР можно сделать следующие выводы: если говорить об экономике, то Узбекская ССР была одной из ведущих среди республик постсоветского пространства по производству хлопка и промышленному производству. Значительным был и вклад узбекского народа в Победу в Великой Отечественной войне. Среди узбеков – 69 Героев Советского Союза. УзССР

¹ Niclas Norling. Party Problems and Fictionalism in Soviet Uzbekistan / Evidence from the Communist Party Archives. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2017 P.12, 92

² Шинкарецкая Г.Г. Как распался Союз Советских Социалистических Республик, 2010. С.16

приняла много детей и людей из других республик. Народ Узбекской ССР позаботился о них. Вот почему узбекский народ называют великим узбекским народом.

Принципы и механизмы внешней политики Узбекистана.

После обретения независимости Узбекистан начал развивать двухсторонние отношения с зарубежными странами, в основном с соседними. Кроме того, Узбекистан создал основные задачи своей внешней политики и начал действовать в соответствии с этими задачами. Основными задачами внешней политики Республики Узбекистан являются дальнейшее укрепление независимости и суверенитета государства, повышение роли страны и международной политики, создание максимально благоприятных условий для обеспечения национальной и региональной безопасности, устойчивого и динамичного развития национальной экономики. Продолжая поступательное движение к открытому демократическому государству, пополняя ряды развитых стран мира¹.

Основными внешнеполитическими задачами Узбекистана на современном этапе являются:

1. Последовательное развитие международного сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной, гуманитарной, научно-технической и других областях;
2. Создание максимально благоприятных внешнеполитических условий для эффективного осуществления демократических реформ в стране и динамичных процессов модернизации общества и экономики;
3. Сохранение и укрепление мира и стабильности в Центральной Азии, превращение региона в зону безопасности и устойчивого развития, содействие достижению мира и стабильности в Афганистане;
4. Формирование сбалансированной и многоплановой системы стратегического партнерства с ведущими государствами мира и международными организациями, поддержание геополитического равновесия в

регионе, широкая диверсификация торгово-экономических, технологических, транспортных и других отношений Узбекистана;

5. Использование политических, дипломатических и международно-правовых механизмов, включая меры превентивной дипломатии, для своевременного решения существующих или возникающих проблем в регионе;
6. Укрепление международного имиджа Узбекистана как надежного политического и экономического партнера, повышение инвестиционной, туристической, культурной и исторической привлекательности страны на международной арене;
7. Активное развитие и использование механизмов двустороннего и многостороннего сотрудничества для стимулирования привлечения прямых иностранных инвестиций и высоких технологий в приоритетные отрасли национальной экономики;
8. Содействие в формировании и развитии многоплановой системы международных транспортных и коммуникационных коридоров, обеспечивающей надежный и стабильный доступ Узбекистана к мировым рынкам;
9. Обеспечение комплексной защиты прав и интересов граждан и юридических лиц Республики Узбекистан за рубежом².

Основываясь на этих задачах, можно сделать следующий вывод:

- Приоритетным регионом Узбекистана является Центральная Азия;
- Внешняя политика республики ориентирована в основном на развитие торговли, экономики, культурного и научно-технического сотрудничества;
- Узбекистан поддерживает мир и безопасность;
- Узбекистан прилагает особые усилия для развития своего международного имиджа как надежного политического и экономического партнера.

Республика Узбекистан установила основополагающие принципы своей внешней политики, что подчеркивается

¹ Uzbekistan: 25 years of independence – the model strives on [Режим доступа]: <https://economictimes.indiatimes.com> (Дата обращения: 02.12.2018)

² Foreign policy of the Republic of Uzbekistan [Режим доступа]: <http://www.uzbekistan-geneva.ch/cooperation-with-international-organisations-93.html> (Дата обращения: 02.01.2019)

Министерством иностранных дел Узбекистана следующим образом: основополагающие принципы внешней политики Республики Узбекистан является основным проведение открытой, прагматичной и сбалансированной внешней политики, основанной на национальных интересах, а также развитие равноправных и взаимовыгодных отношений с другими странами на основе общепризнанных международных норм и принципов, уважения суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела, мирного урегулирования споров не применения силы¹.

Узбекистан проводит мирную политику и не участвует в военно-политических блоках и оставляет за собой право покинуть любое межгосударственное образование в случае его превращения в военно-политический блок².

Стоит отметить, что Узбекистан проводит политику независимости и баланса сил между основными игроками, присутствующими в Центральной Азии (Россия, Китай, США и Евросоюз). На протяжении многих лет его участие в региональных организациях носило противоречивый характер³.

Внешняя политика Узбекистана на новом этапе оказала влияние на соседние страны, особенно на регион Центральной Азии, в котором Республика Узбекистан сейчас проводит внешнюю политику под названием «Центральная Азия прежде всего». Спустя несколько месяцев после выборов президент Республики Узбекистан, Ш. Мирзиёев утвердил пять основных приоритетных направлений развития Республики Узбекистан, и это планируется сделать до 2021 г.⁴ Стратегия действий президента Республики Узбекистан включает пять больших глав, и каждая глава состоит

из нескольких частей, которые определяют эту главу.

Политико-правовая база двусторонних отношений Узбекистана и России

Прежде всего, следует отметить, что Узбекистан стал независимым государством 31 августа 1991 г. Соответственно, после получения независимости Узбекистан стал считать себя главной стратегической силой в регионе ЦА после распада Советского Союза. Учитывая ее население и центральное расположение, а также ее политическая элита РУ воспринимал Россию как главного соперника их ведущей роли в Центральной Азии⁵. Первый шаг к дипломатическим отношениям между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией был сделан в 1992 г., когда две стороны подписали соглашение, касающееся дипломатических отношений Узбекистана и России. В том же году Москва и Ташкент подписали пять дипломатических протоколов и соглашений, четыре из которых все еще действуют, а один из них в настоящее время не действует. Первый протокол об установлении дипломатических отношений между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией, подписанный 20 марта 1992 г.⁶ В этом дипломатическом документе контекст в основном касается начального этапа развития международных отношений между двумя государствами, а также направлена на содействие реализации целей и принципов СНГ и этот дипломатический документ все еще действует. В соответствии с соглашением и протоколами, подписанными в том же году, Узбекистан и Россия договорились развивать свои двухсторонние дипломатические отношения на уровне посольств. В настоящее время Россия имеет посольство в Ташкенте, и Узбекистан имеет посольства в РФ, точнее в Москве, Санкт-

¹ Министерство Иностранных Дел Республики Узбекистан // Внешняя Политика [Режим доступа]: <https://mfa.uz/ru/cooperation/> (Дата обращения: 02.02.2019)

² Richard Weitz. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership 2018г. P.9

³ Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Узбекистана в 2004-2007 гг.: от стратегического партнерства с США к союзническим отношениям с Россией. С. 93-95.

⁴ Указ президента Республики Узбекистан, Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 — 2021 годах г. Ташкент, 7 февраля 2017 г., № УП-4947

⁵ Vaclav Lidl. Uzbekistan's Foreign Policy / The pendulum Diplomacy between the US and Russia, 2014. P 55.

⁶ Протокол об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 20 марта 1992, подписан в г. Киве 20.03.1992.

Петербурге и Новосибирске. Вследствие этого через два месяца после подписания соглашения был подписан еще один дипломатический документ, касающийся соглашения двух государств на основе международных отношений, а также дружбы и сотрудничества между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией. Это двухстороннее соглашение отличается от предыдущего. Разница заключается в том, что он гораздо шире и касается различных аспектов двухсторонних отношений России и Узбекистана. Соглашение включает 27 статей, в основе которых лежат территориальные вопросы и уважение двух государств к их истории, языку, нации и мирным отношениям. Кроме того, следует отметить, что статья 10 основана на экономических отношениях Российской Федерации и Узбекистана, которые республика играет на начальном этапе развития двусторонних отношений в области экономики.

Следует отметить, что встречи глав Узбекистана и России в рамках международных саммитов также сыграли важную роль в развитии двухсторонних отношений. Встреча президента Узбекистана и России состоялась в марте 1994 г. в Москве, и Б. Ельцин и И. Каримов подписали еще один комплекс соглашений, касающихся продления предыдущего соглашения о военном сотрудничестве, в котором подчеркивалось, что стороны не должны позволять кому-либо использовать свои территории для атаки другой подписавшей. В соответствии с этим двусторонним соглашением обе стороны должны предоставлять друг другу военные объекты и войска, когда это необходимо¹.

Правовая база российско-узбекского сотрудничества состоит из более 200 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, касающихся различных областей, в том числе

военного, экономического и гуманитарного сотрудничества².

Всестороннее сотрудничество между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией развивается на основе Соглашений о стратегическом партнерстве (2004 г.) и союзнических отношений (2005 г.)³. Двухстороннее соглашение о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан было подписано 6 июня 2004 г., что сыграло значительную роль в развитии двусторонних отношений между двумя государствами. Соглашение о стратегическом партнерстве включает в себя 15 статей, касающихся различных аспектов. Например: статья 3 касается поддержки друг друга при рассмотрении вопросов, затрагивающих их национальные интересы в международных процедурах, а статья 7 касается взаимодействия с военными объединениями двух государств, например: доставка военной продукции в Республику Узбекистан из Российской Федерации, обучение в военных училищах, двустороннее военное сотрудничество и др.

Договор о союзнических отношениях между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией считается важнейшим двухсторонним соглашением, играющим основную роль в развитии международного стратегического партнерства между Узбекистаном и Россией, также играет важную роль в развитии всестороннего сотрудничества между двумя странами. Договор включает 16 статей, связанных с различными аспектами. Например: Статья 5 посвящена совместной работе по укреплению мира, укреплению стабильности и безопасности на глобальном и региональном уровнях. В частности, в договоре подчеркивалось дальнейшее укрепление центральной роли ООН и ее Совета Безопасности, реализация целей и принципов, закрепленных в документах ОБСЕ, предотвращение и

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в военной области подписан в г. Москве 02.03.1994.

² Межгосударственные отношения России и Узбекистана // РИА новости - [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180609/1522124017.html> (Дата обращения 15.12.2018).

³ Договор о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Подписан в г. Ташкенте 16.06.2004.

Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан подписан в г. Москве 14.11.2005.

разрешение конфликтов и решение региональных и глобальных проблем безопасности и стабильности. Кроме того, в шестой статье Российская Федерация и Республика Узбекистан договорились о сотрудничестве в борьбе с терроризмом и аналогичными действиями и незаконным оборотом наркотиков. Контракт в настоящее время в силе, и его дата вступления в силу 19 июля 2006 г.

Когда мы говорим о развитии двусторонних отношений между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией, мы должны помнить об официальных визитах президентов двух государств. После этого стоит упомянуть официальный визит Президента Республики Узбекистан в Москву 14-15 апреля 2013 г.¹ Во время своего визита в Москву И. Каримов осветил вопросы, связанные с террористической организацией «Талибан» и борьбой ней. А также он сказал, что мы, как государства-члены ШОС, должны работать на месте, чтобы найти решение таких проблем, и он также сказал, что без России эти проблемы не могут быть решены.

Кроме того, они обсудили наиболее важные темы двустороннего сотрудничества, наметили конкретные планы на будущее в политической, торгово-экономической, культурной и гуманитарной сферах, а также подписали программу экономического сотрудничества между Правительством Республики Узбекистан и Республикой Узбекистан. Правительство Российской Федерации на 2013-2017 гг.

Следует отметить, что Республика Узбекистан и Российская Федерация имеют схожие позиции по различным вопросам внешней и региональной политики и одновременно работают над дальнейшим развитием своих внешнеполитических взаимодействий.

Республика Узбекистан и Российская Федерация осуществляют взаимную

поддержку в международных организациях, включая ООН, ШОС и СНГ. Кроме того, Узбекистан и Россия имеют схожую внешнюю политику в различных аспектах. Например; они оба поддерживают политику сохранения и укрепления мира и стабильности в регионе СНГ, и в то же время поддерживают сотрудничество в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков. Ташкент и Москва хотят укреплять сотрудничество в рамках международных организаций, таких как ООН, ШОС и СНГ. Согласно нескольким источникам, у этого есть большой потенциал².

Следующий визит президента состоялся в Ташкенте, где Д. Медведев (третий президент Российской Федерации) посетил Узбекистан с рабочим визитом в июле 2011 г. Он принимал участие в обсуждениях на саммите в Ташкенте. Президенты Узбекистана и России обсудили предпосылки сотрудничества Республики Узбекистан и Российской Федерации в обеспечении стабильности безопасности в центрально-азиатском регионе³. В ходе его визита было подписано несколько соглашений, в том числе соглашение двух государств о предоставлении дипломатических представительств России и Узбекистана, а также программа сотрудничества МИД. Следующим визитом, сыгравшим важную роль в двусторонних отношениях двух государств в торгово-экономической и гуманитарно-культурной сферах, стал официальный визит Президента Узбекистана в Российскую Федерацию в Уфе 10 июля 2015 г. В ходе визита президента Узбекистана в Россию обсуждалось несколько вопросов, в том числе вопросы, которые отстают в развитии двусторонних отношений в таких областях, как торговля, экономика, культура и гуманитарные вопросы, а также вопросы

¹ Владимир Путин встретится с президентом Узбекистана Исламом Каримовым - [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/332> (Дата обращения 15.12.2018).

² Совместное заявление по итогам официального визита Президента Республики Узбекистан И.А.

Каримова в Российскую Федерацию - [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/526 (Дата обращения: 1.12.2018).

³ Визит Президент России в Узбекистан - [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/1155> (Дата обращения: 2.12.2018).

региональной безопасности¹. Стоит отметить, что культура играет важную роль в двусторонних отношениях, и два государства, Россия и Узбекистан, уважают культурные традиции и историю друг друга. Вследствие этого является уважение Узбекистана к российской культуре, в республике действуют 22 российских культурных центра, объединяющих региональные и городские общественные культурные объединения, а также более 700 школ получают образование на русском языке. После обретения независимости двусторонние отношения между Узбекистаном и Россией активизировались, особенно в таких областях, как культура, наука, информационные технологии, здравоохранение, спорт и туризм. Активизации двусторонних отношений в этих областях можно видеть по соглашению, подписанному 19 марта 1993 г., которое касалось сотрудничества в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма². Соглашение включает в себя 12 статей, которые играют значительную роль в развитии двусторонних отношений между двумя государствами и в настоящее время она действует. Республика Узбекистан и Российская Федерация подписали различные соглашения, договоры и протоколы в области туризма на пути развития двусторонних отношений в этой области. Согласно исследованию, Россия и Узбекистан подписали соглашение о туризме в 1993 г., а через 24 года еще одно соглашение было подписано в 2017 г. о развитии сотрудничества в сфере туризма, в рамках которого это соглашение было подписано при втором президенте Республики Узбекистан³. Ш. Мирзиёев впервые посетил Москву в качестве второго президента Республики Узбекистан в 2017 г. Это означает, что через 24 года Узбекистан коснулся этой темы,

поскольку Республика Узбекистан предпринимает усилия по расширению двусторонних отношений с Российской Федерацией.

Очередной визит Президента России В.В. Путин в Узбекистан состоялся 10 декабря 2014 г., и этот визит сыграл важную роль в развитии экономических отношений в течение следующих пяти лет. В ходе его визита в Узбекистан было подписано несколько двусторонних соглашений, в том числе межправительственные соглашения, экономическое сотрудничество, и в то же время две стороны обсудили как будут развивать двусторонние отношения в области экономического сотрудничества⁴.

Республика Узбекистан и Российская Федерация считаются стратегическими партнерами, так как они имеют более высокий товарооборот по сравнению с другими государствами в регионе Центральной Азии, за исключением Казахстана. Стоит отметить, на основе стратегического партнерства было подписано соглашение о развитии экономического сотрудничества на пять лет с 2015 по 2019 гг., в этом двустороннем экономическом соглашении разъясняются основные направления экономического сотрудничества Узбекистана и России. Соглашение включает 6 статей, в которых указаны основные цели и направления деятельности. Статьи в основном касаются сотрудничества двух государств в области транспорта и коммуникаций, а также межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан.

Кроме того, следует отметить, что главы государств Узбекистана и России регулярно встречаются на многосторонних саммитах и встречах в рамках СНГ и ШОС. Следующий официальный визит Президента России и Узбекистана состоялся

¹ Встреча с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым - [Электронный ресурс] URL: www.kremlin.ru/news/8010 (Дата обращения: 9.12.2018).

² Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Узбекистан о развитии сотрудничества в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма, подписан в г. Москве 19.03.1993

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о развитии сотрудничества в области туризма подписан в г. Москве 05.04.2017

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об основных направлениях развития и углубления экономического сотрудничества на 2015 - 2019 годы подписан в г. Ташкенте 10.12.2014.

спустя два года, когда Президент Узбекистана И. Каримов посетил Россию с официальным визитом 25-26 октября 2016 г.¹ Этот официальный и рабочий визит также сыграл важную роль в развитии двусторонних отношений между двумя государствами. Стороны обсудили перспективы развития двустороннего сотрудничества в различных сферах, а также обсудили взаимодействие в рамках СНГ и ШОС. А также состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам в мире, а также в регионе СНГ. В рамках этого официального визита Президента Республики Узбекистан в Россию были подписаны некоторые соглашения, программа сотрудничества, меморандумы в различных областях.

Стоит отметить, Узбекистан опирается на военное сотрудничество с Россией в пограничных вопросах республики. Согласно соглашению между Россией и Узбекистаном в области военного сотрудничества, Россия должна оказывать военную помощь Узбекистану не только в случае прямой агрессии с юга, но и для укрепления границ Узбекистана. Южная граница Узбекистана важна для республики, как первый президент Узбекистана сказал на встрече с президентом России в 1992 г.: «Мы заботимся о безопасности нашей южной границы» и ожидаем от России военной поддержки. 30 мая 1992 г. в Москве было подписано узбекско-российское соглашение. Большинство пунктов соглашения касалось военных вопросов, включая подготовку личного состава для узбекской армии в российских военных школах².

Вместе с Россией Узбекистан сумел поддержать «буферную зону» в Северном Афганистане путем защиты власти в южной части Узбекистана. Эта «буферная зона» обеспечивала безопасность южных границ Узбекистана. После того, как

Талибан пришел к власти на севере Афганистана, «буферная зона» была практически уничтожена. На границе возникла критическая ситуация. В это время, Узбекистан обратился к России за военно-технической помощью в рамках Договора о военно-техническом сотрудничестве и двустороннего соглашения между Узбекистаном и Россией³.

По данным исследования, Россия и Узбекистан являются стратегическими партнерами и в то же время имеют союзнические отношения с 2004 г. Основной базой двусторонних документов Узбекистана и России является протокол об установлении дипломатических отношений, соглашение о стратегическом партнерстве и соглашение о союзнических отношениях. Эти двусторонних документов играют основополагающую роль в межгосударственных отношениях между Россией и Узбекистаном.

На основании рассмотренного процесса и областей изучения первой главы можно сделать следующие выводы:

Сотрудничество России и Узбекистана является взаимовыгодным. Если вернуться к истории, Узбекистан был одним из основных производителей в СССР. Основываясь на исследовании, можно заметить, что после распада СССР не было стабильных двусторонних отношений между Россией и Узбекистаном, двусторонние отношения которых начали развиваться после подписания соглашения о стратегических партнерах в 2004 г. и соглашения о союзнических отношениях в 2005 г. В настоящее время внешняя политика Узбекистана меняется, республика открыта для инвестиций, и многие зарубежные страны в настоящее время инвестируют в Узбекистан. Ташкент оказывает хорошее влияние на регион Центральной Азии, что выгодно как для республики, так и для стран Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Lidl V. Uzbekistan's Foreign Policy / The pendulum Diplomacy between the US and Russia, 2014. P 55.

¹ Российско-узбекские переговоры от 26. 10.2016 - [Электронный ресурс] ULR: <http://kremlin.ru/events/president/news/51792> (Дата обращения: 01.12.2018).

² Pikulina M. Uzbekistan in the Mirror of Military Security: A Historical Preface to Current Events // Conflict

Studies Research Centre, Defense Academy of the United Kingdom, November 1999.

³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан о развитии военно-технического сотрудничества подписан в г. Москве 29.10.2016

2. Norling N. Party Problems and Fictionalism in Soviet Uzbekistan / Evidence from the Communist Party Archives. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2017 P. 26-27.
3. Pikulina M. Uzbekistan in the Mirror of Military Security: A Historical Preface to Current Events // Conflict Studies Research Centre, Defense Academy of the United Kingdom, November 1999.
4. Soviet Cotton Production in the Post War Period / Office of Research and Reports Central Intelligence Agency//CIS Historical Review Program Release as Sanitized 1999. P.16.
5. Weitz R. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership 2018г. P.9.
6. Ахмедов Х.Т., Смолик Н.Г. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования, 2019. Т. 2, №1. С. 854-865.
7. Ахмедов Х.Т. Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в Центральноазиатском регионе // Постсоветские исследования, 2019. Т. 2, №4. С. 1180-1186.
8. Базылева С.П., Черненко Е.Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016; 16(3). С. 505-520.
9. Внешняя политика стран СНГ // Под ред. Д.А. Дегтерева, К.П. Курылева. М.: Аспект Пресс, 2019.
10. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018; 18(2). С. 292-303.
11. Рахимов К.Х., Курылев К.П. Роль Шанхайской Организации Сотрудничества в обеспечении безопасности в Центральной Азии. [б. м.]: Издательские решения, 2018. — 202 с.
12. Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Узбекистана в 2004-2007 гг.: от стратегического партнерства с США к союзническим отношениям с Россией. С. 93-95.
13. Шинкарецкая Г.Г. Как распался Союз Советских Социалистических Республик, 2010. С.16.

Сведения об авторе: Хуррамов Жонибек Рустамович – магистр в области международных отношений кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: jonibek1293@mail.ru).

REFERENCES

1. Ahmedov H.T., Smolik N.G. Respublika Uzbekistan v integracionnyh processah na postsovetском prostranstve // Postsovetskie issledovaniya, 2019. Т. 2, №1. S. 854-865.
2. Ahmedov H.T. Uchastie Uzbekistana v razvitii voenno-politicheskoj integracii i obespechenii regional'noj bezopasnosti v Central'noaziatskom regione // Postsovetskie issledovaniya, 2019. Т. 2, №4. S. 1180-1186.
3. Bazyleva S.P., Chernenko E.F. Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii kak stabiliziruyushchij faktor na evrazijskom prostranstve // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016; 16(3). S. 505-520.
4. Vneshnyaya politika stran SNG. Pod red. D.A. Degtereva, K.P. Kuryleva. M.: Aspekt Press, 2019.
5. Kazancev A.A., Gusev L.YU. Reformy vo vneshnej politike Uzbekistana: osnovnye dostizheniya i scenarii razvitiya // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018; 18(2). S. 292-303.
6. Troickij E.F. Vneshnyaya politika Uzbekistana v 2004-2007 gg.: ot strategicheskogo partnerstva s SSHA k soyuznicheskim otnosheniyam s Rossiej. S. 93-95.
7. SHinkareckaya G.G. Kak raspadalsya Soyuz Sovetskih Socialisticheskikh Respublik, 2010. S.16.

About the author: Khurramov Zhonibek R. Master of International Relations international relations of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: jonibek1293@mail.ru).

ПРОБА ПЕРА

Украинский кризис в оценках экспертно-аналитических центров США и ЕС

А.В. Пуртова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются выводы и рекомендации аналитиков «мозговых центров» США и ЕС по вопросам урегулирования украинского кризиса и определения места Украины в международных отношениях, а также в каком формате следует выстраивать отношения США, Евросоюза и России. Опираясь на материалы (монографии, статьи, интервью и т.д.), автор проводит сопоставительный анализ теоретических выводов, рекомендаций и их практической реализации в международной политике и отражение во внешнеполитических стратегиях государств.

Ключевые слова: Украина, кризис, «фабрики мысли», think tanks, США, ЕС.

Ukrainian Crisis in the Estimates of Think-Tanks of the US and EU

А.В. Пуртова

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the findings and recommendations of analysts of US and EU think tanks on resolving the Ukrainian crisis and determining Ukraine's place in the Ministry of Defense, and in what format the US, EU and Russian relations should be built. Based on the materials (monographs, articles, interviews, etc.), the author conducts a comparative analysis of theoretical conclusions, recommendations and their practical implementation in international politics and reflected in the foreign policy strategies of states.

Keywords: Ukraine, crisis, "thought factories", think tanks, USA, EU.

Оценки американских «фабрик мысли» об украинском кризисе во внешнеполитической стратегии США.

Распространение американского политического и экономического влияния в европейском регионе определило стратегическую значимость ЕС для США. Расширение НАТО на Восток и оформление географических границ Евросоюза в 1990-х гг. – начале 2000-х гг. сфокусировало внимание США на Балтийских государствах и Украине, одном из важнейших геополитических центров, разделяющих Европу и Азию. Учитывалось и становление России, как нового актора международных отношений. США рассматривали два варианта развития событий: первый, который их полностью устраивал, – сотрудничество с демократической Россией, как с «младшим партнером»; второй вариант – Россия пойдет дальше до достижения международного признания и уважения, как демократического государства, и захочет играть «особую евразийскую роль». Поскольку в итоге РФ выбрала свой собственный путь развития, отличный

от европейского, самые страшные опасения американцев оправдались, тем самым определив российско-американское противостояние XXI в. Обострение политического кризиса на Украине в 2014 г. и его трансформация из внутренней проблемы в региональную стало площадкой для прямого противостояния США и РФ за влияние в Европе. Представители американских аналитических центров таких, как Корпорация РЭНД, Фонд Наследие, Фонд Карнеги за международный мир, Совет по международным отношениям, Институт мировой политики оценивают украинский кризис как дестабилизирующий фактор в европейском регионе. Кроме того, выделяется роль Североатлантического альянса в качестве гаранта европейской безопасности и противодействующей силы «российским имперским амбициям» – быть евразийским государством. И наконец, во многих работах указывается, что политическая ориентация Украины повлияет и на дальнейший политический курс России в долгосрочной перспективе. Как и было сказано в прошлой

главе, американские аналитические центры делают упор на исследования в сфере глобальной и региональной безопасности, поэтому большинство рекомендаций экспертов относится именно к этой сфере и предусматривает прямое военное столкновение.

С. Ларраби в соавторстве с П. Вилсоном и Д. Гордоном пишет (статья 2015 г.), что кризис на Украине заставил США пересмотреть роль ЕС в Стратегии национальной безопасности, в предстоящее десятилетие ЕС будет одним из приоритетных регионов американской политики. Вместе с тем он указывает о необходимости Министерству обороны США разработать для НАТО более надежную систему сдерживания и обороны в Восточной Европе, а также подготовить армию НАТО и, США в частности, к решению всего спектра конфликтов, для армии США рассчитывается возможная мобилизация войск и их переброс в Европу.¹ С. Пайфер также рекомендует НАТО укреплять обычные средства обороны в странах Балтии и Центральной Европы для сдерживания России и обеспечения гарантий союзников, что включает в себя более широкое ротационное присутствие сухопутных сил Североатлантического союза с целью поддержания трехсот-шестисот сухопутных войск НАТО в каждой из стран Балтии и Польши.²

Очевидно, что в политических и научных американских кругах рассматривают угрозу прямого военного столкновения с Россией.

В монографии «Россия и Запад после украинского кризиса: уязвимость ЕС к давлению со стороны России», написанной в соавторстве со С. Пезард, А. Радиным, Н. Чендлером, К. Крейн и Т. Сзайня рассматриваются уязвимые стороны европейских государств. Отмечается, что наиболее уязвимыми являются государства Восточной и Центральной Европы, так как имеют некоторую экономическую, а именно энергетическую, зависимость от РФ и могут страдать от экономических санкций. Однако, по

мнению, вышеупомянутых экспертов, ЕС может найти других поставщиков энергетических ресурсов и чем раньше это будет сделано, тем быстрее РФ потеряет механизмы воздействия на ряд европейских стран. Вероятно, тем самым США пытаются сами стать поставщиком энергоресурсов в Европу, ведь «Северный поток – 2» ставит под сомнение целесообразность поставок американского сжиженного природного газа. В настоящее время США пытаются вынудить страны ЕС сократить энергетическое сотрудничество европейских стран с РФ. Так, Палата представителей конгресса США приняла законопроект «О приоритете усилий по укреплению сотрудничества учреждений США с целью убедить страны Центральной и Восточной Европы диверсифицировать источники энергии и маршруты поставок, укрепить энергобезопасность Европы и помочь США достичь своих целей в области глобальной энергетической безопасности».³

Ким Р. Холмс, исполнительный вице-президентом Фонда наследия, предлагает экономически изолировать РФ посредством «удушающих» санкций и сделать все, чтобы Украина не входила в сферу влияния РФ. «Давайте дадим украинцам и русским долгосрочную стратегию. В дополнение к краткосрочным санкциям против России, которые действительно угрожают ее способности вести бизнес с Западом, мы должны предложить помощь экономике Украины. Мы можем сделать это не только путем поддержки кредитов и кредитных гарантий для оказания помощи Украине через ее непосредственный кризис, но и для того, чтобы помочь Международному валютному фонду и Европейскому Союзу построить программу помощи для реформ, которая может перевернуть экономику Украины» - пишет он. Наблюдается классическая схема демонтажа старого политического режима 2013 – 2014 гг. на Украине. не удовлетворяющего интересы Вашингтона:

¹ The Ukrainian Crisis and European Security. Implications for the United States and U.S. Army by F. Stephen Larrabee, Peter A. Wilson, John Gordon IV // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR903.html

² Pifer S. Crisis Over Ukraine, October 2015 // <https://www.cfr.org/report/crisis-over-ukraine>

³ В конгрессе США приняли проект против российских энергопоставок в Европу // <https://ria.ru/20190326/1552102272.html>

внутригосударственное военное противостояние, истощение экономики и ресурсов, а затем США предлагают свою помощь в виде долгосрочных кредитов, тем самым распространяя экономическое и политическое влияние на государство. А.Маклис, младший научный сотрудник программы Института Карнеги «Россия и Евразия», наоборот, отмечала, что Вашингтон и Москва совместно должны содействовать урегулированию украинского кризиса, в частности в экономической сфере. «Если Вашингтон и Москва не смогут сейчас найти способ работать вместе для решения этой насущной проблемы, то Соединенные Штаты и Европа должны возглавить процесс разработки решения. В противном случае международное сообщество может столкнуться с еще более тяжелой ситуацией в предстоящие годы»⁴.

В настоящее время наблюдается отсутствие консенсуса Москвы и Вашингтона, поэтому США действуют по своему усмотрению. Так, Президент США Д. Трамп подписал одобренный конгрессом пакет законодательных актов, который существенно увеличивает помощь Украине на этот год — почти до 700 млн, а также США выделяют Украине \$445,7 млн долл. в рамках «Закона об ассигнованиях Государственного департамента, зарубежных операций и смежных программ на 2019 финансовый год»⁵.

Действительно многие рекомендации американских аналитических центров отражены в Стратегиях национальной безопасности США 2015 и 2017 гг. (далее – Стратегия), а их цели и задачи реализованы во внешней политике. Так, в Стратегии 2015 г. в рамках обеспечения национальной безопасности указывается, что США будут продолжать проводить реформы по созданию универсальных и быстро реагирующих сил, подготовленных к более разнообразным ситуациям и инвестировать вооруженные силы с целью сохранения своего воен-

ного превосходства в мире. Кроме того, отмечается, что «Мы [США] будем принципиальны и избирательны в применении силы. Применение силы не должно быть нашим первым выбором, но иногда это будет необходимым решением. Соединенные Штаты будут применять военную силу в одностороннем порядке, когда этого требуют наши непреходящие интересы: когда наш народ находится под угрозой; когда наши средства к существованию находятся под угрозой.»⁶ то есть фактически США умаляют роль ООН и наделяют себя полномочиями принимать решения согласно своей интерпретации той или иной ситуации на международной арене.

В контексте глобальной безопасности говорится, что США намерены продолжать укреплять сотрудничество с ЕС в рамках НАТО, а также подчеркивается необходимость повышения уровня европейской энергетической безопасности в краткосрочной и долгосрочной перспективе, чтобы сдерживать «агрессию» России – «Агрессия России на Украине дает понять, что европейская безопасность и международные правила и нормы против территориальной агрессии нельзя принимать как должное. В ответ мы возглавили международную усилия по поддержке украинского народа в выборе собственного будущего и развитии демократии и экономики». Вместе с тем подтверждалось и продолжение наложения санкций на Россию для противодействия «лживой пропаганде Москвы».

Несмотря на ряд антироссийских положений также указывалось, что сотрудничество с Россией возможно для достижения общих целей и устранения общих угроз, в первую очередь, подразумевалось совместное противодействие международному терроризму.

В Стратегии 2017 г., утвержденной Д. Трампом, совпадают ключевые положения со Стратегией национальной безопасности

⁴ Mclees A., Rumer E. Saving Ukraine's Defense Industry // <https://carnegieendowment.org/2014/07/30/saving-ukraine-s-defense-industry-pub-56282>

⁵ Счастье наступило: США дадут Украине деньги на войну //

<https://www.gazeta.ru/business/2019/02/16/12188599.shtml>

⁶ National Security Strategy of the United States of America, 2015 // https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf

США 2017 г. в отношении глобальной и региональной безопасности и сотрудничества с ЕС:

- ЕС – является важным торговым и стратегическим партнером;
- Россия – «агрессор», использует подрывные меры, чтобы ослабить доверие Америки к Европе, подорвать трансатлантическое единство и ослабить европейские институты и правительства;
- США намерены углублять сотрудничество с европейскими союзниками и партнерами, чтобы противостоять силам, угрожающим подорвать общие ценности, интересы безопасности и общее видение. США и Европа будут работать вместе, чтобы противостоять российской подрывной деятельности и агрессии;
- США намерены диверсифицировать европейские источники энергии для обеспечения их энергетической безопасности;
- Увеличение расходов на оборону до 2% валового внутреннего продукта к 2024 г., причем 20% этих расходов направлено на увеличение военных возможностей⁷.

Из вышеуказанного следует, что при принятии внешнеполитических решений США опираются на исследования аналитических центров. Явно проявляется взаимосвязь и взаимодействие государства и «фабрик мысли». Вероятно, на это влияет американская практика, когда не только в окружение президента, но и в его администрацию входят эксперты «мозговых центров».

Воздействие трактовок кризиса на Украине аналитическими центрами ЕС на европейскую внешнюю политику.

Европейские эксперты в своих исследованиях рассматривали факторы политического кризиса на Украине, и в отличие от американских коллег не давали конкретных рекомендаций по урегулированию кризиса, лишь иногда выражали свое мнение по поводу данной темы. Украинский кризис поставил перед Европейским союзом несколько ключевых задач:

- Урегулирование кризиса и стабилизация региона;
- Определение роли НАТО и ОБСЕ;
- Выстраивание дальнейших политических и экономических отношений с Россией.

В условиях напряженных отношений США, ЕС и РФ, которые дошли до критически низкой отметки, что наблюдалось во времена «Холодной войны» урегулирование украинского кризиса в краткосрочной перспективе, очевидно, представляется невозможным. Украине необходимо осуществить ряд внутренних трансформаций, сформировать политический курс и получить признание и доверие других государств, именно от этого зависит отношения США, ЕС и РФ и даже политическая ориентация России. Несомненно, европейские государства заинтересованы в сотрудничестве с Россией как в политическом, так и в экономическом измерении. «Любое восстановление сотрудничества между Западом и Россией является желательным, но не может осуществляться за счет прав и интересов соседних стран. Также было бы желательно, чтобы ЕС и США признали, что содействие демократии и ее расширение на Восток.» - пишет М. Милошевич-Хурасти.⁸

В интервью Р. Лайн говорит о том, что для разрешения кризиса и на Украине, и в международных отношениях, а также предотвратить следующие, всем заинтересованным сторонам необходимо обсудить свои разногласия в частном порядке и решать проблемы посредством мирного урегулирования, а не пытаться воздействовать друг на друга путем ультиматумов и угроз.⁹

С. Лене, эксперт Института Карнеги в Брюсселе, также считает необходимым «перезагрузить» отношения РФ и ЕС и возобновить сотрудничество. Если Р. Лайн говорит об обсуждении проблем и поиска решений в рамках какой-нибудь структуры, то Стефан Лене предлагает выделить эту роль ОБСЕ. По его мнению, украинский

⁷ National Security Strategy of the United States of America, 2017 // <https://www.hsdl.org/?abstract&did=806478>

⁸ Milosevich-Juaristi M. Ucrania, piedra de toque para Occidente // http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/ri/elcano_es/con-

[tenido?WCM_GLOBAL_CON-TEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari22-2017-milosevichjuaristi-ucrania-piedra-toque-occidente](https://www.hsdl.org/?abstract&did=806478)

⁹ Lyne R. Ukraine Crisis Highlights a Critical Gap in European Security <https://www.chathamhouse.org/media/comment/view/197743>

кризис продемонстрировал сравнительные преимущества ОБСЕ в ситуациях, когда Россия и Запад являются антагонистами или поддерживают разные стороны в конфликте, но имеют общий интерес сдерживать риски и избегать эскалации.¹⁰ Вместе с тем, он отмечает, что ее возможности ограничены. «Сравнительные преимущества ОБСЕ - ее инклюзивный характер и принятие решений на основе консенсуса - сохраняют свою ценность. Но обратной стороной этих сильных сторон является значительная слабость с точки зрения лидерства и эффективности, которые ограничивают потенциал организации. Во времена гармонии между Востоком и Западом другие организации, вероятно, могут предложить больше России и ее союзникам.» - пишет он.¹¹

Таким образом, оба эксперта выделяют необходимым российско-европейское сотрудничество и предполагают создание некоей переговорной площадки для урегулирования, прежде всего, украинского кризиса и решения ряда других международных проблем. Создание такой структуры вполне возможно после проведения внутренних реформ на Украине, определения ее политической ориентации, то есть когда снизится уровень напряженности в отношениях США-ЕС-РФ, но неясно будет ли она эффективной, учитывая, что политика США основывается на их «исключительности» и они не желают рассматривать Россию в качестве равноправного партнера, в то же время ощутимо американское влияние на европейские государства.

Р. Дарлингтон и С. Дженкинсон, аналитики Центра политических исследований, наоборот, считают, что нужно продолжить разрывать отношения с Россией, обособляться от нее и наконец изолировать ее. С этой целью они предлагают энергетическую диверсификацию европейских стран, а также сокращения использования энерго-ресурсов. Странам ЕС рекомендуется (статья от 09.09.2014 г.):

- Принять новую обязательную общеевропейскую цель по энергоэффективности в размере 35% к 2030 г., что в перспективе позволит ЕС сократить импорт газа на треть;

- Принять общеевропейское обязательное увеличить долю обеспечения своей энергии за счет возобновляемых источников, по крайней мере до 30% к 2030 г.;

- Европейский инвестиционный банк и Европейский банк реконструкции и развития должны повысить суммы инвестиций в экологически чистую энергетику, которые могли бы способствовать низкоуглеродному переходу.¹²

Так, 26 июня 2017 г. Европейским Советом было согласовано обновление Директивы 2012/27 в рамках принятия энергетического пакета мер по сохранению конкурентоспособности ЕС «Чистая энергия для всех европейцев» (Clean Energy For All Europeans), в частности обеспечения 30% цели повышения энергоэффективности к 2030г. В целом западноевропейская энергетическая политика в области повышения энергоэффективности включает в себя меры, установленные в рамках принятых стратегий ЕС, а именно:

- Энергетическая стратегия ЕС на период до 2020 г., которая устанавливает увеличение энергоэффективности не менее чем на 20% к 2020 г.;

- Стратегия в области энергетики и климата – 2030, которая предполагает повышение энергоэффективности не менее чем на 27% к 2030 г.;

- «Чистая энергия для всех европейцев», в рамках которой подразумевается рациональное потребление энергии путем повышения энергоэффективности.¹³

Европейские страны до кризиса на Украине проводили политику увеличения энергоэффективности, поэтому тот факт, что рекомендации были реализованы, не означает, что это делается намеренно для снижения энергетической зависимости от

¹⁰ Lehne S. Reviving the OSCE: European Security and the Ukraine Crisis // <https://carnegieeurope.eu/2015/09/22/reviving-osce-european-security-and-ukraine-crisis-pub-61362>

¹¹ Там же.

¹² EU should secure its energy, without Russian gas // <https://www.ippr.org/news-and-media/press-releases/eu-should-secure-its-energy-without-russian-gas>

¹³ Кужелева К.С., Грачев Б.А. Энергетическая политика ЕС в области энергоэффективности // http://www.energsovet.ru/bul_stat.php?idd=694#_ftn2

России, это является лишь следствием проведения успешной энергетической политики ЕС.

Эксперты Королевского института международных отношений «Чатем – Хаус» Т. Эш, Д. Ганн, Д. Лоу, О. Луцевич, Д. Никси, Д. Шерр и К. Волчук пишут, что именно на НАТО возлагается роль обеспечения европейской безопасности, целью ЕС в настоящее время должно быть сохранение независимости и территориальной целостности Украины вне зависимости от намерений России. При российском сопротивлении, по их мнению, Западу необходимо пересматривать санкции и по мере необходимости усиливать их, тем самым сдерживая РФ. Кроме того, отмечается, что НАТО и ЕС должны консультировать Украину в оборонной сфере, а также сотрудничать по урегулированию украинского кризиса внутри и вне «Нормандского формата» и Минских соглашений, то есть без участия России и без учета ее позиции.

Примечательно, что в аналитических центрах Германии, Италии, Испании ОБСЕ рассматривается, как структура, которой

следует наращивать свою эффективность в обеспечении региональной безопасности, в то время как в «мозговых центрах» Великобритании придерживаются – мнения, что именно в компетенции НАТО должно входить европейская безопасность. Во-первых, это связано с тем, что ЕС перестает быть сателлитом США; во-вторых, между США и Великобританией исторически сложились особые культурные, политические и экономические отношения, что и обуславливает поддержку США Великобританией.

Таким образом, наблюдается, что европейские аналитические центры не имеют такой сильной взаимосвязи с государствами, какая существует в США. Исследовательская деятельность поощряется, но на выводы и рекомендации экспертов государства не опираются при принятии внешнеполитических решений, что подтверждает неопределенность роли и места «мозговых центров» ЕС в международных отношениях и мировой политике. Очевидно, что они имеют минимальное политическое влияние.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Larrabee S.F., Pezard S., Chandler R.N., Crane K., Szayna T.S. *Russia and the West After the Ukrainian Crisis: European Vulnerabilities to Russian Pressures.* // RAND Corporation. — 2017. — 100 p.
2. Larrabee S.F., Pezard S., Radin A., Szayna T.S. *European Relations with Russia: Threat Perceptions, Responses, and Strategies in the Wake of the Ukrainian Crisis.* // RAND Corporation. — 2017. — 121 p.
3. Larrabee S.F., Wilson P.A., Gordon IV J. *The Ukrainian Crisis and European Security: Implications for the United States and U.S. Army.* // RAND Corporation. — 2015. — 67 p
4. Lough J., Nixey J., Wolczuk K., Lutsevych O., Sherr J. *The Struggle for Ukraine* // The Royal Institute of International Affairs. — 2017. — 126 p.
5. Menon R., Rumer E.B. *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order.* // The MIT Press, — 2015. — 248 p.
6. Беляева Н.Ю., Ена О.В., Зайцев Д.Г., Чулок А.А. Оценка воздействия аналитических сообществ на изменение политико-управленческих решений // научный журнал Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016 - №1 – С.103 – 128.
7. Бубнова Н.И., «Мозговые центры» как актор современной политики // журнал сравнительная политика. – 2017 - №3 – С.8 – 19.
8. Кочетков Г.Б., Супян В.Б., «Мозговые центры» в США: Наука как инструмент реальной политики // научный журнал Проблемы прогнозирования. – 2010 - №5 – С.52 – 67.
9. Курылев К.П. Украинский кризис 2013-2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие. // Вестник РУДН, серия Международные отношения. Россия, Москва: Изд-во РУДН, 2014, №4. С. 25-38.
10. Курылев К.П. Украинский кризис и международная безопасность. М.: URSS, 2018.

11. Курьлев К.П., Гаврикова К.В., Пospelova Е.А. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 99-109.
12. Медушевский Н.А., Аналитические центры в политическом процессе: американская модель «фабрик мысли» и ее функционирование за пределами США // журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2010 - №1 (56) – С.118 – 132.
13. Медушевский Н.А., Фабрики мысли в ЕС: сравнительный анализ европейского и американского исследовательских подходов // Вестник РУДН, серия Политология. – 2010 - №1 (56) – С.111 – 120.

Сведения об авторе: Пуртова Анастасия Вячеславовна – бакалавр в области международных отношений кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: 1032150708@rudn.ru).

REFERENCES

1. Belyaeva N.YU., Ena O.V., Zajcev D.G., Chulok A.A. Ocenka vozdejstviya analiticheskikh soobshchestv na izmenenie politiko-upravlencheskikh reshenij // nauchnyj zhurnal Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. – 2016 - №1 – S.103 – 128.
2. Bubnova N.I., «Mozgovye centry» kak aktor sovremennoj politiki // zhurnal sravnitel'naya politika. – 2017 - №3 – S.8 – 19.
3. Kochetkov G.B., Supyan V.B., «Mozgovye centry» v SSHA: Nauka kak instrument real'noj politiki // nauchnyj zhurnal Problemy prognozirovaniya. – 2010 - №5 – S.52 – 67.
4. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis 2013-2014 gg. i «arabskaya vesna» 2011 g.: skhodstvo i razlichie. // Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya. Rossiya, Moskva: Izd-vo RUDN, 2014, №4. S. 25-38.
5. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost'. M.: URSS, 2018.
6. Kurylev K.P., Gavrikova K.V., Pospelova E.A. Ekspertno-analiticheskie centry na Ukraine: harakter i osobennosti // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. T. 15. № 3. S. 99-109.
7. Medushevskij N.A., Analiticheskie centry v politicheskom processe: amerikanskaya model' «fabrik mysli» i ee funkcionirovanie za predelami SSHA // zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz». – 2010 - №1 (56) – S.118 – 132.
8. Medushevskij N.A., Fabriki mysli v ES: sravnitel'nyj analiz evropejskogo i amerikanskogo issledovatel'skikh podhodov // Vestnik RUDN, seriya Politologiya. – 2010 - №1 (56) – S.111 – 120.

About the author: Purtova Anastasija V. Bachelor of International Relations international relations of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: 1032150708@rudn.ru).